

Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения»

**X международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Жить в России. Жить в мире.
Социология повседневности»**

20 мая — 14 ноября 2020 г.

Материалы конференции

Москва
2020

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

М34

Ответственный редактор:

Анна Викторовна Кулешова —

кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

М34 Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности», 20 мая—14 ноября 2020 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2020. — 298 с.

ISBN 978-5-906345-27-1

В сборнике представлены материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности».

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

ISBN 978-5-906345-27-1

© АО ВЦИОМ, 2020

Содержание

Цветущее разнообразие методов

<i>М. С. Астоянц, Д. Н. Брайко, Д. А. Гугуева, А. Г. Красножон, Ю. С. Панфилова</i>	8
Дневниковый метод в изучении повседневных практик студентов в период пандемии	
<i>С. Г. Саблина, А. В. Трусевич</i>	14
Качественные исследования: нестандартные техники для изучения новых практик	
<i>Д. Г. Передня</i>	20
Пословица как индикатор нормативного поведения сотрудников русской полиции	
<i>Г. В. Гильдебрант</i>	26
Старый метод на новый лад	
<i>Н. А. Селиверстова, М. Г. Солнышкина</i>	30
Исследование жизненных траекторий студентов-заочников методом целевой автобиографии	
<i>Н. В. Смутькина</i>	34
Особенности применения проективных техник в политико- психологических исследованиях	
<i>И. В. Троцук</i>	39
Аналитический потенциал кейс-стади: типологии как инструмент оценки состояния сельских поселений	
<i>Г. С. Карибекова</i>	45
Оценка репутации компании с государственным участием	
<i>Н. А. Скворцов</i>	49
О подходах к обнаружению поддельных новостей	
<i>А. И. Матюсова</i>	53
Качественные методы изучения личностей представителей губернаторского корпуса современной России	

Социология повседневности

<i>А. А. Возьмитель</i>	56
Повседневность и ее целостный социологический анализ	
<i>Г. В. Виноградова</i>	60
Моральная карьера бездомного человека в рамках социологии повседневности: предварительные выводы	
<i>Е. Г. Бунов</i>	65
Любительский спорт в условиях самоизоляции	

<i>Е. В. Андрианова, М. В. Худякова</i>	69
Виды социальной активности современного пенсионера: возможности и барьеры	
Социология молодежи	
<i>Я. Г. Зинченко</i>	74
Контурсы взросления глазами современной молодежи	
<i>О. В. Сорокин</i>	78
Образцы девиантного поведения в социальной реальности молодежи	
<i>А. В. Селезнева</i>	83
Политические представления и идентификационные ориентации в структуре гражданского самосознания российской молодежи	
<i>А. А. Зайцева</i>	88
Гражданско-социальные практики студентов вузов Ростовской области: специфика реализации	
<i>Н. С. Байша</i>	93
Студенческий взгляд на историческую и социальную память (по результатам качественного социологического исследования)	
<i>М. А. Федосеева, Е. П. Мясина</i>	98
Вред благотворительности в оценках орловской студенческой молодежи	
Счастье и субъективное благополучие в России	
<i>В. Л. Римский</i>	103
Связи справедливости и благополучия в российской повседневности	
<i>И. В. Троцук</i>	107
Мы счастливы, благополучны или притворяемся: социальный запрос на методическую рефлексию	
<i>Р. А. Захаркин</i>	113
Исследование восприятия российской социальной реальности как кризисной (на примере жителей Приморского края)	
Социология семьи и брака	
<i>О. Ю. Колесниченко, Е. Ю. Васильева, О. В. Стрелкова, А. В. Левадная</i>	118
Приверженность женщин грудному вскармливанию в отражении социальной повседневности	
<i>Л. П. Федоренко</i>	125
Образная игрушка как агент социализации	

<i>А. В. Гизатуллина</i>	130
Современный феномен родительства — работающие мамы. Проблемы и опыт их решения	

Человек потребляющий

<i>Н. Н. Иващенко, М. Л. Теодорович</i>	133
Мониторинг удовлетворенности населения работой финансовых сервисов в интернете	
<i>О. П. Новоженина, О. В. Гребняк</i>	139
Особенности реализации проекта «Цифровая экономика» в условиях пандемической реальности	
<i>Я. И. Каткова</i>	145
Экономическое поведение потребителей на рынке краудлендинга	

Социология труда и занятости

<i>А. И. Черевкова</i>	149
«Я росла на приеме в медицинском кабинете»: детство представителей династий врачей	
<i>А. А. Салатова, А. Н. Ершов</i>	154
Паттерны трудовой миграции инженеров нефтегазовой отрасли (на материалах Сахалинской области)	
<i>Д. П. Исаев</i>	161
Профессиональная династия как мотивационная среда (некоторые вопросы изучения)	
<i>А. А. Подольская</i>	165
Карьерные стратегии женщин-инженеров на предприятиях ракетно-космической отрасли: цели и возможности реализации	
<i>Ю. С. Панфилова</i>	170
Модели трансмиссии социального статуса представителей второго поколения бизнес-династий	

Человек и мир

<i>А. В. Яковенко</i>	176
Человек в повседневном пространстве локальной вялотекущей войны	
<i>И. С. Палитай</i>	181
Образы стран Европы как фактор миграционных настроений	
<i>Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, С. Г. Максимова</i>	185
Модели и прогнозные сценарии воспроизводства социальных рисков и безопасности межнациональных отношений в регионах Российской Федерации	

Человек в глубинке, или Социология в регионе

<i>Т. А. Гужавина</i>	191
Социальный капитал населения малых городов	
<i>И. А. Пакшина, Е. С. Руськина</i>	196
Провинциальные города: репрезентация в региональных медиа	
<i>Ю. В. Уханова</i>	200
Благотворительность локального сообщества: опыт российского региона	

Социология образования

<i>А. Н. Новгородцева, А. Д. Гурарий, Ю. Е. Пьянкова</i>	207
Вынужденный переход в онлайн: опыт позиционирования вузов стран БРИКС (Китай и Россия) в Facebook в период режима самоизоляции	
<i>М. Н. Яшина, А. А. Бесчасная</i>	213
Вовлеченность в дистант: школьники и родители о новом опыте обучения	
<i>П. П. Дерюгин, О. В. Ярмач, Е. В. Страшко</i>	218
Научно-образовательные центры мирового уровня как фактор формирования человеческого капитала российских регионов	
<i>С. Н. Большаков</i>	223
Социология образования: критика теорий и богатство измерений	
<i>В. Е. Ярмач</i>	227
Создание российских научно-образовательных центров мирового уровня: итоги 2019 года	
<i>Н. А. Селиверстова, М. Г. Солнышкина</i>	231
Трудности повседневной жизни студентов-заочников высшей школы	

Человек и искусственная социальность

<i>Г. О. Сибилев</i>	235
Моделирование машинной этической логики по анализу суждений будущих разработчиков искусственного интеллекта	
<i>Е. Е. Скворцова, О. А. Алексеева</i>	241
Технологический и гуманитарный аспекты развития искусственного интеллекта	

Человек и цифра

<i>А. А. Аргамакова</i>	246
Виртуальные технологии в самоорганизации сообществ	

<i>А. М. Черданцева</i>	250
Особенности применения цифровых технологий в регулировании миграции: анализ европейского опыта	
<i>Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева</i>	256
Информационные перегрузки и практики «заботы о себе» в цифровой среде	
<i>Н. С. Байша</i>	262
Адаптация российских граждан разных поколений к цифровым переменам, вызванным пандемией: опыт социологического исследования	
Повседневная история	
<i>Н. А. Николенко</i>	267
Исторические памятники в зеркале городского пространства	
<i>Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева</i>	271
Образ страны в контексте исторической памяти: политико-психологический анализ	
Человек и власть	
<i>Е. А. Васильева, М. В. Рубцова</i>	275
Мотивация государственной службы к взаимодействию с гражданским обществом: опыт Республики Саха (Якутия)	
<i>Н. П. Щукина, Н. Н. Ламскова</i>	280
Социальная интерпретация конструирования диалога власти и общественности в пространстве публичных слушаний	
<i>Ю. В. Соболевская</i>	285
Отношение к конституционным изменениям как критерий типологизации политико-правового сознания и поведения	
<i>Д. А. Губанов, И. В. Козицин, А. Г. Чхартшвили</i>	291
О выявлении идейно-политических предпочтений пользователей городских сообществ в онлайн-социальной сети	

Цветущее разнообразие методов

**М. С. Астоянц, Д. Н. Брайко, Д. А. Гугуева,
А. Г. Красножон, Ю. С. Панфилова**

ДНЕВНИКОВЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

*АСТОЯНЦ Маргарита Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: mastoyanc@sfedu.ru*

*БРАЙКО Дарья Николаевна — ассистент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: dbrayko@sfedu.ru*

*ГУГУЕВА Дарья Александровна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: dgugueva@sfedu.ru*

*КРАСНОЖОН Анастасия Геннадьевна — преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: akrasnozhon@sfedu.ru*

*ПАНФИЛОВА Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: yspanfilova@sfedu.ru*

Аннотация. Когда Россия вслед за всем миром перешла в режим самоизоляции, нам стало интересно выяснить, каким образом изменилась повседневная жизнь, какие новые практики в ней появились, какие практики прекратили свое существование. Поэтому мы попросили вести дневники студентов Южного федерального университета разных курсов

и направлений обучения. В выборку попали студенты, которые проживали в Ростовской области и Краснодарском крае, сельские и городские жители. Мы пригласили принять участие в исследовании только заинтересованных студентов, это было сделано для того, чтобы получить максимально полные записи. Структура дневника была предложена нами и включала в себя несколько вопросов, на которые необходимо было отвечать ежедневно, а также оценивать свое состояние/настроение еженедельно. Ежедневно мы просили студентов отмечаться в таблице о заполнении дневника, за этим следили кураторы. Еженедельно студенты высылали свои дневники, таким образом мы могли проводить некоторые замеры еще в рамках полевого этапа исследования. Методика анализа дневниковых записей не нова для социологии, но использование дневников с заданной структурой для исследования изменившейся повседневности была использована впервые. В данной статье мы представим некоторые промежуточные выводы, так как работа по анализу исследования еще продолжается.

Ключевые слова: повседневность, повседневные практики, личный дневник, самоизоляция, COVID-19, качественное исследование, ежедневная фиксация изменений повседневных практик

Как мы придаем смысл своему повседневному миру? Как конструируем социальный порядок? В поисках ответов на эти вопросы Гарольд Гарфинкель проводил свои эксперименты, нацеленные на разрушение нормального хода повседневности. Ученый пришел к интересному выводу: наши повседневные социальные практики наполнены неосознаваемыми латентными смыслами, которые осознаются, когда повседневность искусственно ломается [Гарфинкель, 2007].

Мы находимся в уникальной ситуации: чтобы выявить, как работают типичные социальные практики в условиях поломки повседневности, нам не нужно ставить эксперименты. Сегодня кризисный эксперимент проходит в измененной пандемией реальности.

Резкий слом привычного образа жизни, как утверждает Г. Гарфинкель, заставляет человека сопротивляться, пытаться воспроизводить рутинные способы действия, восстанавливать поломанную повседневность. Эти методы восстановления повседневных социальных практик, с одной стороны, основаны на личном опыте, с другой — зависят от фоновых ожиданий.

Вслед за Гарфинкелем пошли и мы и, проанализировав реакции информантов на опасность, попытались понять, как поломка повседневности повлияла на устоявшиеся социальные практики студентов Южного федерального университета (ЮФУ).

Наше исследование началось 30 марта 2020 г. и продолжалось до 7 июня 2020 г., всего 10 недель. На первом этапе для апробации инструментария мы пригласили студентов-социологов, в нем приняли участие 17 добровольцев, к которым через две недели присоединилось еще 39 студентов направлений обучения «Политология» и «Социальная работа». Участников исследования мы попросили вести дневники. Ведение дневника предполагало ежедневную фиксацию изменений повседневных практик (появление новых, трансформация старых, отказ от некоторых из них) и описание чувств, которые при этом возникают. Также ломку стереотипов обыденного мышления мы попытались выявить через вопросы о том, чего студентам не хватает в новой повседневности и насколько ценными для них были утраченные практики (фиксировать ответы на них мы попросили в конце каждой недели). Мы также предложили студентам в начале и в конце недели одним словом описать свою повседневную жизнь, как они ощущают ее на момент записи.

На начальном этапе проекта предполагалось завершить исследование через неделю после окончания режима самоизоляции, чтобы проследить динамику «возвращения к нормальности». Однако официального сигнала об окончании самоизоляции так и не поступало, и когда у нас и наших информантов сформировалось четкое ощущение того, что в реальности самоизоляция практически закончилась, мы завершили сбор дневниковых записей. Следует заметить, что к середине срока (к концу пятой недели проекта) четверо наших информантов досрочно вышли из проекта, ссылаясь на невозможность обнаружить ничего нового в своей повседневности, и двумя неделями позднее еще семь участников проекта вышли из него по той же причине. Таким образом, мы получили 56 дневников участников исследования, которые охватывали период от 5 до 10 недель. В числе 56 участников проекта оказалось 14 юношей и 42 девушки, что в целом соответствует гендерному портрету студентов социогуманитарных факультетов.

Пик тревожности участников проекта пришелся на конец марта — начало апреля, но уже на следующей неделе студенты ощущали лишь некоторое беспокойство. К середине апреля стало нарастать ощущение однообразия, перешедшее в скуку и усталость. К началу мая состояние стало привычным и нормализовалось. К концу мая накопились усталость,

беспокойство и ощущение тревожного ожидания. Начало июня уже рассматривалось большинством респондентов как обычная жизнь, порядок, возвращение в нормальность:

Вышла на улицу впервые за 2 недели. Я не ожидала того, как все вокруг преобразилось... Маршрутки пустые, большинство людей в масках и перчатках, в магазинах разметки... Я чувствовала себя потерянно и тревожно. Странное чувство. (3.04)

В принципе я уже привыкла к этому режиму. Каждый мой день проходит по одному и тому же расписанию. Так долго дома я не была со времени учебы в школе. Ничего нового не чувствую. Просто обычные дни, к которым я уже привыкла. (3.05)

Что-то близкое к депрессии. Мне очень грустно. Изоляция заставляет испытывать чувства, которые раньше бы не возникли совсем или возникли с меньшей силой. (24.05)

Я считаю, что моя жизнь полностью вернулась в привычное русло. О прошедшей беде мне напоминают плакаты с информацией о коронавирусе и редкие встречи с людьми, которые носят маски или соблюдают дистанцию (хотя я все же придерживаюсь этих правил). (6.06)

Таким образом, восприятие ситуации пандемии нашими респондентами несколько отличается от данных ВЦИОМ, согласно которым пик тревожности россиян приходился на конец апреля — начало мая, когда тревожность испытывали 84—86 % респондентов¹. Зато пик тревожности студентов полностью совпадает по датам с выявленным ФОМ максимумом сообщений о коронавирусе в социальных сетях², что, на наш взгляд, вполне логично и объясняется тем, что студенты являются активными пользователями социальных сетей.

Именно в этот пиковый период наши респонденты замечали негативное влияние информационных потоков на свое самочувствие, усиливающее тревогу:

¹ ВЦИОМ: россияне пережили пик тревожных настроений из-за пандемии коронавируса // ТАСС. 2020. 16 июня. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8734855> (дата обращения: 24.06.2020).

² Проект КоронаФОМ. Ежедневный мониторинг социальных сетей и поисковых систем по теме «Коронавирус» // Социология пандемии. URL: <https://covid19.fom.ru/k-sm> (дата обращения: 24.06.2020).

Старалась меньше смотреть политические программы, видеоролики о вирусе, зараженных и подобное. Стоит только послушать их, и внутри возникает все больше и больше паники и недовольства. Поэтому решила избегать их. (30.03)

Повседневность наших студентов помимо учебной деятельности была наполнена новыми и нетрадиционными для них практиками, причем практики, связанные с гигиеной и безопасностью, упоминаются как значимые только в первые две недели исследования. И если в конце марта и начале апреля значительная часть студентов довольно серьезно подходит к соблюдению самоизоляции и применению средств индивидуальной защиты, то конец апреля, а тем более май уже показывает рост «коронаскептицизма»:

Гуляем в парке. И завтра будем гулять. Надоел этот абсурд с самоизоляцией и прочим. Маску надеваю только в магазине, потому что такие требования. Нарастает раздражение ко всем этим «мерам» борьбы с вирусом. Очевидно, что половина всего, что напридумывали, просто ерунда. (4.05)

Студенты, вернувшиеся в свои села и малые города на период самоизоляции, пытались организовать свое домашнее пространство под учебные нужды и разделить его с другими членами семьи. На этот же период приходится максимум активности в попытках организовать интеллектуальный досуг (чтение, запись на онлайн-курсы, участие в вебинарах и т. п.), однако активность в этой сфере вскоре снизилась. Несколько дольше продолжались начавшиеся в период самоизоляции занятия спортом, кулинарные опыты. Часто упоминаются в дневниках и иные дисциплинирующие телесные практики, связанные с организацией питания (попытки ограничения количества еды, контроль за ее качеством) и сна (значительные расстройства сна в этот период отмечают многие наши респонденты); многие сообщают об ухудшении физического и психологического состояния в течение всего периода самоизоляции.

Основной проблемой и неудовлетворенной потребностью, которую особенно остро ощущали все наши респонденты, стала нехватка личного общения с близкими и друзьями, переживание «заключения» в замкнутом пространстве. Но в то же время студенты, пережившие самоизоляцию в кругу семьи, стали помогать родителям на приусадебных участках, в приготовлении пищи, в организации учебной деятельности

и досуга младших в семье детей, по их мнению, «*карантин сближает всех домочадцев*».

К концу исследования объем дневниковых записей студентов становился все меньше, а их большая часть посвящалась образовательным практикам, поскольку приближалась сессия. С облегчением студенты восприняли возвращение жизни в привычное русло, тревоги стали забываться, вернулся оптимизм при размышлении о будущем:

Несмотря на все ограничения, мы хорошо проводили время, поэтому даже если все лето будет карантин, я думаю, мы сможем провести его хорошо, пусть даже не совсем привычно и придется искать новые способы развлечений. (07.06)

Дневниковые записи обнажают интимные переживания утраты привычной повседневности в период пандемии и выявляют инерционность практик, позволяющую творчески воссоздавать и сохранять свой жизненный мир в момент его разрушения.

Список литературы

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 46—55.

С. Г. Саблина, А. В. Трусевич

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕСТАНДАРТНЫЕ ТЕХНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НОВЫХ ПРАКТИК

САБЛИНА Светлана Геннадьевна — кандидат социологических наук, доцент, проректор по учебной работе, доцент кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: sablina@nsu.ru

ORCID: 0000-0003-1306-3695

ТРУСЕВИЧ Александр Васильевич — аспирант кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: spase1818@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9841-7933

Аннотация. В последние годы социальные исследователи активно используют цифровую среду с особыми технологиями, продуктами, форматом и стилем коммуникации. Для осмысления происходящих трансформаций в методологии качественных исследований авторы провели вторичный анализ данных двух реализованных ими проектов, в которых применяются традиционные и нестандартные методы. В исследованиях используется потенциал рефлексии информантов относительно новых практик, которые развиваются быстрее, чем исследователи успевают их осмыслить. В первом проекте изучены представления об успехе обучения аудитории массовых открытых онлайн-курсов на основе ретроспективной рефлексии пользователей. Во втором проекте выделены основные мотивы и условия участия в социально ориентированном добровольчестве в локальном сообществе. В результате адаптации к российским реалиям методов и подходов, разработанных для изучения западных обществ, продемонстрирован хороший объяснительный потенциал теорий постмодернизма для изучения новых практик. Однако для решения некоторых методологических вопросов авторы использовали нестандартные приемы, в том числе ресурсы, инструменты и среду интернет.

Ключевые слова: постмодернизм, добровольчество, онлайн-обучение, качественные исследования, нарративное интервью, интернет

Постмодернистские теории как теоретическая рамка исследований

Несмотря на различия в исследовательских вопросах, два проекта, посвященных новым практикам, объединяет осмысление отношений между человеком и обществом на основе западных теорий постмодернизма.

В первом проекте используются идеи З. Баумана и У. Бека для изучения практик онлайн-обучения, которые обретают адаптивную ценность в «обществах риска». Для таких обществ характерно усиление неопределенности и роли неконтролируемых человеком сил и тенденций [Бауман, 2005], а также субъективизация и индивидуализация рисков и противоречий, порождаемых как отдельными институтами, так и обществом в целом [Бек, 2000]. Несмотря на вызов, традиционные образовательные учреждения не спешат реагировать на потребности постмодерного общества [Chandler, 2013], поэтому образовательные практики дерегулируются и передаются в сферу действия личной инициативы. В современных обществах онлайн-обучение вносит вклад в решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения, которые становятся обязанностью каждого человека [Бауман, 2005].

Во втором проекте использованы идеи З. Баумана [Бауман, 2005] и Н. Элиаса [Элиас, 2001] для изучения мотивов и условий включенности в социальное добровольчество в локальном сообществе. Особенностью индивидуализации в эпоху постмодерна является как усиление рациональности индивидов, так и формирование морали, в основе которой ответственность за ближнего, солидарность с другими в их сложных жизненных ситуациях [Бауман, 2005]. В постмодернистском обществе люди находятся в сети взаимозависимостей (обозначается как фигурация), которые прочно привязывают их друг к другу, способствуют удовлетворению их потребностей, решению проблем, поиску ответов [Элиас, 2001]. Социально ориентированное добровольчество можно представить как фигурацию, которая образуется из взаимных зависимостей индивидов, позволяя волонтерам проявлять свою индивидуальность, и имеет общее целеполагание в локальном сообществе.

Рекрутирование информантов

В обоих проектах использовался интернет как инструмент и среда для качественных исследований [Markham, 2010], в том числе социальные сети «ВКонтакте» и Instagram. Нестандартные способы установления контакта и рекрутирования информантов позволили сформировать со-

вокупность опрошенных (30 и 25 участников первого и второго проектов), которые являются носителями новых практик и не относятся к массовой аудитории. Так, вовлеченность людей в добровольчество в 2017 г. составляла 5 % российского населения, в то время как в Евросоюзе в среднем 22—23 % [Доклад о состоянии..., 2017: 50].

Интернет создал сообщества, которые иначе не могли бы сформироваться, обеспечивая доступ исследователей к разнородной аудитории и преодолевая границы в географическом и социальном пространствах. Однако представители интернет-сообществ как потенциальные информанты не всегда готовы и/или не имеют желания участвовать в опросе. В процессе рекрутинга, во-первых, осуществлялся поиск наиболее активных пользователей социальных сетей, которые проявили интерес к тематике онлайн-обучения/волонтерства в соответствующих виртуальных группах. Во-вторых, для привлечения их к исследовательскому интервью акцент делался на установлении доверительных отношений с пользователями, учитывая специфику интернета. В частности, этап подготовки к основному разговору оказался длительным в связи с необходимостью решить вопросы, связанные с конфиденциальностью информации и гарантиями анонимности участников. Каждый потенциальный информант посредством обмена личными сообщениями с интервьюером получал ответы на многочисленные возникающие вопросы, разъяснения целей исследовательских проектов и их этических аспектов, связанных с использованием данных в обобщенном виде, и т. п. Иногда информанты в процессе интервью задавали уточняющие вопросы о гарантиях конфиденциальности и анонимности, если заданный вопрос или обсуждаемая тема казались им чувствительными.

Большинство интервью проведено с использованием онлайн-сервиса Skype. Отсутствие непосредственного контакта с удаленно расположенным собеседником требовало «размораживания» отношений, для этого использовался прием перемены традиционных ролей интервьюера и интервьюируемого, прежде всего, в начале разговора. Для стимулирования информанта применялась легенда в качестве нарративного импульса, в ней заключалась основная интрига беседы, ей отводилась решающая роль в его логике. В самом начале разговора интервьюер становился рассказчиком собственной жизненной истории, тем самым обостряя интерес к теме, вдохновляя партнера и зажигая его воображение. В первом проекте интервьюер делился «историей неуспеха» в онлайн-обучении, в то время как собеседник имел позитивный опыт. Согласно легенде

второго проекта, интервьюер прекратил участвовать в волонтерской деятельности из-за сильных эмоциональных переживаний, в отличие от респондентов, которых он просил поделиться своим опытом. В обоих случаях информант оказывался более компетентным в теме предстоящего разговора на контрасте с собеседником. Следует отметить, что интервьюеры рассказывали реальные истории из собственной жизни, чувствовали себя комфортно, были открытыми и откровенными, что настраивало партнера на доверительные отношения.

Сбор данных и стиль интервью

По мнению Э. Гидденса, в современном состоянии общества каждому индивиду присуща постоянная рефлексивность [Гидденс, 2005: 72]. В обществе постмодерна люди склонны разделять жизнь на эпизоды и проживать их как историю, которой предстоит быть рассказанной [Бауман, 2005]. Учитывая, что рефлексивность является точкой идеологической общности постмодернистских теорий и качественной методологии [Чудова, 2008], сбор данных проводился в процессе нарративных интервью. Основным блоком гайда в обоих проектах предполагал рассказ респондентов о жизни как последовательности событий, начиная с первого сюжета, который отложился в памяти (первый опыт онлайн-обучения на массовых открытых онлайн-курсах или волонтерства).

Основная задача интервьюеров состояла в погружении информантов в более широкий контекст их жизненной истории в ответ на трансформацию self в XXI веке, которая неизбежно преобразует исследовательское интервью из пассивной коммуникации с ведущей ролью интервьюера в симметричную с одинаковой активностью обеих сторон [Holstein, Gubrium, 2016]. Современный стиль интервью предполагает особую логику разговора и изменение роли респондентов, которые становятся активно рефлексивными и компетентными наблюдателями. В процессе повествования интервьюеры занимали позицию активного слушания и после его завершения задавали уточняющие вопросы, так как нарратив не всегда был последовательным и логичным. В обоих проектах исследователи старались уходить от ситуаций, когда информант только отвечает на вопросы в стандартной технике интервьюирования. Если во время разговора информант терял интерес к нарративу, то интервьюер пытался его активизировать с помощью приема смены ролей. Такой стиль коммуникации создает условия для более глубокой рефлексивности, самоанализа и открытости/искренности информантов, обеспечивает

непрерывный монолог на заданную тему, который имеет ценность сам по себе с точки зрения декодирования латентных смыслов. Особый интерес представляют спонтанные аргументы респондентов, возникающие в контексте рассказа их жизненной истории. Эта техника позволила получить неожиданные и нетривиальные результаты.

В первом проекте в результате сопоставления периодов прохождения онлайн-курсов с различными событиями в жизни пользователей обнаружено, что интерес к онлайн-обучению часто совпадал по времени с моментами, когда информант планировал изменить карьерную, образовательную или жизненную траекторию [Sablina et al., 2018]. Во втором проекте «гипертекст» жизненных историй волонтеров содержал широкий спектр мотивов их участия в социально ориентированном добровольчестве — осознанных и неосознанных, прагматичных и альтруистических, моральных и рациональных, а также комплементарность формальных и неформальных практик в локальном сообществе [Саблина, Трусевич, 2019].

Проведенные исследования имеют ряд ограничений. Безусловно, совокупность опрошенных была относительно небольшой в обоих проектах, а также контекстно специфической (первый проект сфокусирован только на русскоязычных пользователях массовых открытых онлайн-курсов, второй — на волонтерах локального сообщества). В связи с этим полученные результаты не могут быть обобщены и требуют проверки на более масштабных и представительных совокупностях.

Несмотря на ограничения, данные проекты дают шанс услышать голоса носителей новых практик и демонстрируют необходимость нестандартных приемов, прежде всего использования интернета как инструмента и среды для рекрутирования участников, а также трансформации логики и стиля проведения интервью в ответ на вызовы изменяющейся социальной реальности.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год // Общественная палата Российской Федерации. 2017. URL: <https://fom.ru/uploads/files/OPRF.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).

5. Саблина С. Г., Трусевич А. В., Формальное и неформальное добровольчество в локальном сообществе // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов. Материалы Всероссийской конференции. Иркутск, 2019. С. 94—99.
6. Чудова И. А. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. 2008. № 6. С. 102—110.
7. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
8. Chandler N. (2013) Braced for turbulence: Understanding and managing resistance to change in the higher education sector. *Management*. Vol. 3. No. 5. P. 243—251.
9. Holstein J.A., Gubrium J.F. (2016) Narrative Practice and the Active Interview. In: *Qualitative Research*. 4th edition. Ed. by D. Silverman. London: Sage Publications.
10. Markham A. (2010) Internet research. In: *Qualitative research: issues of theory, method, and practice*. 3rd edition. Ed. by D. Silverman. London: Sage Publications.
11. Sablina S., Kapliy N., Trusevich A., Kostikova S. (2018) How MOOC-takers estimate learning success: Retrospective reflection of perceived benefits. *International Review of Research in Open and Distance Learning*. Vol. 19. No. 5. P. 22—36.

Д. Г. Передня

ПОСЛОВИЦА КАК ИНДИКАТОР НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

ПЕРЕДНЯ Дмитрий Григорьевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва, Россия

E-MAIL: 2975829@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1534-0812

Аннотация. В работе предпринимается попытка проанализировать смысловые конструкции, через которые сотрудники российской полиции символически описывают свое отношение к окружающей действительности. Для этого им было предложено написать любимую пословицу, которой они стараются «соответствовать» в своем поведении. Автор исходил из предположения, что интериоризированные высказывания фольклорного типа могут служить жизненными ориентирами для представителей этой профессиональной группы и неформальными регуляторами их жизни. Исследование позволило определить «границы» пословичной картины мира сотрудников полиции. Далее внутри установленных границ получено три группы высказываний. Первая — пословицы и поговорки о труде, работе; вторая — о подходах к выбору альтернативы и принятию решений; третья — о человеческих качествах, отношениях в ходе службы и межличностного общения. В статье описаны наиболее значимые фрагменты диспозиционной картины мира сотрудников. В частности, обнаружилось, с одной стороны, стремление сотрудников полиции к повышенной осторожности, желание перестраховаться, с другой — определенный фатализм, своего рода обреченность, покорность перед внешними условиями и обстоятельствами. Типичные свойства личности и воссозданная в результате исследования социальная идентичность этой профессиональной группы обусловлены спецификой служебной деятельности, но непременно находятся в границах общечеловеческих терминальных ценностей и имеют конструктивную, солидаризирующую направленность.

Ключевые слова: нормативное поведение, пословица, сотрудник полиции, ценностные ориентации

Сотрудники полиции представляют собой специфическую профессиональную группу, от деятельности которой существенным образом зависит общественная безопасность. Специфичность обусловлена формальной и неформальной селекцией при отборе в органы внутренних дел (ОВД).

Оказавшись на службе, сотрудники погружаются в особую организационную, корпоративную, управленческую культуру. К тому же специфика полицейской деятельности заставляет индивидов интериоризировать своеобразные нормы и ценности. Постепенно формируется своеобразное мировоззрение, отличающееся от взглядов обычных людей. Недаром много работ посвящено проблемам профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов и их профессиональному выгоранию [Мальцева, 2019: 74; Мальцева, Михайлова, 2019: 58].

Каковы же типичные свойства личности у этой профессиональной группы? Ответить на этот вопрос достаточно сложно ввиду, во-первых, общей закрытости организации, во-вторых, осторожности самих индивидов, ограниченных многими факторами объективной и субъективной природы. Для преодоления указанных трудностей была использована опросная методика получения эмпирической информации на основе анализа пословиц. Респондентами выступили слушатели Академии управления МВД России в специальных званиях от капитана до подполковника. Эта категория, с одной стороны, достаточно типичная, хорошо адаптированная к организационным требованиям, с другой — обладает потенциалом формирования будущего облика организации.

Был предложен вопрос: «Напишите любимую пословицу, которой Вы стараетесь „соответствовать“ в своем поведении». Он был заимствован из совокупности методик, предложенных Э. В. Сикевичем [Сикевич, 1999: 97]. Респонденты, общей численностью 157 человек, воспринимали задание как одну из надобностей процесса обучения. Ответы ими генерировались в нейтральной спокойной обстановке, без каких-либо идеологических оговорок и тенденциозностей. В отличие от анкеты с множеством в той или иной степени прямых вопросов, знание о доминирующих в сознании респондентов смыслах и установках, аккумулированных в пословицах, более ценно. Пословицы вобрали в себя все нюансы оценочного отношения к действительности, как служебной, так и внеслужебной, ее восприятия и отражения.

Отметим, что пословицы являются частью фольклора. Фольклор включает в себя произведения, передающие основные важнейшие представления народа о главных жизненных ценностях — труде, семье, любви,

общественном долге, родине. Пословицы как элементы фольклора содержат культурные коннотации различных периодов общественного развития. «Это самый краткий и одновременно завершённый логически, художественно поэтический вид фольклора» [Мезенцева, 2005].

Перед респондентами не ставили задачи заучивать, запоминать пословицы, однако часть из них оказалась интериоризирована, как бы сама собой переведена на внутриличностный уровень и в конечном счёте стала неформальным регулятором жизни. Изначально молодое поколение воспринимает социализирующее воздействие различных произведений, вобравших в себя мудрость предшествующих поколений, воспитывается на них. Затем в период вторичной социализации, в ходе службы в органах внутренних дел, происходит селекция основных жизненных принципов и установок, которые закрепились и были вербализованы вовне в ходе исследования посредством анализа содержания пословиц и поговорок.

Несмотря на то, что предлагаемый вопрос содержал указание на пословицы, фактически опрашиваемые указывали как пословицы, так и поговорки. В нашем случае это обстоятельство не влияло на качество полученных данных и не требовало дополнительной группировки по типу высказываний.

То, что те или иные пословицы становятся жизненными ориентирами, руководством к действию, обусловлено силой обстоятельств. По сути, они представляют собой профессиональную правду, почерпнутую не из инструкций и должностных регламентов, наделённых юридической силой, а из коллективного сознания довольно большой профессиональной группы. Инструкции представляют собой внешний регулятор принуждающего свойства, в то время как ценностные ориентации являются частью личности и воспринимаются как регуляторы добровольные, ненасильственные.

Всего респондентами были сформулированы 103 пословицы или поговорки, которые можно разделить на три основных типа:

1. Пословицы о труде, работе (учебе) — 51. Модальным явилось высказывание «Делу время потехе час», оно встретилось 12 раз.

2. Пословицы о подходах к выбору альтернативы и принятию решений — 29. Наиболее характерной оказалась пословица «Семь раз отмерь, один раз отрежь», встретилась 14 раз.

3. О человеческих качествах, отношениях в ходе службы и межличностном общении — 23. Наиболее характерная: «Если нам нелегко, то мы развиваемся».

Анализируя полученные данные, вслед за В. Далем будем иметь в виду, что «она (пословица) не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств» [Даль, 1957: 18]. Мы с большой долей вероятности можем предположить наличие связи между условиями службы сотрудников российской полиции и их основными установками, а также личностными характеристиками. Первая группа пословиц указывает на совпадение доминирующих представлений изучаемой профессиональной группы с представлениями и социокультурными установками всего российского народа. «Большую часть пословичного фонда о труде в русском языке занимают пословицы, которые учат трудолюбию, формируя положительное отношение к труду, обещающие награду за труд: Труд украшает человека...» [Галимеева, Баиньсунбуэр, 2017: 149].

Среди пословиц этой группы в нашем исследовании типичными были такие высказывания: «Сделал дело — гуляй смело»; «Под лежачий камень вода не течет»; «Делай свою работу так, чтобы не было стыдно», и некоторые другие.

Немало в русском языке пословиц, содержащих пренебрежительное отношение к трудовой деятельности, например такая: «От работы не будешь богат, а будешь горбат». Участники нашего исследования не привели ни одного суждения фольклорного типа, которое бы умаляло значение труда.

В 60-е годы XIX в. исследователи обратили внимание на то, что пословицы и поговорки отражают определенную эпоху, в нашем случае — профессию в эпохе. Ф. И. Буслаев в одной из своих работ писал, что пословицы вторгаются в сферу деловых отношений, выражают социальные порядки, которым приходится подчиняться. Так произошло и в нашем случае [Буслаев, 2014]. Стоит отметить и компенсационную функцию пословиц и поговорок, которые для представителей правоохранительной организации выступают средством примирения с действительностью.

Вторая группа высказываний, которыми в повседневности руководствуются сотрудники полиции, связана с подходами к принятию решений и, в частности, корреспондируется со многими проявлениями управленческой культуры ОВД. Например, с тенденцией откладывания исполнения решений на потом. «Откладывание решений снижает оперативность управления, иногда это оборачивается авралами, искажением информации подтасовкой отчетов, показателей, фактов» [Передня, 2017: 96].

Показательно, что в этой группе много пословиц об осторожности. Например, «Тише едешь — дальше будешь»; «Не обещай того, что не сможешь сделать». Помимо тенденции к осторожности у сотрудников полиции

просматривается фатальная неизбежность бремени ответственности в связи с выбором той или иной альтернативы. Она, в частности, выражается в высказываниях: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж»; «Назвался груздем — полезай в кузов»; «Если боишься — не делай, если делаешь — не бойся».

Особенности службы в современных условиях актуализируют у сотрудников полиции повышенную осторожность и желание перестраховаться. Следствием этого является определенный фатализм, своего рода обреченность, покорность перед внешними условиями и обстоятельствами.

Стоит отметить, что фатальная обреченность на основе пассивного принятия якобы неизбежного — это общее свойство российского социокультурного контекста. Достаточно вспомнить показательное исследование Г. А. Парахонской первичных социализационных факторов, выраженных в поэтических произведениях, рекомендованных для детских дошкольных учреждений [Парахонская, 2004: 55].

Третья группа пословиц вбирает в себя высказывания о человеческих качествах, а также отношениях в ходе служебного и межличностного общения. Примерно две трети пословиц этой группы выполняют утешающую функцию, культивируют терпение, дисциплинированность, обязательность. Вот некоторые примеры: «Если нам нелегко, то мы развиваемся», «Долг платежом красен», «Дорогу осилит идущий», «Ищущий да обрящет».

В высказываниях из этой группы отражается отношение полицейских к таким важным терминальным ценностям, как дружба, честь, справедливость, достоинство, целеустремленность, отношение к месту, где родился: «Друг познается в беде», «Не рой другому яму, сам в нее попадешь», «Старый друг лучше новых двух», «Один за всех и все за одного», «Береги честь смолоду», «Без добрых дел нет доброго имени» и ряд других. Вероятно, через эти пословицы можно увидеть отражение менталитета профессионального сообщества людей.

Очевидно, неправильно было бы судить об отношении к окружающей действительности большой профессиональной группы, которой являются сотрудники полиции, исходя лишь из малой части их языкового сознания. Полученные результаты основаны на анализе пусть небольшого, но весьма показательного пословичного материала. Проведенное исследование позволило определить «границы» пословичной картины мира сотрудников полиции, а затем, внутри установленных границ, сгруппировать, описать наиболее значимые фрагменты диспозиционной картины мира, связанной с трудовой деятельностью в области правоохраны.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы Исторические очерки. Том 1. Т. 1. СПб.: Лань, 2014.
2. Галимеева М. В., Баиньсунбуэр И. Сравнительный анализ пословиц о труде в русском и китайском языках // Славянские чтения-2017. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Башкирский государственный университет. Уфа. 2017. С. 149.
3. Даль В. Токовый словарь живого великорусского языка. М., 1957. Т. 1.
4. Мальцева Т. В., Купцов А. А. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1(76). С. 74—79.
5. Мальцева Т. В., Михайлова Т. В. Теоретические основы исследования профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел // Отбор граждан в органы внутренних дел и перевод сотрудников по службе: проблемы и опыт работы // Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. ВИПК МВД России. Домодедово, 2019. С. 58—63.
6. Мезенцева Е. С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 2. С. 22—25.
7. Парахонская Г. А. Контент-анализ документов: учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004.
8. Передня Д. Г. Управленческая культура в системе органов внутренних дел. М.: Библио-Глобус, 2017.
9. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Г. В. Гильдебрант

СТАРЫЙ МЕТОД НА НОВЫЙ ЛАД

ГИЛЬДЕБРАНТ Галина Валентиновна — старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

E-MAIL: galagild@mail.ru

Аннотация. При проведении исследований в библиотечной сфере России наиболее часто применяются такие методы, как традиционные и онлайн-опросы, метод интервью экспертов, фокус-группы, форсайт-сессии. Среди агентов, проводящих исследования, сами библиотекари, государство, а также профессиональные социологи. Темы изучения касаются чтения, задач текущего комплектования, отношения посетителей к проводимым мероприятиям, а также востребованности библиотечных услуг среди населения. Современные информационные технологии позволяют на новом уровне применять давно известные научные методы. В 2019 г. прошло исследование качества пространственной знаковой навигации в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова. Использование видеосъемки с помощью камеры с технологией GoPro и протокола «think aloud» (думать вслух) позволяет наиболее полно фиксировать полученную в ходе эксперимента первичную информацию. Группа студентов, снабженная видеокамерами, трекерами и картами наблюдения, провела исследование в здании библиотеки. Задачей участников стал самостоятельный поиск в библиотеке помещения, книги, выставки. В результате эксперимента получен богатый аудиовизуальный материал для дальнейшего изучения, выявлены проблемные места в навигации, составлены рекомендации в адрес учреждения. Идея эксперимента заимствована из статьи «User Wayfinding Strategies in Public Library Facilities», опубликованной в журнале «Library and Information Science Research» в 2018 г.

Ключевые слова: библиотека, пространство, навигация, экшн-камера GoPro, трекер, поиск информации, помещения, книги

Применение методов социологических исследований в библиотечной сфере России

Среди исследователей современной библиотечной сферы России можно выделить трех основных агентов: иницилируемая государством

независимая оценка качества условий оказания услуг в социальной сфере, собственные исследования библиотекарей и деятельность профессиональных социологов [Гильдебрант, 2018]. Среди последних можно отметить несколько тематических опросов, посвященных библиотечной сфере России. Также заметен постоянный интерес к библиотекам и чтению в ежедневном всероссийском телефонном опросе общественного мнения «ВЦИОМ—СПУТНИК», «библиотечные» итоги которого были представлены в январе 2020 г. директором ВЦИОМ В. В. Федоровым на встрече с общественностью³.

Наиболее полную подборку описаний собственных исследований библиотекарей можно увидеть на сайте Центра чтения Российской национальной библиотеки⁴ (РНБ). Большая часть исследований посвящена изучению чтения, востребованности библиотечных услуг, оценке качества фонда, проводимых в библиотеке мероприятий, подготовке запросов на комплектование и другим темам. Многие опубликованные исследования носят маркетинговый характер, опрос проводится среди посетителей библиотек; выборка, как правило, нерепрезентативна, а подбор респондентов сделан методом «снежного кома». Другой источник информации об исследовательской деятельности библиотекарей — профессиональная пресса и материалы конференций. Спектр тем исследований совпадает с зарегистрированными на сайте Центра чтения РНБ.

Среди используемых библиотекарями методов наиболее популярен анкетный онлайн-опрос и опрос на бумажных бланках, есть описания интервью экспертов, фокус-групп, а также достаточно новый метод проведения форсайт-сессий. В сети можно найти описание как минимум трех таких исследований в Архангельской, Новосибирской и Самарской областных библиотеках. Все три «форсайта» посвящены прогнозированию развития библиотечной сферы в ближайшем и отдаленном будущем, изучению новой роли библиотеки в обществе.

Старый метод на новый лад

Современные информационные технологии активно влияют на процесс приращения научного знания, дают новую жизнь такому традиционному методу социологических исследований, как наблюдение.

³ Книжный рынок: вызовы нового десятилетия // ВЦИОМ. 2020. 31 января. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10142> (дата обращения: 28.06.2020).

⁴ Список исследований // Российская национальная библиотека. URL: <http://readingstat.nlr.ru/poisk?IsResult=1> (дата обращения: 28.06.2020).

В методической литературе этот метод характеризуется как «метод сбора первичной информации путем непосредственной регистрации исследователем событий, явлений и процессов, происходящих в определенных условиях» [Социологический энциклопедический словарь: 190]. Применение при наблюдении средств видео- и аудиозаписи позволяет более полно получить и зафиксировать результаты проводимого эксперимента.

Осенью 2019 г. прошло исследование качества пространственной знаковой навигации в АОНБ. Четыре группы студентов по три человека последовательно выполнили несколько заданий по поиску в библиотеке помещения, выставки, книги. Во время исследования один из участников вел съемку с помощью экшн-камеры с технологией GoPro, другой был снабжен браслетом-трекером, третий фиксировал данные в карте наблюдения. Закрепленная на голове экшн-камера позволяет не просто увидеть все произошедшее и услышать все, о чем беседуют участники, но и понять, на какую часть пространства в первую очередь обращает внимание входящий в помещение посетитель. При выполнении заданий участники должны были использовать протокол «think aloud», т. е. вслух обсуждать возникающие проблемы, сомнения и аргументировать сделанный выбор. В карте наблюдения необходимо было зафиксировать время, количество пройденных шагов и метров, сделать отметку о наличии помощи библиотекарей. Сотрудники библиотеки были предупреждены об эксперименте, им было рекомендовано оказывать помощь только в крайнем случае. По итогам выполнения заданий студенты в формате фокус-группы делились впечатлениями, называли наиболее сложные и простые задания, делали сравнения с более привычными для современного молодого человека пространствами торговых центров.

На выполнение задания участники потратили чуть более двух часов, прошли более четырех тысяч шагов и около трех километров, наговорили час аудиозаписи на фокус-группе. Как и предполагалось, наиболее сложным стал поиск конкретной книги на стеллаже и работа с электронным каталогом, а наиболее простым — поиск помещения. Сравнение результатов выполнения каждого из заданий проводилось с образцом, т. е. выполнением того же задания библиотекарем. Треть заданий участникам удалось выполнить только с помощью библиотекарей, остальные были сделаны самостоятельно. Из шести книг только две были найдены силами участников эксперимента, при поиске еще четырех библиотекари оказывали помощь в поиске документа по каталогу, расшифровке индек-

сов библиотечной классификации, мест хранения и другой кодированной информации. В ходе исследования были выявлены недостатки в знаковой навигации в библиотеке, рекомендации были переданы руководству учреждения.

Сама идея данного эксперимента была заимствована из статьи, описывающей похожее исследование, проведенное в Род-Айленде, США [Mande, LeMeur, 2018]. Авторы американского исследования использовали поиск в библиотеке как средство для изучения психологических особенностей выбора пути с помощью стратегий, выявленных американским архитектором Ромеди Пассини. Исследование в Архангельске было исключительно прикладным, направленным на поиск проблемных мест в пространственной знаковой навигации в библиотеке.

Список литературы

1. Гильдебрант Г. В. Исследования в библиотечной сфере России: взгляд библиотекаря и социолога // Научные и технические библиотеки. 2018. № 11. С. 5—19.
2. Социологический энциклопедический словарь. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Soc_entsikloped_slovar_1998.pdf (дата обращения: 28.06.2020).
3. Mande L., LeMeur K. (2018) User Wayfinding Strategies in Public Library Facilities. *Library and Information Science Research*. No. 40. P. 38—43.

Н. А. Селиверстова, М. Г. Солнышкина

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ МЕТОДОМ ЦЕЛЕВОЙ АВТОБИОГРАФИИ

СЕЛИВЕРСТОВА *Нина Анатольевна* — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Московский гуманитарный университет, Россия

E-MAIL: nseliverstova@mosgu.ru

SPIN-КОД: 8134-7636

СОЛНЫШКИНА *Марина Георгиевна* — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы, Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия

E-MAIL: solny2001@mail.ru

SPIN-КОД: 4207-7006

Аннотация: Выполнено авторское обоснование жизненных траекторий студентов заочной формы обучения в качестве тематического поля автобиографического исследования методом целевой автобиографии. Выделены точки бифуркации, определяющие конфигурацию дальнейшей жизненной траектории студента-заочника, формирующие его профессиональное будущее. С позиции методологии повседневности разработана структура целевой автобиографии в дизайне исследовательского кейса жизненной траектории студента заочной формы обучения. Представлены подходы авторской реконструкции жизненной траектории по целевой автобиографии студента заочной формы обучения российского вуза.

Ключевые слова: жизненная траектория, заочная форма высшего образования, студент-заочник, непрерывное образование, феноменология, целевая автобиография, реконструкция жизненной траектории, точки бифуркации жизненной траектории.

Потребности представителей различных социально-демографических групп в непрерывном образовании определяют их активность в формировании индивидуальной образовательной траектории. Тему исследования актуализирует противоречие между высоким уровнем доступности высшего образования в России, обеспечиваемым заочной формой обучения, и недостаточным качеством подготовки выпускников данной формы.

С точки зрения ряда исследователей, наиболее валидным способом изучения жизненной траектории является биографический метод [Бурдые, 2002; Ярская-Смирнова, 1997]. Авторское обоснование жизненных траекторий студентов заочной формы обучения в качестве тематического поля автобиографического исследования методом целевой автобиографии (профессионально-образовательный аспект) заключается в следующем:

1. Изучение последовательности жизненных событий в профессионально-образовательной сфере, так как в структуре жизненного пути имеются устойчивые фазы подготовки, занятости, профессионализации с изменением скоростей фазовых переходов в условиях высокой динамики социума. Анализ причинно-следственной связи между отдельными жизненными этапами в профессионально-образовательном цикле позволяет рассматривать данные фазовые переходы как главные факторы, определяющие автобиографии респондентов. Точки бифуркации определяют конфигурацию дальнейшей жизненной траектории, они являются моментами выбора определенного типа жизненной стратегии [Куракин, 2015]. Внутренними факторами изменения жизненных траекторий студентов заочной формы обучения в разработанном инструментарии являются: отношение к самообразованию и дополнительному образованию; нереализованные интересы как движущие силы жизненной стратегии личности; заочное образование как старт в профессиональное будущее личности, развитие профессиональной карьеры [Солнышкина, 2006].

2. Значительные индивидуальные вариации создают возможности выявления разнообразия жизненных траекторий студентов-заочников в контексте непрерывного образования и непрерывного обучения, а также их последующей типизации (выявление некоторых типичных моделей жизненных траекторий). При всем разнообразии и уникальности историй индивидуального развития информантов, необходимо отметить значимость внешнего контекста (социального, культурного, средового, экономического, территориального), в котором находятся студенты-заочники как специфическая образовательная общность. Они обнаруживают определенную степень общности/различий в их социально-демографических характеристиках, трудовом положении и его субъективных оценках [Чередниченко, 2019]. Социальный контекст в значительной степени определяет показатели сходства жизненных траекторий и дает возможности их последующей типизации как отражения сходства линий движения жизни в конкретном времени и пространстве.

3. Изучение смысла заочного образования для людей, находящихся на разных точках жизненного пути, значения образовательной реальности, смыслов профессионализации для информанта требует обращения к методологии изучения повседневности и ее пониманию как многомерного процесса, протекающего в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах: семейной, трудовой, образовательной, досуговой [Шюц, 2003]. Поведение студентов-заочников в повседневной жизни демонстрирует, с одной стороны, подчиненность нормативности института заочного образования, с другой стороны, они являются авторами собственной социальной реальности, выполняют трудовые, семейные, родительские обязанности, общаются, организуют свой досуг. Методология изучения повседневности обуславливает необходимость особой исследовательской оптики, в которой индивидуальная автобиография является частной единицей анализа жизненной траектории как отдельного кейса, демонстрирующей углубленный интерес к структурам повседневной жизни.

Таблица. 1. Структура целевой автобиографии в дизайне исследовательского кейса жизненной траектории студента заочной формы обучения

1	Реальная жизненная траектория, демографические характеристики, среда социализации
2	Индивидуальная образовательная траектория (учебные заведения, дополнительное образование, самообразование)
3	Индивидуальная трудовая траектория (трудовой опыт, темпоральные характеристики, содержание работы, соответствие полученному образованию, самооценки карьерного роста)
4	Семейная сфера жизнедеятельности информанта
5	Смысложизненные ориентиры, ценности и интересы, в т. ч. нереализованные
6	Заочное образование как элемент жизненной стратегии, отношение к получению образования в заочной форме обучения, выбор направления подготовки, оценки перспективности заочной формы обучения, специфика освоения образовательной программы в заочной форме обучения
7	Ожидаемая индивидуальная жизненная траектория после получения образования

Таким образом, сложность исследования жизненных траекторий на методическом уровне потребовала разработать следующие подходы авторской реконструкции жизненной траектории по целевой автобиографии студента заочной формы обучения российского вуза: выявление

механизмов детерминации воздействия внешних и внутренних факторов жизненных траекторий личности (профессионально-образовательный аспект); применение социокультурного подхода к анализу и интерпретации жизненной траектории студента-заочника (смысложизненные ориентиры); выявление корреляций между типами жизненных стратегий в различных жизненных сферах и отношением к получению образования в заочной форме обучения, что к тому же является косвенными показателями качества подготовки конкретного заочника.

Список литературы

1. Бурдые П. Биографическая иллюзия / пер. Е. Мещеркиной. // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75—84.
2. Куракин Д. Ю. Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190/> (дата обращения: 19.02.2020).
3. Солнышкина М. Г. Профессиональные стратегии личности. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2006. 120 с.
4. Шюц А. О. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3—34.
5. Чередниченко Г. А. Заочник высшей школы: учеба и после выпуска // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2 (26). С. 47—62.
6. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38—61.

Н. В. Смулькина

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТИВНЫХ ТЕХНИК В ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

СМУЛЬКИНА Наталья Валентиновна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: smulkina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6691-5372

Аннотация. Автор рассматривает положение о том, что исследовательские стратегии, включающие проективные техники разного рода, позволяют в максимальной степени реализовать прогностический потенциал политических исследований психологического состояния общества. В работе рассмотрены ограничения и перспективы использования современных проективных техник в рамках политико-психологического подхода. Внимание уделяется принципам применения рисуночных проективных методов (проективных рисунков, направленных визуальных персонификаций, картоидного метода, метода «баблс») и вербальных проективных техник ассоциативного, экспрессивного и интерпретативного типа (метод конструирования сказочного сюжета, тест тематической апперцепции, модифицированный под политическое исследование, метод направленных ассоциаций).

Ключевые слова: политико-психологический подход, психологическое состояние общества, исследовательская стратегия, проективные техники, рисуночные методы, экспрессивные методы, интерпретативные техники, ассоциативные методы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научного проекта № МК-2081.2020.6 (соглашение № 075-15-2020-266) «Психологическое состояние российского общества в условиях внешних вызовов: стратегии политико-психологического исследования» (конкурс — МК-2020).

Адаптивность исследовательских стратегий политического анализа психологического состояния общества зависима от методологических сложностей, определяемых спецификой объекта изучения. Политические образы, установки, представления, неудовлетворенные потребности и ценностные ориентации в структуре политического сознания чрезвычайно сложны для изучения. Качественная методология исследования в таком аспекте становится незаменимой, так как позволяет учесть влияние субъектных, культурных, идентификационных факторов на процесс восприятия. Тревожность респондента в отношении достаточно чувствительной темы политического, стремление дать социально ожидаемый ответ и зачастую неясная оценка своей компетентности в беседе о политике затрудняют работу исследователя. Проблема неискренности респондента всегда актуальна в обсуждении специфики опросных методов, но в политических исследованиях она проявляет себя особенно ярко. Вопросы о политике с полным правом можно назвать сензитивными. Включение в исследовательскую стратегию методов, опирающихся на психологический механизм проекции, позволяет частично решить эту проблему.

Возможности проективной методологии обсуждаются все чаще, особенно в рамках мультипарадигмальных подходов в исследованиях XXI века. Ставя цель рассмотреть специфику применения проективных техник в политических исследованиях, автор определила для себя приоритетным изучение наработок в трудах, опирающихся на политико-психологический научный подход, в частности на теорию политического восприятия.

Наиболее популярны в данном случае методы направленных и ненаправленных ассоциаций, например, политические образы политиков изучаются при помощи метода ассоциаций с животным, цветом, запахом, образы элиты, власти, государства изучаются с помощью метода свободных ассоциаций, образы международных отношений рассматриваются с использованием ассоциаций-хештегов и ассоциаций — поговорок и пословиц (исследование показало, что для молодых респондентов слоган и хештег выступают даже более понятными направленными ассоциациями, нежели поговорка и пословица) [Шестопал, 2018; Смутькина, 2020]. Не менее популярными в данном случае являются и методы незавершенных предложений (например, «*Власть в России — это...*», «*Россия в международных отношениях выступает...*»). Данный метод максимально вариативен, так как позволяет рассматривать образ в активной, дей-

ствующей форме. Перспективными видятся разработка и апробирование в рамках интервью или фокус-групп техник незавершенных рассказов, используемых в психологии, но еще не внедряемых активно в политические исследования.

Существует немало политических исследований, опирающихся на изобразительные методы. Успешно они применялись в процессе исследований образов власти, страны, политических ценностей и представлений, политической идентичности и ментальных особенностей политического восприятия [Самаркина, 2011; Усманова, 2013; Шестопал, 2018]. Рисуночные техники в политико-психологических исследованиях особенно разнообразны. Используются как свободные рисунки власти, России и других стран, политических ценностей, так и направленные рисунки: *«Россия в виде дома»*, *«Россия/другая страна в виде несуществующего животного»*, *«Россия и я»*.

К особой группе изобразительных методов можно отнести техники процедуры конструкции и процедуры завершения. Наиболее перспективными техниками здесь представляются: картоидный метод (респондентам предлагается контурная политическая карта мира или России с предложением внести в нее изменения или просто дорисовать на ней все что угодно); метод рисуночных персонификаций «баблс» (респондента просят нарисовать Россию или другую страну в виде человека, одеть его, дополнительно описав его привычки, характер, образ жизни, указать, что человек-страна говорит и думает). В данном случае следует учитывать, что исследователь получает больше вербализированного материала, чем в случае свободных рисунков. Особое внимание требуется уделить анализу подписей к рисункам. Зачастую данные техники позволяют детально рассмотреть соотношение рационализированных и неосознаваемых компонентов образов благодаря зафиксированным несоответствиям между нарисованным и описанным.

В визуальных методах сами образы играют различную роль. Все чаще образ используется и как объект анализа, и как стимул для беседы (метод «беседа + рисование» [Бусыгина, 2019]. Заимствование отдельных методологических приемов идеологии соучастных исследований с детьми [Greene, Hogan, 2005] может существенно расширить возможности политико-психологических исследований. Соответственно, полезным видится заимствование методических приемов детских соучастных исследований — учета в ходе беседы + рисования четырех основных измерений: «пространства», «голоса», «аудитории», «действия/взаимодействия» [Lundy, 2007].

На сегодняшний день достаточно неоднозначно оценивается применимость в ходе опросов методов экспрессивной группы — метода конструирования сказочного сюжета (выделены согласно классификации проективных методов, предложенной О. Мельниковой). Данный метод в меньшей степени используются в современной политической психологии, развиваясь прежде всего в рамках маркетинговых исследований и в педагогике, однако он применялся в социально-политологических исследованиях, посвященных образам президента, политики, выборов, международных отношений.

Перспективным направлением видится включение в опросы о политике интерпретативных техник. Автором предпринимались попытки использования подобной исследовательской стратегии при изучении страхов, тревог и ожиданий в оценках респондентами международных отношений⁵. В основу проективной методологии данной стратегии лег модифицированный тест тематической апперцепции (ТАТ). Респондентам были предложены три рисунка, характеризующие разнообразные международные отношения, с просьбой прокомментировать их, составив небольшой рассказ. Важно в случае выбора данной техники осознанно подойти к выбору/созданию стимульного материала (рисунков, символизирующих разные формы политического явления). При выборе нечетких, неоднозначных рисунков исследователь может получить неструктурированный материал, сложный для последующей классификации и интерпретации.

Оценка потенциала применения экспрессивных и интерпретативных техник в изучении политического неоднозначна и вызывает интерес. С одной стороны, данные методы позволяют получить ценный эмпирический материал при изучении образов сложносоставных политических объектов и процессов, изучить политические образы в динамике, с учетом их трансформационного потенциала, возможной неконгруэнтности, символического пространства, учесть возможные неосознаваемые в полной мере психологические состояния общества. С другой стороны, именно материалы, полученные этими методами, особенно сложны в интерпретации.

Согласно авторской стратегии, проведение качественной части обработки и анализа полученных эмпирических материалов должно опираться

⁵ Выводы сделаны в результате анализа материалов, полученных в ходе исследований автора в 2019—2020 гг. За два года в Москве были проведены 650 фокусированных интервью, включающих в себя разнообразные проективные тесты.

ся на методы ненаправленного контент-анализа стенограмм интервью и проективных тестов, на выявление методом «снежного кома» метафор в ответах, символических образов и мифологем, стереотипированных и оригинальных сюжетов. Благодаря качественной части анализа возможно выявить символически окрашенные «кочующие образы» и оригинальные сюжеты трактовок политических явлений и процессов, определить тенденции политического восприятия.

Список литературы

1. Бусыгина Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2019. 423 с.
2. Самаркина И. В. Политическая картина мира. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2011. 250 с.
3. Смутькина Н. В. Символические образы международных отношений в сознании российских граждан: политико-психологический анализ // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 89—116.
4. Шестопал Е. Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. № 9. С. 81—90.
5. Усманова З. Р. Политико-психологический анализ представлений жителей СКФО о стране и республике проживания как оснований для конструирования гражданской идентичности // Вестник Томского университета. 2013. № 3. С. 80—86.
6. Lundy L. (2007) «Voice» is not enough Conceptualizing Article 12 of the united Nations Conventions on the Rights of the Child. *British Educational Research Journal*. Vol. 33. No. 6. P. 927—942.
7. *Researching Children's Experience: Methods and approaches* / S. Greene, D. Hogan (eds.). London: Sage Publications. 2005.

И. В. Троцук

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЕЙС-СТАДИ: ТИПОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

ТРОЦУК Ирина Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: irina.trotsuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2279-3588

Аннотация. Повторные исследования (в формате мониторингов) давно стали инструментом социологической (и не только) диагностики изменений в состоянии рассматриваемых социальных феноменов. Как правило, подобные проекты основываются на количественном подходе (стандартизации и формализации методических решений и процедур), который компенсирует сложности и затраты на свою реализацию масштабами обобщений (с точки зрения целеполагания и использования собранных данных социологическая работа оказывается близка статистической), тогда как в рамках качественного подхода (прежде всего, повторных кейс-стади) возможности экспликации данных ограничены, а допустимые обобщения условны и требуют множества контекстуальных оговорок. Не оспаривая очевидные ограничения кейс-стади, следует все же принимать во внимание традицию повторных сельских кейс-стади, по результатам которых было разработано немало интересных и полезных с прикладной точки зрения типологий/моделей выживания депрессивных и успешных сельских поселений. В статье представлено несколько таких типологий и приведен пример подобной аналитической работы в рамках исследовательского проекта, посвященного оценке роли предпринимательской инициативы в сохранении и возрождении сельских поселений в районах северо-западного Нечерноземья.

Ключевые слова: кейс-стади, мониторинг, повторное исследование, сельская социология, количественный подход, качественный подход, типологии, сельские предприниматели, формальные и неформальные практики, многоукладность, моноукладность, депрессивные сельские поселения, успешные сельские поселения

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Сегодня социология воспринимается как преимущественно «количественная» наука: массовые формализованные опросы рассматриваются как универсальный измерительный инструмент не только по причине почти алгоритмической понятности своих процедур (включая многократно апробированные в самых разных сочетаниях варианты вопросов и ответов), но и вследствие очевидного управленческого запроса на предоставляемые опросами данные (электоральные прогнозы, маркетинговые стратегии, рекламные кампании, всевозможные рейтинги и т. д.). По сути, то, в чем представители качественного подхода склонны упрекать увлеченных «количественников», стало причиной нынешней феноменальной популярности опросов общественного мнения: они предоставляют нам лишь подтверждения устойчивых социальных стереотипов и «эмерджентные переменные» (спонтанные ответы респондентов на неожиданные вопросы о том, о чем они мало задумываются в повседневной жизни), т. е. тривиальные и предсказуемые социально одобряемые ответы, но именно они важны для представителей тех областей действительности (прежде всего, социального управления), что заинтересованы в воспроизводстве и/или реконструировании определенных аспектов существующего социального порядка.

В этом смысле повторные массовые опросы мало отличаются от статистической работы, поскольку любые мониторинги призваны создавать «количественно» обоснованные типологии поведенческих паттернов [см., напр.: Троцук, Никулин, Вегрен, 2018]. В социологии мониторинги позволяют сопоставить социальные установки и ценностные приоритеты поколений и групп в динамике, что требует стандартизации методик, формализации инструментария и унификации процедур, а взамен обеспечивает возможность широкомасштабных сопоставлений и построения сложных концептуальных моделей по мере накопления массивов данных. Нередко этот аналитический потенциал количественных мониторингов оказывается причиной отказа качественному подходу в праве на сопоставительный характер наблюдений: в чем смысл повторных кейс-стади, если возможности экспликации данных ограничены, а допустимые типологии условны и требуют множества оговорок при последующем приме-

нении даже в схожих контекстуальных рамках? Не оспаривая очевидные ограничения кейс-стади, все же следует признать, что его аналитический потенциал значительно больше и важнее для сельско-социологических проектов, чем принято считать.

Сельско-социологические количественные мониторинги, как правило, подтверждают общеизвестную картину печально-депрессивных сельских реалий, но не объясняют, почему столь беспросветно-бесперспективная жизнь никак не угаснет, превратившись в аграрно-производственный придаток городских агломераций. Например, мониторинги состояния сельских территорий [см., напр.: О состоянии..., 2019] позволяют дифференцировать регионы по уровню социально-экономического развития, оценить структуру сельской занятости, паттерны региональной миграции, социальный потенциал села, разрыв в уровне жизни между селом и городом и т. д., но не показывают, из каких повседневных практик складываются устойчивые макротренды. Кейс-стади, сосредоточенные на поиске социальной «типичности» и «симптоматики» и «плотном» описании сельских реалий с развернутыми цитатами из повествований сельских информантов, не только дополняют и детализируют количественные «наблюдения», но и выступают самостоятельным источником важных обобщений (например, об окончательном и бесповоротном «раскрестьянивании» российского общества [см., напр.: Смыслы сельской жизни... 2016]).

Реализуемое при поддержке РФФИ исследование (2018—2020) — это фактически повторное кейс-стади по отношению к проектам пятнадцатилетней давности в тех же районах северо-западного Нечерноземья [см., напр.: Божков, Игнатова, 2017], которое показало, что в этих «критических» кейсах (самых депрессивных сельских территориях) прослеживается формирование двух типов/моделей выживания сельского населения. С одной стороны, это пассивно-депрессивные поселения, где теплятся последние попытки выжить с помощью прежнего колхозного/совхозного хозяйства, в той или иной степени сохранившегося в условиях рыночной экономики и стихийной приватизации, при общем ощущении полной заброшенности со стороны государства и активно-миграционных настроениях молодежи. С другой стороны, это менее пессимистично настроенные поселения, где возникли устойчивые очаги предпринимательской активности на базе как прежних советских предприятий (дети и внуки их бывших руководителей), так и новых проектов при поддержке государства (предпринимателями могут быть и бывшие горожане) [см., напр.: Божков, Троцук, 2018].

Объединяет оба типа предпринимательства то, что оно не только самим фактом своего существования формально-подотчетно поддерживает экономику села (создает рабочие места, пополняет местные бюджеты) и сохраняет местные сообщества (удерживает молодежь, привлекает семьи из соседних районов), но и неформально выполняет функции прежних советских сельхозпредприятий, сотрудничая с местными администрациями (помогает строить жилье, спонсирует местные праздники, обеспечивает уборку территорий, финансово и кадрово помогает подавать заявки на гранты и программы развития и т. д.). Неформальные практики поддержки социальной инфраструктуры и социального капитала поселений отчасти объясняются рациональным «капиталистическим» расчетом — такие «инвестиции» в средне- и долгосрочной перспективе обеспечат сельских предпринимателей работниками, которые не захотят уехать из села, где у них есть работа, вся социальная инфраструктура и сплоченное сообщество. С другой стороны, никаких гарантий того, что расчет окажется верным, у сельских предпринимателей нет (возможны стихийные бедствия, финансовые кризисы, неурожай и пр.), поэтому часто их мотивы и действия может объяснить своего рода современная «теория малых дел» [см.: Гордеева, 2003] — альтруистические коммунитарные идеи всемерного улучшения сельской жизни посредством повседневных преобразований на локальном уровне (просветительских, культурно-исторических, рекреационно-экологических и пр.).

Столь широкие обобщения по материалам кейс-стади — вещь для сельской социологии вполне традиционная. Например, А. М. Никулин по данным известных шанинских полевых проектов суммировал результаты становления рыночной экономики и постсоветских преобразований в сельских поселениях в модели патримониального управления, или симбиотического присвоения и перераспределения колхозных ресурсов в крупных хозяйствах [см., напр.: Никулин, 2010]. Т. Г. Нефедова на огромном массиве полевых данных разработала динамическую типологию сельских районов, демонстрирующую усиливающуюся дифференциацию и поляризацию пространства между городскими центрами и сельской периферией, а также локальные типы постсоветской эволюции сельских поселений, которые нередко сочетаются для поддержания местных сообществ (сохранение сельскохозяйственного производства в виде коллективного фермерского хозяйства; развитие мелкотоварного частного аграрного хозяйства; предпринимательское использование

природных ресурсов, в частности создание охотничьих хозяйств; сохранение поселений как культурно-исторических объектов и др.) [см., напр.: Нефедова, 2013]. Среди периферийных (прежде всего нечерноземных) сельских районов выделяют автаркические (эко-поселения) и симбиотические (сложные сочетания формальных и неформальных социально-экономических практик) сельские сообщества [см., напр.: Аверкиева, 2017]; среди экономически развитых, густонаселенных и рыночно ориентированных сельских районов — многоукладные и моноукладные [см., напр.: Фадеева, 2015]⁶. Несомненно, сельско-социологические кейс-стади должны продолжать эту традицию — типологизации сельских районов по результатам повторных полевых наблюдений и полужоформализованных интервью с местными жителями.

Список литературы

1. Аверкиева К. В. Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 86—100.
2. Божков О. Б., Игнатова С. Н. Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 115—130.
3. Божков О. Б., Троцук И. В. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. 2018. Т. 18. № 4. С. 731—746. (Серия: Социология).
4. Гордеева И. А. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. М.: АИРО-XX, 2003.
5. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: Ленанд, 2013.
6. Никулин А. М. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17—33.
7. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году: Н. И. Шагайда и др. М.: Росинформагротех, 2019. Вып. 5.
8. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСПМ, 2016.

⁶ См. также: Узун В. В. Новый чудный мир. Что нас ждет после пандемии и кризиса // Аргументы и факты. 2020. № 19. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/novyy_chudnyy_mir_chto_nas_zhdyot_posle_pandemii_i_krizisa (дата обращения: 26.06.2020).

9. Троцук И. В., Никулин А. М., Вегрен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 34—64.
10. Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.

Г. С. Карибекова

ОЦЕНКА РЕПУТАЦИИ КОМПАНИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

КАРИБЕКОВА Гульнара Сибирьевна — кандидат экономических наук, доцент Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: gpankrat@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7653-6202

Аннотация. Предлагаемая система оценки репутации компании с государственным участием позволит соответствовать стратегии ее развития и достижению целей. Оценка проводится по трем блокам репутации: социальной и региональной, деловой, корпоративной. Каждый блок включает разработанные критерии, оцениваемые по семибалльной шкале для определения уровня: от амбициозного до низкого. Интегральная оценка репутации рассчитывается среднеарифметической суммой баллов по каждому оценочному блоку с учетом весовых значений, установленных экспертным путем.

Ключевые слова: социальная репутация, деловая репутация, корпоративная репутация, критерии оценки, шкала оценки, уровень оценки

Схема оценки репутации компании с государственным участием представлена на рисунке 1.

А. Критерии социальной и региональной репутации дают оценку формирования и укрепления представлений общественности о заявленной миссии, об информированности общества по социальным аспектам деятельности компании [Иванова, Горчакова, 2015].

Оценка по критериям: «участие в деятельности Приемной Общественного совета компании в регионе», «участие в теле- и радиопередачах, публикациях печатных изданий СМИ государственного, регионального, муниципального уровня», «участие в сохранении и приумножении историко-культурного наследия России», «проведение социологического опроса об изменениях индикаторов качества жизни жителей городов присутствия», — позволяет не только раскрывать информацию о реализуемых компанией проектах, но и наглядно показывать положительное влияние

на качество жизни, дает возможность проводить оценку эффективности реализуемых мероприятий со стороны тех, для кого они предназначались, используя материалы опросов населения территорий присутствия, высказывания жителей.

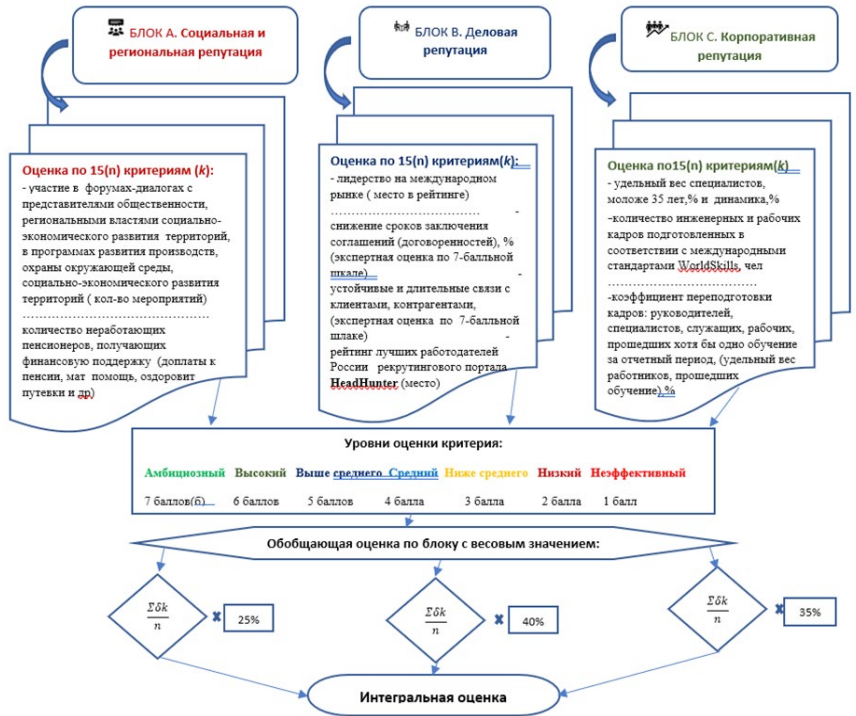

Рисунок 1. Концепция оценки репутации компании

В. Деловая репутация компании может быть оценена по критериям, приведенным в таблице 1.

С. Корпоративная репутация дает оценку системе подбора, обучения, развития персонала компании. Квалифицированные специалисты являются как важнейшим фактором конкурентоспособности компании, так и распространителем информации о ней внешним аудиторией. Компании наукоемких отраслей производят значительный набор сотрудников из студенческой среды, поскольку существенная часть профильных специальностей требует базовой подготовки [Осовицкая, 2015: 9]. Ряд кри-

териев блока характеризуют программы подготовки в вузах: «Количество студентов, обучающихся в вузах целевым образом по заказу организации за счет средств организации», «количество студентов вузов, прошедших практику в организации (производственную, преддипломную)», «количество работников организации, привлеченных к оценке качества образовательных программ и качества подготовки молодых специалистов», «количество уволившихся молодых специалистов в течении первого года с момента трудоустройства».

Таблица 1. Критерии оценки деловой репутации

Критерии	Уровни оценки						
	Амбициозный	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Незначимый
	баллы						
	7	6	5	4	3	2	1
Удельный вес экспортируемой продукции в общем объеме продаж и его динамика, %	больше 20	20—15	14—10	9—5	4—1	0,9—0,09	0
Увеличение зарубежного портфеля заказов (кол-во заказов)	больше 4	4	3	2	1	стадия заключения	0
Экспортер российского отраслевого образования в страны-партнеры, (проведение образовательных семинаров и др.), (кол-во)	больше 4	4	3	2	1	стадия подготовки	0
Проведение социологического опроса или других форм взаимодействия об изменениях индикаторов и показателей качества деловых отношений с заинтересованными сторонами (кол-во)	больше 5	5	4	3	2	1	0
Участие в программах сотрудничества государства, в работе по национальным проектам	больше 5	5	4	3	2	1	0
Участие в создании территорий опережающего социально-экономического развития (экспертная оценка по 7-балльной шкале)	7	6	5	4	3	2	1

Развитие и поддержание корпоративной репутации в выявлении лидерского потенциала сотрудников маркируют такие критерии, как «количество сотрудников, вошедших в состав управленческого кадрового резерва», «количество сотрудников, участвующих в программах отраслевых номинаций конкурсов»; в формировании нового поколения рабочих и инженеров — «количество сотрудников, участвующих в национальном конкурсе управленцев „Лидеры России“», «количество сотрудников, участвующих на национальном чемпионате рабочих и инженерных специальностей WorldSkills». Часть критериев характеризуют условия компании для общего развития и профессионального роста сотрудников, позволяющие реализовать передовые амбициозные проекты не только внутри компании, но и на страновом, мировом уровне. Высокие оценки блока являются индикаторами вовлеченности сотрудников компании на уровне мировых лидеров наукоемких, технологических отраслей.

Заключение

Описанная система оценки репутации компании с государственным участием наряду с общепринятыми критериями включает авторские маркеры исследования современных явлений и тенденций в этой области. Данная система оценки репутации компании, расширенная критериями, характеризующими подблоки «социальное обеспечение персонала», «оплата труда и стимулирование» корпоративной репутации, вошла в раздел методики оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности компании, предложенной Управлению контрольно-ревизионной деятельности Госкорпорации «Росатом» Институтом государственной службы и управления РАНХиГС.

Список литературы

1. Иванова И. А., Горчакова Р. Р. Имидж промышленного предприятия: специфика, механизм формирования и оценка состояния // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 11 (410). С. 40—48.
2. Осовицкая Н. HR-брендинг: Работа с поколением У, новые инструменты для коммуникации, развитие корпоративной культуры и еще 9 эффективных практик. СПб.: Питер, 2015.

Н. А. Скворцов

О ПОДХОДАХ К ОБНАРУЖЕНИЮ ПОДДЕЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ

СКВОРЦОВ Николай Алексеевич — научный сотрудник, Институт проблем информатики, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: nskv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3207-4955

Аннотация. В работе представлен обзор таких направлений исследований в области обнаружения поддельных новостей, как проверка фактов, анализ словаря и тональности новостей и реакции на них в онлайн-социальных сетях. В результате предложен подход к оценке новостей с точки зрения их достоверности, включающий многофакторный анализ публикаций и отклик на них в социальных сетях и различных медиаресурсах, исследование жизненного цикла новостей в развитии, детальное исследование аудитории и сообществ, определяющих восприятие новостей.

Ключевые слова: поддельные новости, проверка фактов, отклик социальных сетей, жизненный цикл новостей

Внимание к проблеме поддельных новостей в последнее время возросло, хотя во все времена манипулирование фактами, предлагаемыми широкой аудитории, было частью политики, маркетинга и даже журналистики. В 2019 г. на Грушинской конференции состоялся круглый стол, посвященный поддельным новостям [IX-я международная социологическая..., 2019]. На нем были рассмотрены проблемы политического, социологического и нравственного характера, однако практически не затрагивались подходы к обнаружению поддельных новостей.

Методическая составляющая этой проблемы нетривиальна. Для оценки достоверности в идеальном случае необходимы выявление семантики новости и знание реальных фактов. И то, и другое бывает затруднительно, не только для машины, но и для человека. Экспертная оценка достоверности текста часто дает весьма низкие результаты. Решения бывают умозрительны, политизированы и основаны на распространенной в местном социуме точке зрения. К тому же фальшивые новости намеренно создаются для введения в заблуждение. Поэтому точные

алгоритмы слабо применимы, методы машинного и глубокого обучения натываются на отсутствие качественных размеченных наборов данных, а широкие массы читателей могут годами без заметного прогресса гадать о достоверности той или иной новости.

Методы проверки истинности публикаций включают анализ содержания, стиля и тональности текста, сравнение изображений, сопровождающих публикации, привлечение внешних знаний. Оценивается репутация источника публикации и ее распространителей. Известны подходы к обнаружению поддельных новостей, которые оценивают краткосрочный жизненный цикл новости, в котором за распространением новости небольшим количеством агентов с задержкой следует массовая реакция опровержения [Shao et al., 2016].

Для обнаружения поддельных новостей часто применяют машинное обучение, это естественный выбор при отсутствии специализированных алгоритмов. При этом точность работы методов классификации порой невозможно оценить из-за невысокого качества разметки обучающих коллекций текстов. Большинство методов, в частности нейронных сетей, страдают слабой интерпретируемостью результатов. Скорее, интересны методы на основе лесов из деревьев решений, позволяющих анализировать факторы, больше повлиявшие на решение.

Однако не менее важно оценивать не только достоверность самой публикации, но и аудиторию, склонную считать новость поддельной или реальной [Shu, Liu, 2019]. Анализируются знания в опровергающих сообщениях, тональность отклика на публикацию. Анализ содержания новостей и реакции социальных сетей обобщаются для обнаружения поддельных новостей и их оценки [Ruchansky, Seo, Liu, 2017]. Используются методы обнаружения сообществ с поляризацией мнений, выявление социальных пузырей, замкнутых в себе с особым мнением. Определяются вредоносные учетные записи, захват профилей [Shao et al., 2017]. Таким образом, целесообразно использовать не только методы машинного обучения, но и методы анализа комплексных социальных сетей, основанные на графах.

Многофакторный подход к анализу достоверности новостей позволяет оценивать как саму новость, так и поведение агентов сети по ее восприятию, распространению и разоблачению. Обобщение различных факторов в форме некоторой численной оценки достоверности новостей видится излишним. Важнее оценить каждую характеристику отдельно и представлять результаты в виде вектора оценок и набора ссылок на ре-

сурсы, связанные с новостями, которые включают как публикации, так и указание на ключевых распространителей, на сообщества, поддерживающие и разоблачающие публикации. Таким образом достигается разностороннее описание оцениваемых новостей.

С обнаружением поддельных новостей связаны служебные задачи, предваряющие оценку, такие как отождествление новостей из разных источников, выявление первоначального источника и путей распространения новости, обнаружение опровержений, соотнесение с публикациями профессиональных сервисов проверки фактов, сбор статистики для оценки репутации изданий и источников опровержений, обнаружение активных скомпрометированных учетных записей.

Важнейшим направлением анализа данных является обнаружение сообществ, распространяющих публикацию, поддерживающих ее, опровергающих ее, являющихся социальными пузырями, больших непрофильных сообществ, обладающих силой слабых связей. Также определяются лидеры мнения (хабы) в этих видах сообществ. Необходимо учитывать языковые группы и географическое распределение аудитории, относящейся к публикациям определенным образом, противостояние разных социумов.

Другим необходимым направлением анализа поддельных новостей является выявление долгосрочного жизненного цикла публикаций, претерпевающих поэтапное развитие. Обычно поддельные новости имеют достаточно короткий жизненный цикл, однако они могут подогреваться публикациями с представлением новых фактов и суждений или связанными с теми же событиями или компрометируемыми субъектами. Так обеспечивается высокая частота воздействия на потребителя информации и преодоление порогов в моделях изменения общественного мнения.

Проводимое исследование ориентировано на русскоязычные новости и, возможно, в будущем на их аналоги на английском языке. Российский сегмент средств массовой информации, а также потребители новостей могут быть заинтересованы в такого рода анализе новостей.

Список литературы

1. IX-я международная социологическая Грушинская конференция. «Социальная инженерия: как социология меняет мир». 20—21 марта 2019 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2019.
2. Ruchansky N., Seo S., Liu Y. (2017) Csi: A hybrid deep model for fake news detection. *Proceedings of the 2017 ACM on Conference on Information and Knowledge Management*. P. 797—806.

3. Shao C. et al. (2016) Hoaxy: A platform for tracking online misinformation. *Proceedings of the 25th international conference companion on world wide web*. P. 745—750.
4. Shao C. et al. (2017) The spread of fake news by social bots. arXiv preprint arXiv:1707.07592. Vol. 96. P. 104.
5. Shu K., Liu H. (2019) Detecting Fake News on Social Media. *Synthesis Lectures on Data Mining and Knowledge Discovery*. Vol. 18. Morgan & Claypool. <https://doi.org/10.2200/S00926ED1V01Y201906DMK018>.

А. И. Матюсова

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАТЮСОВА Анастасия Игоревна — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: nmatyusova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3618-3668

Аннотация. В тезисах объясняется преимущество использования качественных методов анализа в политико-психологических исследованиях личностей представителей губернаторского корпуса. Особое внимание уделяется качественному контент-анализу, экспертному интервью, психобиографическому методу, методу наблюдения. Однако полноценное изучение личностных особенностей глав российских регионов возможно только при гармоничном сочетании качественных методов с количественными (например, количественный контент-анализ, метод вторичного анализа данных).

Ключевые слова: качественные методы, личность губернатора, психобиографический метод, качественный контент-анализ, наблюдение, экспертное интервью

Вопрос изучения личностных особенностей представителей губернаторского корпуса современной России становится все более значимым, поскольку главы российских регионов активно вовлечены в публичный политический процесс и обсуждение при принятии ключевых для субъектов РФ и их населения решений. Это подтверждается перекладыванием на губернаторов ответственности при принятии важных решений, затрагивающих ограничительные меры в период пандемии коронавируса, а также изменениями в Конституцию Российской Федерации — законодательным закреплением статуса такого органа, как Государственный совет Российской Федерации, формируемого главами регионов. Более того, с 2012 г. почти все губернаторы стали избираться населением своего региона, то есть произошел возврат к прямым выборам.

Изучение личностных особенностей представителей губернаторского корпуса современной России с применением качественных методик в рамках политико-психологического подхода позволяет исследовать не только глубинные составляющие личностей региональных лидеров, а также и то, как они действуют, исходя из своих собственных установок, ценностей и т. д. Безусловно, при изучении политических элит следует руководствоваться сочетанием качественных и количественных методов анализа, однако в данных тезисах упор сделан именно на первые, так как с их помощью учитываются субъективные компоненты регионального лидера, что немаловажно при исследовании процесса принятия им решений.

Качественные методы исследования при изучении личностей губернаторов России стали применяться в середине 2000-х годов А. А. Качановым [Качанов, 2005], затем И. И. Рогозарь-Колпаковой, Е. С. Филистович, В. В. Трофимовой, Е. П. Добрыниной. Занимались этой проблематикой также Е. Б. Шестопап, А. В. Селезнева, И. С. Палитай (см., например, [Селезнева и др., 2010; Шестопап, Селезнева, 2012; Психология политической элиты в России, 2015; Палитай, 2019] и др.

Таким образом, исследование личности представителя губернаторского корпуса с выявлением существующих субъективных, часто скрытых смыслов предполагает высокую значимость использования качественных методов анализа. Так, экспертные интервью с ближайшим кругом главы региона (политическими консультантами, вице-губернаторами, личными помощниками, родными и др.), который в ежедневном режиме взаимодействует с ним по каким-либо вопросам, помогают определить ряд важных составляющих мотивационно-потребностного профиля регионального политика (например, устойчивость к стрессу, стиль принятия политических решений, мотивы и др.). В силу этого мнение таких экспертов заслуживает доверия, однако с некоторыми оговорками, связанными с субъективными и объективными обстоятельствами (преувеличение своей собственной роли, влияние на их мнение своих собственных убеждений и пр.).

В рамках политико-психологического исследования личности губернатора нельзя обойтись без качественного контент-анализа его публичных выступлений, который нацелен на выявление некоторых личностных особенностей регионального лидера. Данный метод исследования позволяет изучить такие элементы личности политика, как Я-концепция, политические ценности, устойчивость к стрессу и др.

Исследование личностных особенностей губернатора невозможно без психобиографического метода, который лежит в основе изучения

жизненного пути политика. Цель такого метода заключается в выявлении в биографии политического лидера значимых паттернов, объясняющих когнитивные, поведенческие и аффективные характеристики. Психобиографический метод позволяет проследить процессы становления, формирования и созревания определенных личностных структур в комплексе с различными этапами жизненного и карьерного пути.

Еще одним оптимальным методом изучения личности главы субъекта РФ является метод наблюдения. Зачастую ученый не имеет прямого доступа к объекту своего анализа, если речь идет о губернаторах (не присутствует на совещаниях с главой региона, переговорах и т. д.), поэтому использование в своем инструментарии невключенного и опосредованного наблюдения довольно обосновано. Таким образом, исследователь может использовать данные, полученные другими людьми (например, экспертами во время интервью).

Отметим, что все указанные методы исследования являются дистантными и применяются с использованием особых исследовательских процедур, основанных в том числе на анализе текстов речей глав регионов.

Для полноценного политико-психологического анализа личности губернатора необходимо гармоничное сочетание качественных и количественных методов (в частности, количественный контент-анализ, метод вторичного анализа данных).

Список литературы

1. Качанов А. А. Статус и личность губернатора как факторы формирования и трансформации региональной идентичности // Вестник МГУ. 2005. № 4. С. 101—108. (Серия 12. Политические науки).
2. Палитай И. С. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию // Вестник Московского университета. 2019. № 3. С. 7—22. (Серия 12. Политические науки).
3. Селезнева А. В., Rogozарь-Колпакова И. И., Филистович Е. С., Трофимова В. В., Добрынина Е. П., Стрелец И. Э. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала // Полис. 2010. № 4. С. 90—106.
4. Шестопап Е. Б., Селезнева А. В. Психологический анализ российского политического класса // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 1 (66). С. 91—98.
5. Психология политической элиты в России / под ред. Е. Б. Шестопап, А. В. Селезневой. М. : АГРАМАК МЕДИА, 2015.

Социология повседневности

А. А. Возьмитель

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЕЕ ЦЕЛОСТНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ВОЗЬМИТЕЛЬ Андрей Андреевич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: Vozmitel.a@yandex.ru

Аннотация. Уточняется понятие «повседневность» в качестве социологической дефиниции. Рассматриваются повседневность, институты и структуры в демократическом обществе; жизненные миры и их взаимодействие между собой; роль центрального универсума общезначимых ценностей, норм и типов социального взаимодействия между людьми. Поднимаются такие темы, как обострение проблемы идентичности России в связи с кризисом и распадом советской цивилизации, необходимость формирования новой цивилизационной российской идентичности, образ жизни как упорядоченная повседневность. Системная триада социологического анализа повседневности: образ, способ и стиль жизни.

Ключевые слова: повседневность, идентичность, образ, способ, стиль жизни

Повседневность — одно из наиболее употребляемых понятий, требующее в силу своей всеобщности уточнений в качестве социологической дефиниции. Все мы участвуем в бытии друг друга, создавая то самое бытие повседневности, что определяет наше сознание, детерминирующее, в свою очередь, наше социальное поведение. Ведь реальность такова, какой мы ее видим, представляем и оцениваем. Иначе говоря, повседневность — это мир, в котором человек живет и взаимодействует с другими людьми, создавая устойчивые, осознанные, типичные системы социальных практик, реализующих насущные потребности человека и имеющих для него субъективную значимость.

Это особая форма социальности, массовая активность людей в различных масштабах и сферах жизни, имеющая целостный характер. Это место «дел и трудов», в результате которых формируется сам человек. В об-

ществе, претендующем на название демократического, повседневная жизнь человека не является лишь проявлением тотальной зависимости от господствующих институтов и структур, а образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, конгломерат или систему, определенное сочетание («парадигму») «жизненных миров», во многом определяющих специфику формирующегося гражданского общества, социального производства и воспроизводства.

В плюралистическом цивилизованном обществе эти миры порой сильно различаются, а то и «борются» друг с другом за приоритетность своего социального качества, находясь при этом в состоянии взаимного приспособления, обеспечиваемого наличием центрального универсума — того, что в данном обществе считается само собой разумеющимся: общезначимых ценностей, норм и типов социального взаимодействия между людьми. То есть с помощью образа жизни, той главной идентичности, которую мы потеряли и никак не можем обрести вновь. В совокупности с действием других факторов это привело к зримым результатам: деградации практически всех сфер общественной жизни — экономической, политической, культурной, духовно-нравственной и т. д. Причем в таких формах и масштабах, которые весьма трудно было представить в «благодушные» времена перестройки и гласности. Отсюда — чрезвычайная важность формирования новой российской идентичности, что само по себе является актуальной социально-политической задачей, необходимой предпосылкой солидарности и основой преодоления конфликтности. Условием ее эффективного решения выступает знание (понимание) процесса становления жизненных миров, их взаимодействия между собой и системой.

Образ жизни как повседневность, упорядоченная на основе определенного отношения к миру, не есть нечто статичное. Это процесс — как сознательный, так и стихийный. Сознательный в том, что люди сами выбирают модели жизнедеятельности, а то и творят их. Стихийный в том плане, что результат «борьбы» этих моделей далеко не всегда предсказуем. Взаимодействуя между собой, образуя устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, они формируют вполне определенные доминантные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации, труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру, из которых выкристаллизовывается реальный образ жизни общества в целом.

Для описания и объяснения этой логики социального взаимодействия нами в научный оборот введена система категорий, отражающих инте-

гративные и дезинтегративные процессы в повседневной жизнедеятельности людей, ее статику и динамику. Система эта состоит из узнаваемых, но далеко не тождественных понятий: *образ, способ и стиль жизни*, которые нередко употребляются как синонимы, хотя таковыми в действительности не являются. Их соотношение практически не освещено в научной литературе и они *до нас прежде не рассматривались в качестве системной триады, переходящих друг в друга категорий*, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни как функционирующую и вместе с тем как изменяющуюся систему.

В таком понимании образ жизни, являясь строго научной, а не идеологической или же общежитейской конструкцией, возникает в результате взаимодействия (а нередко и «борьбы») доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определенных социальных и социально-психологических типов, повседневная жизнедеятельность которых является исходным элементом собственно социологического анализа.

В рамках разработанной концепции дано строгое разграничение и развернутые определения понятий *образ, способ и стиль жизни* [Возьмитель 2017]. Показано, что эти понятия различаются как по объему (широте) отражаемых ими явлений и процессов, так и по их характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определенных социальных и социально-психологических типов). Причем образ и стиль жизни могут выступать и реально выступают в качестве противоположностей. Образ жизни выражает существенную для данного общества связь, проявляющуюся в «доминантной форме интеграции», способах организации и функционирования совместной жизнедеятельности. Стили же жизни в силу своей относительной автономности, независимости от социально-экономических и социально-политических условий нередко являются носителями и выразителями другой существенной связи и в этом смысле выступают главным источником изменений в образе жизни.

Это разные полюса анализа, которые не должны рассматриваться отдельно или в качестве слабо связанных компонентов единой системы, а только как диалектически взаимосвязанные, реализующиеся через свое другое (способ жизни) и на его основе. Таким образом, способы жизни выступают не просто в качестве звена, опосредующего отношение образа и стилей жизни, но как их объединяющее начало. А процесс

познания сущности образа жизни (от анализа стилей к способам жизни, а от них к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим направлением процесса познания от изучения единичного к обнаружению особенного и раскрытию общего.

«Поле» образа жизни — общество в целом. Изучение образа жизни направлено прежде всего на выделение общих черт и прослеживание интегративных тенденций в жизнедеятельности общества. Социологический анализ многообразия повседневной жизни и ее динамики, на наш взгляд, целесообразно вести на уровне стилей и способов жизни, где действуют конкретные социальные субъекты, «проклеиваются» различные альтернативы общественного развития, где крепнет солидарность и прорастает конфликтность. Собственно, только таким путем можно прийти к реальным характеристикам складывающегося в обществе образа жизни.

И еще одно уточнение. Мы учитывали идеи, высказанные в связи с предметом нашего анализа, К. Марксом, М. Вебером, П. Бергером и Т. Лукманом, А. Шюцем, П. Штомпкой, Ю. Хабермасом, П. Сорокиным, В. Ядовым, Ж. Тошченко и другими авторами, а также опыт фундаментальных эмпирических исследований западных коллег [Mitchel, 1983; Georg, 1998], выходя за рамки этих идей и опыта при разработке собственной динамической субъектно-деятельностной концепции анализа повседневности.

Список литературы

1. Возьмитель А. А. 2017. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. № 4 (23). С. 14—44
2. Georg W. 1998. Soziale Lage und Lebensstil. Eine typologie. Opladen: Leske + Burdrieh.
3. Mitchell A. 1983. The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. New York, NY: Macmillan.

Г. В. Виноградова

МОРАЛЬНАЯ КАРЬЕРА БЕЗДОМНОГО ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

ВИНОГРАДОВА Глория Валерьевна — аспирант кафедры социальной работы и социальной антропологии Института социальных технологий и реабилитации, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

EMAIL: deaconess@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8553-8050

Аннотация. Большинство социологических исследований бездомности ограничивается определением половозрастных и основных социальных характеристик данного феномена. Бездомность зачастую рассматривается как проблема отсутствия жилья, хотя в реальности она гораздо шире. Процесс маргинализации личности бездомного не равен и не ограничен собственно утратой жилья. Он не начинается тогда, когда человек оказывается на улице, и иногда не заканчивается с обретением жилья. В статье рассматривается феномен бездомности в контексте динамических переменных: разнонаправленных векторов маргинальности и социальной эксклюзии, а также четырех уровней отчуждения человека от общества: пространственного, экономического социального и культурного. Предлагается схема для изучения динамических характеристик данного феномена. Для обозначения закрепления структурных изменений на социокультурном уровне в исследование вводится понятие стигмы. Стигма накладывает отпечаток на поведение человека, его место в социальной структуре, на процесс социальной идентификации и самоидентификации. С понятием стигмы связано понятие моральной карьеры. У людей с определенной стигмой схожая «моральная карьера», которая является и причиной, и результатом выбора схожей последовательности актов личностной адаптации. На основании социологического исследования делаются предварительные выводы — наброски моральной карьеры бездомного человека, предлагается типология бездомных в соответствии со стадиями моральной карьеры.

Ключевые слова: бездомность, маргинальность, социальная эксклюзия, стигма, моральная карьера

Концепция бездомности, предполагающая отрыв личности от социума, может быть представлена в динамике с помощью уровней, описывающих ее нисходящую мобильность. Схематически она представлена в таблице 1. В данной работе мы проследим «карьеру» бездомного человека с помощью данной модели.

Таблица 1. *Критерии маргинализации бездомного*

Уровни/Векторы	Эксклюзия	Маргинальность
Пространственный	Эксклюзия от постоянного места жительства и регистрации в государственных органах	Феномен экстремальной ситуации жизни на улице
Экономический	Эксклюзия от экономических отношений	Утрата мотивации к труду, жизнь сегодняшним днем, паразитизм и потребительство
Социальный	Эксклюзия от социальных связей и отношений	Разрыв социальных связей и создание альтернативной среды
Культурный	Стигма «бомж»	Самоидентификация «бомж»

Традиционно термин «карьера» обозначает восходящую мобильность, но она может быть и успешной, и неудачной. Понятие «моральной карьеры» имеет два аспекта: «официальную» позицию в обществе и связанное с ней внутреннее представление о себе, чувство самоидентичности. Второй аспект придает «моральное» значение карьере как последовательности изменений, которые деятельность личности по изменению своего социального статуса вызывает в самой личности и структуре ее представлений о себе и окружающих.

В исследовании были использованы три метода: включенное наблюдение, интервью и анализ документов (картотека и документы организации). Всего в интервью приняли участие 110 человек из числа посетителей домов ночного пребывания Томска и Новосибирска. Тип выборки обусловлен отсутствием точной информации об объекте исследования — случайная кластерная (гнездовая) выборка. По результатам исследования можно выделить ступени «моральной карьеры» бездомного.

Можно выделить два направления моральной карьеры: от маргинальности к эксклюзии и от эксклюзии к маргинальности. Путь от эксклюзии к маргинальности делится на следующие этапы:

— *Потеря прописки.* Это еще не бездомность, но отсутствие прописки создает человеку неудобства в социальном плане: проблематично устроиться на работу, сложно получить пакет положенных социальных услуг. Отсутствие прописки является характеристикой социальной эксклюзии в чистом виде: оно сразу же накладывает ограничения на жизнедеятельность человека.

— *Потеря жилья.* И это пока не люди без определенного места жительства, а люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Как раз они более всего нуждаются в поддержке со стороны социальных учреждений, у них больше всего шансов найти или вернуть утраченное место в обществе. Степень маргинализации таких людей обычно стремится к нулю, у них достаточно социального и культурного капитала, чтобы обрести иной социальный статус.

— *Потеря работы.* Это уже стадия экономической эксклюзии, не имея прописки, на постоянную работу устроиться сложно, приходится перебиваться «калымами». Негативными последствиями могут быть утрата мотивации к труду, поиск иных источников существования (сбор бутылок и осмотр мусорных контейнеров, жизнь за счет родственников и знакомых, попрошайничество), что приводит к следующей стадии бездомности — разрыву социальных связей. В поведении человека, не работающего и не ищущего работу уже некоторое время, появляются маргинальные черты: социальное иждивенчество, жизнь сегодняшним днем, злоупотребление алкоголем.

— *Разрыв социальных связей.* Это пограничная ситуация, где соотношение эксклюзии и маргинальности примерно 50/50. «Домашних» людей начинает тяготить ситуация, когда родственник или знакомый просто пользуется их расположением, ничего не давая взамен. Многие бездомные отмечают, что им самим «стыдно признаться, что живу в приюте», «приезжать с пустыми руками», «стеснять людей, ведь они семейные», и т. п. Социальная изоляция может привести к девиациям — пьянству и правонарушениям (исследования показали, что большинство таких людей до того, как стали бездомными, меньше употребляли алкоголь).

— *Формирование нового типа социальной идентичности.* Здесь человек «опускает руки» и смиряется со своей судьбой. Он даже может относительно неплохо устроиться: знать, где можно получить помощь в виде еды, ночлега, в какую больницу лечь, в какую церковь сходить и т. п. Происходит закрепление нового социального статуса. Меняется система ценностей, человек начинает понимать преимущества бездомной

жизни — его начинает привлекать «свобода», которую дает освобождение от обязанностей, свойственных обычному человеку. Бездомные пользуются социальными учреждениями только по необходимости, в других случаях их привлекает более «вольная» жизнь.

— *Социальная смерть.* Полный разрыв социальных связей ведет к деградации личности и полному исключению ее из общества. Этот человек как раз и является «бомжом», его начинает устраивать существование на обочине общества, он перестает следить за собой, морально опускается, практически не контактирует ни с внешним окружением, ни с себе подобными. Налицо и стопроцентная маргинальность: человек не имеет ни желания, ни возможности вернуться в общество, и стопроцентная эксклюзия — именно такие люди становятся жертвами жестокости окружающих. Между социальной и физической смертью проходит непродолжительный промежуток времени.

Путь от маргинальности к эксклюзии присущ людям, степень маргинальности которых была изначально высока. Причин может быть несколько — пребывание в детском доме, неблагополучная семья, неоднократная судимость.

— *Негативная идентификация.* Речь идет о людях, изначально имеющих искаженное или негативное представление об общечеловеческих ценностях и нормах. Это может быть вызвано соответствующим процессом социализации в семьях алкоголиков или преступников.

— *Конфликт с обществом.* Из-за вышеназванных причин люди изначально не приспособлены к жизни в обществе. Эксперты отмечают, что помещение их в «нормальную» социальную среду не даст никаких результатов — они там не приживутся, не найдут своего места. Их ниша находится на улице, у мусорного бака, у церкви, прося подавание — в кругу себе подобных. Соответствующая система установок и ценностных ориентаций приводит к девиантному поведению: употреблению алкоголя, наркотиков, совершению преступлений.

— *Разрыв социальных связей.* Он логически вытекает из первых двух. Человек с маргинализированной структурой сознания не может адекватно выполнять привычные для людей социальные роли: мужа, отца, члена коллектива и т. д. Респонденты отмечали «свободу» бездомной жизни: сам себе хозяин, ни от кого не зависишь, никому не должен и не обязан. Эксперты отмечали безответственность бездомных — неумение и нежелание выполнять обязанности, накладываемые социальным, семейным и трудовым статусом.

— *Отверженность*. Конфликт с обществом вызывает соответствующую реакцию. Разрыв социальных связей, инициированный самим человеком, делает практически невозможным их восстановление. Человек, попадая в сложную ситуацию (ухудшение состояния здоровья, инвалидность, старость и т. д.), остается без социальной поддержки. Наличие социальных связей предполагает наличие (предоставление) жилья, но на данном этапе человек теряет жилье из-за семейного конфликта, собственного алкоголизма, мошенничества и т. п.

— *Социальная смерть* как заключительный этап нисходящей моральной карьеры полностью повторяет предыдущее направление.

При подробном описании каждого типа данная типология может быть использована для определения программы реабилитации бездомного человека, обозначая степень бездомности и этапы социальной адаптации.

Е. Г. Бунов

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ СПОРТ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

БУНОВ Егор Георгиевич — кандидат социологических наук, заместитель директора ГБУ «ЦФКиС СВАО по г. Москве» Москомспорта, Москва, Россия

E-MAIL: bunovegor@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8163-7676

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования эффективности онлайн-тренинга, проведенного на базе ГБУ «ЦФКиС СВАО по г. Москве» Москомспорта. Объектом исследования выступили спортсмены-любители, регулярно тренирующиеся в физкультурно-оздоровительных комплексах СВАО по г. Москве и продолжающие тренировки в форме онлайн-тренинга в условиях самоизоляции и вынужденного отказа от привычного тренировочного процесса. Основная цель исследования — выявить мнение спортсменов-любителей об эффективности онлайн-тренинга в условиях вынужденной самоизоляции без непосредственного контакта с тренером. Применение метода свободного интервью позволило детально зафиксировать мнения респондентов и выявить положительные и отрицательные стороны организации бесконтактных спортивных тренировок как новой и во многом экстремальной формы спортивных занятий. На основе полученных данных тренировочный процесс был скорректирован в соответствии с пожеланиями его участников. Результаты пилотного исследования положены в основу программ онлайн-тренировок, разработанных и осуществляемых тренерским коллективом Центра физической культуры и спорта СВАО по г. Москве.

Ключевые слова: любительский спорт, онлайн-тренинг, режим самоизоляции, свободное интервью, тренировочный процесс

Режим самоизоляции, объявленный в марте 2020 г. в связи с пандемией коронавируса COVID-19, кардинально изменил привычный ход жизни, ограничил жизненное пространство стенами собственного жилища, сузил общение до контактов с совместно проживающими членами семьи. Закрылись кинотеатры, музеи, офисы, фитнес-клубы, стадионы и бассейны. Футбольное поле, гимнастический и тренажерный залы, боксерский

ринг сузились до размеров собственной квартиры, а между тренером и спортсменом возник экран монитора. Вынужденный отказ от привычного образа жизни способен провоцировать стрессовое состояние и депрессию у любого активного человека. Но особенно актуально изменение условий жизнедеятельности для спортсменов, испытывающих серьезный дискомфорт даже при временных перерывах в тренировках из-за травм или потери физической формы. Это подтверждают многочисленные обращения к спортивным психологам¹. Действующие ограничения вызывают сложности не только у профессионалов, для которых спорт — дело всей жизни. Спортсмены-любители также с большим трудом поддерживают физическую активность в самоизоляции на прежнем уровне, оказавшись перед непростым выбором — уделить больше времени семье и бытовым заботам или поддерживать свою форму, заменив привычные виды спортивного досуга онлайн-тренингом. Учитывая, что спортсмены-любители в преобладающем большинстве продолжают основную работу или учебу в дистанционном режиме, времени на такие занятия остается крайне мало. А совмещать спорт, работу и семейные обязанности становится намного сложнее.

Регулярные занятия спортом выполняют не только функцию поддержания здорового образа жизни. Это эффективный способ формирования личности, умеющей дисциплинировать себя и других, ставить цели и добиваться победы над собственными слабостями. А спортивная секция — это специфическая ин-группа, клуб единомышленников. Привыкнув к постоянным контактам с товарищами, крайне сложно оказаться в эмоциональной изоляции и приспособиться к онлайн-жизни. По мнению тренеров, ее последствием может стать не только потеря физической формы, но и ухудшение психического состояния спортсмена², которое крайне сложно нейтрализовать, следуя советам средств массовой информации окунуться в семейные радости, заняться чтением и просмотром фильмов, развивать творческие и интеллектуальные способности.

С целью определения эффективности онлайн-тренинга в период с апреля по май 2020 г. автором статьи было проведено исследование мнений членов спортивных секций Центра физической культуры и спорта

¹ Боярский А. «Алло, карантин?». Как спортсмены тренируются в домашних условиях // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/sport/person/allo_karantin_kak_sportsmeny_treniruyutsya_v_domashnih_usloviyah (дата обращения 25.05.2020).

² Немтырев А. Тренер раскрыл, как самоизоляция отражается на спортсменах. URL: <https://ren.tv/news/zdorove/696619-trener-raskryl-kak-samoizoliatsiia-otrazhaetsia-na-sportsmenakh> (дата обращения 15.05.2020).

СВАО по г. Москве. В опросе участвовали 32 респондента в возрасте от 18 до 55 лет, регулярно занимающиеся спортом в течение длительного времени и продолжающие работать и учиться в удаленном режиме. 12,5% имели рабочий пропуск, остальные соблюдали режим самоизоляции в полном объеме.

Поскольку все опрошенные непосредственно контактировали с автором исследования на протяжении длительного времени (более трех лет), а для части из них он был личным тренером, сбор данных осуществлялся методом свободного интервью.

Полученные результаты показывают, что онлайн-тренинг оценивается далеко не однозначно. Его главное преимущество — экономия времени на дорогу. Тренировка начинается в заранее определенное время. Надо только подключиться к онлайн-конференции (100% участников опроса). Проще разобраться с техникой выполнения упражнений — если что-то непонятно, можно задать вопрос тренеру, он теоретически смоделирует ситуацию, детально объяснит и покажет правильную технику исполнения (50%). Поскольку тренировки проходят на онлайн-платформе Zoom, каждая тренировка записывается, ее можно повторно просмотреть, увидеть себя со стороны и отработать сложные элементы. А при следующей тренировке тренер проверит технику исполнения (75%). Немаловажным позитивным фактором признается возможность сосредоточиться, не отвлекаясь на тренирующихся рядом. Фактически групповая тренировка превращается в индивидуальную (каждый занимающийся имеет выделенный «коридор» — я и тренер), всю группу видит только тренер. Интересно, что все респонденты высоко оценили качество работы тренеров и в процессе опроса высказали благодарность каждому из них.

Несмотря на отмеченные плюсы, все респонденты (100%) считают, что негативные факторы онлайн-тренинга преобладают над позитивными, и не готовы полностью заменить традиционный тренировочный процесс на его виртуальный аналог: 75% респондентов согласны, что вынужденная изоляция мешает полноценным тренировкам, 25% затрудняются высказать однозначное мнение. Более половины сомневаются, что смогут восстановить оптимальную спортивную форму. В качестве главных недостатков респонденты выделяют следующие:

— Неприспособленность домашнего помещения для использования в качестве полноценного спортзала. Крайне сложно совмещать занятия спортом с выполнением семейных обязанностей. На этой почве у 70%

респондентов возникают конфликты с семьей, требующей повышенного внимания.

— Отсутствие непосредственных эмоциональных контактов с товарищами по секции.

— Не стимулирует регулярность спортивных тренировок высокая загруженность работой и учебой в режиме онлайн (80% респондентов). Психологическое напряжение, связанное с необходимостью практически круглосуточного нахождения на связи с коллегами и руководством (преподавателями для студентов), не позволяет полностью погрузиться в тренировочный процесс.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о невозможности полноценной замены традиционных контактных форм спортивных тренировок онлайн-аналогами. Однако такие формы занятий приемлемы как дополнительный метод подготовки спортсменов-любителей не только в условиях вынужденной изоляции, но также в различных ситуациях, препятствующих непосредственному контакту с тренером. С этим согласно большинство участников опроса. Вторым существенным выводом является признание необходимости учета мнений спортсменов о качестве тренировочного процесса в режиме мониторинга, что позволит существенно повысить его эффективность и расширит аудиторию любительского спорта.

С учетом выявленных факторов были скорректированы программы онлайн-тренировок, проведены методические совещания с тренерским составом Центра. Полученные результаты представляют большой интерес для практической работы с контингентом спортсменов-любителей. В дальнейшем данные пилотного исследования планируется проверить на большей выборке респондентов.

Е. В. Андрианова, М. В. Худякова

ВИДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕНСИОНЕРА: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

АНДРИАНОВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия

E-MAIL: e.v.andrianova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7769-9206

ХУДЯКОВА Марина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-MAIL: m.v.khudyakova@utmn.ru

Аннотация. В работе представлены результаты изучения образа жизни пенсионеров как отдельной социальной группы, их места и роли в общественной жизни. Дается оценка социальной активности старшего поколения через концепт включенности в социальные процессы. Рассмотрены частота и формы трудовой, общественно-политической, познавательно-образовательной и культурно-досуговой деятельности людей пенсионного возраста. Определены факторы социальной активности пенсионеров, выделены ограничения для ее проявления. Эмпирические данные базируются на результатах массового опроса, проведенного на территории Юга Тюменской области.

Ключевые слова: социальная активность, трудовая занятость, общественно — политическая активность, познавательно-образовательная активность, социокультурная активность

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты».

Увеличение доли людей пожилого возраста и повышение продолжительности жизни актуализируют задачи обеспечения активного долго-

летия, включенности пожилых людей в социальные и экономические процессы, как следствие, наблюдается рост исследовательского интереса к данным проблемам. По оценкам аналитиков, доля населения мира старше 65 лет в 2019 г. составила 9%, а к 2050 г. увеличится почти в два раза [Щербакова, 2019].

Используемые научные трактовки понятия «социальная активность» имеют различия, но объединены исследовательским подходом рассмотрения через систему «человек — общество». Свою социальную активность человек может реализовать только в процессе преобразующей деятельности, проявляющейся через общественные отношения [Ситаров, Маралов, 2015: 164]. Примем за основу определение социальной активности как «сознательной деятельности личности, направленной на участие в социальных процессах и изменение окружающих социальных условий» [Гончарова, 2019]. Придерживаясь подхода к классификации видов социальной активности личности, который предполагает детализацию на трудовую, общественно-политическую, семейно-бытовую, культурно-досуговую, познавательную-образовательную деятельности [Марунова, 2014: 56], акцентируем внимание на некоторых видах, характерных для представителей старшего поколения³.

Анализ построен на результатах опроса пенсионеров Юга Тюменской области, проведенного в 2019 г. (в 5 городах и 20 муниципальных районах; общий объем выборки — 2183 человека).

После выхода на пенсию средний житель региона, как и среднестатистический россиянин, продолжает работать 6,4 года. Трудовая занятость пенсионеров является механизмом их выживания и самореализации, а также резервом увеличения числа занятых. Те, кто называет себя как материально обеспеченным, продолжают работать почти в два раза дольше других категорий. Вероятнее всего, «богатые» люди относятся к группе обладающих более востребованными профессиональными компетенциями. Хотя ведущим мотивом трудовой деятельности выступает недостаток материального обеспечения (61%), треть респондентов продолжают работать, чтобы чувствовать себя нужными.

Среди занятых большая часть (42%) продолжают работать на том же рабочем месте, и именно эта группа относится к категории наиболее удо-

³ Используя понятия, характеризующие старшее поколение, придерживаемся возрастной классификации, принятой Всемирной организацией здравоохранения, где люди пожилого или преклонного возраста — 60—75 лет, старческий возраст людей 75—90 лет и после 90 лет — долгожители. См.: Возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://citifox.ru/2016/05/05/vozrastnaya-klassifikatsiya-vsemirnogo-organizatsii-zdravoohraneniya/> (дата обращения 22.05.2020).

влетворенных жизнью (68%). Треть пенсионеров сменили специальность и организацию, как правило, это нисходящая трудовая мобильность, и половина из них хотели бы прекратить трудиться. В целом не хотят работать на пенсии 74% пенсионеров. Точка отсечения периода труда — 70 лет, после доля желающих продолжать трудиться падает в три раза.

Доминирующее место в жизни людей пожилого и старческого возраста занимает семейно-бытовая деятельность, что в целом соответствует укоренившимся в обществе представлениям о домашней занятости пенсионеров.

Вместе с тем 50% пенсионеров считают себя общественно активными, указывая на участие в работе ветеранских организаций (Советов ветеранов) и клубов по интересам (сообщества, не относящиеся к культурной деятельности, например Союз пенсионеров России, землячества, общества инвалидов и др.). Отметим низкий уровень вовлеченности людей старшего поколения в деятельность политических партий и органов самоуправления по месту работы или жительства.

Познавательльно-образовательная активность характерна для 59% пенсионеров, которые выразили заинтересованность в приобретении новых компетенций в разных сферах. Среди приоритетных образовательных интересов — лекции о поддержании уровня здоровья и ЗОЖ, основах права, курсы компьютерной грамотности. Причем рассматриваются разные формы обучения, включая применение онлайн-технологий, а 40% пенсионеров уже используют интернет для самообразования.

Зафиксирован достаточно высокий уровень социокультурной активности: больше половины приобщаются к разным видам искусства; 47% имеют свои увлечения, и каждый десятый реализует их в творческих клубах, работающих при домах культуры и библиотеках. Выявлена связь социокультурной и общественной активности пенсионеров: среди респондентов, являющихся членами ветеранских организаций, большая доля тех, кто посещает учреждения культуры.

Ключевыми факторами социальной активности являются: пол (женщины проявляют высокую активность), уровень образования (значительно выше степень активности людей с высшим образованием), личная мотивация и жизненная позиция пожилого человека.

Среди барьеров для проявления социальной активности выделим следующие. Во-первых, экономическая незащищенность заставляет пожилых людей придерживаться стратегии самообеспечения путем продолжения трудовой занятости по месту работы или в личном хозяйстве

(отметим, что «зажиточные» и «обеспеченные» проявляют более высокий уровень социальной активности). Во-вторых, устоявшееся в нашем обществе отношение к пенсионерам как пассивной социальной группе. В-третьих, низкий уровень личной мотивации людей старшего поколения, обусловленный возрастным изменением физических и интеллектуальных возможностей (по результатам исследования, лидирующую позицию в перечне проблем пенсионеров занимает «ухудшение здоровья и физического состояния»).

Для повышения мотивации пенсионеров к участию в социокультурной деятельности следует учитывать увлечения и предпочтения пенсионеров при организации и планировании клубной работы. В решении задачи повышения их познавательной активности способны оказать поддержку вузы, обладающие потенциалом использования современных педагогических и информационных технологий, путем расширения спектра открытых образовательных площадок. Активным «проводником» для реализации мер и мероприятий по повышению активного долголетия являются ветеранские организации, поэтому масштабирование ветеранского движения на бизнес-сектор будет способствовать передаче профессионального опыта, развитию системы наставничества, преемственности поколений и формированию трудовых династий.

Потенциал социальной активности старшего поколения далеко не исчерпан. Формирование у пожилых людей соответствующей мотивации и активизация пожилых людей — важные задачи, решение которых повлечет за собой постепенное расширение интересов, сфер деятельности пенсионеров, а также многообразия форм их социальной активности.

Список литературы

1. Гончарова Н. В., Потапкина О. Р. Социальная активность личности: теоретический аспект в научной литературе // Евразийский союз ученых. 2019. № 4(61). С. 17—19.
2. Марунова Т. Р. Направления социальной активности пожилых людей. // Изв. Саратов. ун-та. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 55—57. (Сер. Социология. Политология).
3. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание, понимание, умение. 2015. № 4. С. 164—175. <https://www.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.15>. (дата обращения: 10.08.2020).

4. Щербакова Е. Старение населения мира по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly/ № 837—838. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/index.php> (дата обращения: 10.08.2020).

Социология молодежи

Я. Г. Зинченко

КОНТУРЫ ВЗРОСЛЕНИЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ЗИНЧЕНКО Ярослава Геннадиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: yasya-z@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5765-8693

Аннотация. В статье приводятся подходы к определению возрастной стратификации молодежи, рассматриваются феномен кидалтизма, его факторы и социальные риски. Предпринята попытка социологического описания процессов взросления современной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, взросление, возраст, кидалтизм, самостоятельность

Молодежь — чрезвычайно интересная социально-демографическая группа для исследователей, представляющих разные области социогуманитарного знания — социологию, антропологию, психологию, историю, политологию, философию, право. Начиная с 1960-х годов — времени появления молодежной субкультуры и становления социологии молодежи, количество социологических исследований, посвященных самым разным аспектам жизни молодых людей, неуклонно растет, что указывает на интерес и ориентацию государства, общества, субъектов экономической деятельности прежде всего на молодежь как на преобразующее начало будущей общей социальной действительности.

В 1981 г. резолюцией 36/28 Генеральной Ассамблеи ООН для статистических целей были определены возрастные границы молодежи — от 15 до 24 лет. В новой классификации возрастов, разработанной Всемирной организацией здравоохранения, молодым возрастом считаются границы от 25 до 44 лет. В российском нормативном поле возраст молодежи установлен от 14 до 30 лет. Поскольку биологическое и социальное созревание не совпадают во времени, то и нормативные критерии возраста объ-

активированы с одной стороны биологическими причинами — началом полового созревания, а с другой стороны — социальными: личностным развитием, обретением дееспособности, профессионального образования и финансовой самостоятельности.

В социологическом дискурсе последних лет особое внимание обращено к новому феномену — кидалтизму, который может рассматриваться и как разновидность субкультуры, и как психологический и социальный инфантилизм. Современный молодой человек описывается как сохраняющий детские увлечения, избегающий принятия ответственности, не приемлющий взрослую идентичность и стабильность существования любитель острых ощущений и виртуальной реальности.

Формирующими факторами кидалтизма являются снижение роли базовых социальных институтов: семьи, религии, образования в формировании мировоззренческой картины мира молодых людей, цифровизация и геймификация общества, влияние ангажированных бизнес-структурами массмедиа.

В числе социальных рисков этого феномена — правовой нигилизм, дауншифтинг, демографический спад, аномия.

Возможно ли проследить развитие названных тенденций в российской молодежной среде?

В соответствии с данными разведывательного исследования, принятого нами в мае 2020 г., можно выделить следующие контуры взросления¹. Большинство опрошенных (в возрасте 19—20 лет) считают себя взрослыми людьми. Так обозначают свою возрастную идентичность 67 % респондентов. При этом ощущение взросления посетило их совсем недавно, 66 % студентов указывают период 18—20 лет. По мнению опрошенных, взрослый человек должен обладать следующими характеристиками: иметь жизненный опыт, серьезно относиться к жизни, работать и располагать независимым доходом. Для обладания этими желаемыми свойствами, считают респонденты, необходимо затратить не менее четырех-пяти лет на получение профессионального образования, эмансипироваться от родителей и трудоустроиться в 18—20 лет, вступить в брак в возрасте 23—26 лет и обзавестись первым ребенком в 25 лет. Данные представления совпадают с традиционной моделью взросления: человек получает профессиональное образование, начинает карьеру, достигает финансовой независимости и создает семью.

¹ Исследование проводилось в мае 2020 г. методом социологического опроса, в котором приняли участие студенты факультета Управления ЮРИУ РАНХиГС в количестве 131 человек.

Готовность к полностью независимой жизни чувствуют 45 % опрошенных, при этом 79 % уже имеют опыт самостоятельной жизни отдельно от родителей, 70 % имеют также опыт работы, а 43 % — водительское удостоверение.

Ощущение собственной «инакости» характерно для 75 % молодых людей, они соглашались с формулами «поколение Z», «миллениалы», указывают на кардинальные отличия своего поколения от родительского (68 %). При этом связь между поколениями не рвется, половина опрошенных нуждается в совете старших при принятии важных решений, а 54 % обозначают, что вместе с зоной самостоятельности в их жизни присутствует и родительский контроль.

Молодые люди считают, что возможно всю жизнь проработать в одной организации (65 %), это указывает на их желание стабильности, которое подкрепляется желаемыми характеристиками работодателя: стабильность организации, высокая зарплата, благоприятный психологический климат, самореализация и профессиональное развитие. Если работодателя мечты будет трудно найти, то молодое поколение не побоится взять на себя ответственность за подчиненных и будет само выступать в роли работодателя: 65 % респондентов заявляют о готовности открыть собственный бизнес.

В рейтинг самых важных ценностей молодежи вошли: здоровье, семейные отношения, самореализация, материальное благополучие и комфорт, карьера и должностное продвижение. Анализ ответов на открытый вопрос о мечте выявил расположение к следующим благам: хорошая работа, собственная семья, успешный бизнес, финансовое благополучие. Только один человек заявил о своем желании изменить мир.

Пока же мечты не стали реальностью, молодые люди готовы занимать себя прогулками и встречами с друзьями, активным отдыхом на природе, спортом, путешествиями. Возможно, что подобные приоритеты в отношении досуга расставила ситуация пандемии коронавируса. Интернет-серфинг, компьютерные игры, блоггерство, а также домашний просмотр кино- и телепродукции оказались только на четвертом и пятом местах рейтинга развлечений.

Таким образом, при первом приближении действительно можно увидеть юных взрослых. Однако более пристальный взгляд дает возможность рассмотреть хорошо воспитанных, эффективно презентующих себя и коммуницирующих, адаптирующихся к изменяющимся условиям социальной реальности ответственных людей.

Тем не менее трансформационные общественные процессы, глобальные вызовы требуют от профессионального исследовательского сообщества разработки оригинальных подходов и методик к изучению тенденций и социальных рисков взросления современной молодежи.

О. В. Сорокин

ОБРАЗЦЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

СОРОКИН Олег Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: ov.sorokin@gmail.com

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена характером изменения регуляции девиантного поведения в молодежной среде в условиях изменяющейся социальной реальности. В современном российском обществе в культурном пространстве молодежи наблюдается размывание общих критериев девиантного поведения. Многие поведенческие практики, связанные с нарушением действующих формальных и моральных норм в молодежной среде, воспринимаются молодыми людьми либо терпимо, либо с безразличием. В этой связи актуализируется проблема изучения образцов девиантного поведения в социальной реальности молодежи. Обращение к проблеме размывания критериев девиантного поведения в молодежном культурном пространстве направлено на решение следующих практических задач: выявление факторов, способствующих ослаблению механизмов нормативного регулирования в молодежной среде; изучение установок на девиантное поведение в молодежных группах; поиск новых оснований интеграции молодежи в общественные процессы.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение молодежи, культурное пространство молодежи, критерии девиантного поведения, социальная реальность

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00585А «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

Для России сохраняются риски институционализации неправовых, полукриминальных практик в молодежной среде. В условиях, когда современное российское общество погружается в социально-экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса и последовавшим за этим очередным падением производства и ростом безработицы, особенно

среди молодежи, смыслы формальных и неформальных норм начинают восприниматься и оцениваться как несправедливые, а это ведет к росту неправовых практик и попыткам их институционализации.

В молодежной среде многие неформальные взаимодействия регулируются на уровне локальных сообществ, таких как компании друзей, молодежные клубы по интересам, неформальные организации, субкультуры, модные тусовки, т. е. в повседневной жизни. Социализация молодежи в данных сообществах происходит благодаря нормам, принятым в рамках определенного субкультурного пространства [Чупров, 2019]. Образцы социальных взаимодействий, которые представлены в подобных сообществах, отличаются своей инновационностью, поскольку часто отражают креативные алгоритмы духовной деятельности, связанные со сферами досуга, межличностных отношений, образования и труда. Данные образцы проходят через фильтрацию определенных культурных кодов [Александр, 2013], в роли которых выступают молодежные. В молодежных субкультурах локальных сообществ складываются представления о способах достижения социального успеха, материального благополучия, социальной мобильности, собственного позиционирования, о статусно-ролевых отношениях и т. д. В субкультурах личные представления соотносятся с представлениями носителей данного субкультурного стиля. По мере вовлечения конкретного молодого человека в данные практики происходит идентификация личности с субкультурным стилем, образуются референтные сообщества, на которые ориентируется в своей повседневной деятельности индивид. В закрытых иерархизированных молодежных субкультурных сообществах приняты определенные неформальные этические кодексы, знание которых позволяет участнику активно взаимодействовать с другими участниками сообщества [Кудрявцев, 2017]. Некоторые из данных неформальных практик в дальнейшем благодаря моде находят поддержку на уровне социальных институтов, которые инкорпорируют данные практики, если они отвечают интересам большинства общества. Однако большинство социальных практик, принятых в молодежных локальных сообществах, остаются долгое время невостребованными формальными социальными институциями, поскольку они в большинстве своем противоречат официальным регламентам деятельности либо рассматриваются как преступные, маргинальные. Именно поэтому часто молодежь использует данные практики из принципа, чтобы противопоставить себя остальной части общества. К тому же данные практики позволяют максимально уменьшить

издержки, связанные со взаимодействием с институциональным миром в лице родителей, учителей, работодателей, чиновников и т. д. Принятые внутри молодежных сообществ неформальные практики, с точки зрения самой молодежи, более эффективны по сравнению с институционализированными практиками, поскольку позволяют также за короткий период времени мобилизовать участников сообществ, объединить интересы, достичь поставленных целей. В связи с этим большинство неформальных социальных практик в молодежной среде инкорпорируются в неформальные институты в лице моды, лидеров мнений, систем табуирования, ритуалов, негласных советов. Данное положение позволяет развить тезис о том, что отклонение от неформальных норм, принятых в молодежных сообществах, тоже следует рассматривать как форму девиантного поведения, поскольку несоответствие поступков господствующим культурным моделям поведения, принятым в данных сообществах, рассматривается как нарушение и может быть подвергнуто символическому, моральному и физическому насилию со стороны молодых сверстников.

В условиях социально-экономической неопределенности образцы неправовых практик, которые ранее находились на периферии культурного пространства молодежи, становятся все более востребованными, особенно в молодежной среде. Обращение к данным практикам обусловлено жизненными ситуациями в условиях, когда молодые люди теряют работу, постоянные источники заработков, возможности для саморазвития и т. д. Востребованные в условиях кризиса неправовые практики регулируются с помощью образцов, которые менее долговечны и более легковесны, чем официальные нормы и правила. Исследователи С. Л. Диманс и В. Ф. Левичева называют их «институциями» [Диманс, Левичева, 2018: 14]. По сути, «институции» в обществе регулируют типологизированные социальные взаимодействия, которые предшествуют институционализированным социальным взаимодействиям.

В основе институций в молодежной среде лежат социокультурные образцы, которые зародились в культурном пространстве молодежи и отражают представления молодежи об эффективных способах достижения социального успеха, блага, статуса и т. д., но через призму субкультурных кодов, носителями которых являются те или иные молодые люди. В некоторых маргинальных субкультурных сообществах, например скинхедов или футбольных фанатов, смысложизненные ценности могут противоречить ценностям ядра национальной культуры, носителями которой тоже являются данные молодые люди.

В условиях динамичного развития общества в молодежной среде обществом востребованы инновационные неформальные практики, поскольку это отвечает интересам ускоренного развития. Очень часто в этот период инновационные практики молодежи институционализируются и находят поддержку у большинства граждан. Однако в условиях социально-экономической неопределенности востребованными в молодежной среде становятся и неправовые практики как форма неформальных практик.

Официальные социальные институты утрачивают способность эффективно регулировать социальные взаимодействия в складывающихся условиях в силу их замедленной перестройки к меняющимся условиям, отсутствия согласованности между ветвями власти и между социальными институтами, утраты доверия к деятельности социальных институтов со стороны большинства граждан. Молодые люди в таких условиях осознают возрастающую тревожность и способность на личностном уровне повлиять на ситуацию в обществе. Обращение к неправовым, полукриминальным, а чаще и к криминальным практикам для некоторых молодых людей становится способом снять неопределенность в личной жизни.

Таким образом, в условиях социальной неопределенности всплеск девиаций в молодежной среде и институционализация неформальных практик поведения молодежи обусловлены интересами и потребностями представителями данной возрастной группы. Девиантное поведение представлено в этом случае в форме совокупности актов отклоняющегося поведения, которые отражают креативные алгоритмы деятельности. В условиях социально-экономической неопределенности, когда наблюдается дисфункция социальных институтов, представляющих ядро жизнедеятельности общества, образцы неправовых практик в молодежной среде инкорпорируются в мутирующие и утрачивающие свою значимость ценностно-нормативные комплексы, вследствие чего в обществе отмечается всплеск деструктивных форм девиантного поведения со стороны молодежи.

Список литературы

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013.
2. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.

3. Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). М.: Норма: Инфра-М, 2017.

4. Чупров В. И. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности: монография / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. М.: Норма, 2019.

А. В. Селезнева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

СЕЛЕЗНЕВА Антонина Владимировна — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ntonina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2500-6356

RESEARCHERID: S-4239-2017

Аннотация. Представлен политико-психологический подход к исследованию гражданского самосознания молодежи. Определяется сущность гражданского самосознания и обозначается концептуальная рамка его изучения. Эмпирическую основу исследования составил комплекс количественных и качественных данных. Также представлены результаты эмпирического исследования политических представлений и идентификационных ориентаций в структуре гражданского самосознания молодежи. Автор заключает, что молодежь имеет противоречивые представления о своей стране, а ее патриотические ориентации носят декларативный характер. Представления о государстве и власти в сознании молодежи достаточно размытые и когнитивно бедные, в большинстве своем имеют негативную эмоциональную окраску. В них преобладают представления о президенте и общие критические суждения о власти. Представления о России как стране имеют позитивную модальность.

Ключевые слова: молодежь, гражданское самосознание, политические представления, политическая идентичность, политическая социализация, Россия, страна, государство

Благодарность. Тезисы доклада представляют материалы исследования, выполненного при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание молодежи в России».

данское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075-15-2020-220).

Актуальность темы исследования обусловлена существующей на сегодняшний день научно-практической необходимостью комплексного изучения гражданского самосознания российской молодежи как психологического основания формирования общероссийской идентичности для противостояния социокультурным вызовам и угрозам [Шестопад, Селезнева, 2018].

Исследование гражданского самосознания молодежи опирается на концептуально-методологические разработки в области политической психологии [Шестопад, 2019], а также на положения теории идентичности [Семенов, Лапкин, Пантин, 2010].

Гражданское самосознание предполагает осознание человеком своей принадлежности к гражданско-политическому сообществу, самоотождествление с ним, ощущение сопричастности его судьбе. В нашем случае таким сообществом является Россия как политическая общность и гражданская нация, представления о которой лежат в основе процесса идентификации.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы 1600 формализованных интервью с молодыми людьми в возрасте 18—30 лет и 400 проективных рисунков «Россия в виде дома» [Евгеньева, Нечаев, 2014], собранные в 2019—2020 гг. Дизайн выборки учитывал половозрастную и территориальную структуру молодежи в России.

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство молодых людей считают себя патриотами (см. табл. 1). При этом сущность патриотизма определяется ими через довольно абстрактную формулу «любовь к стране». Анализ нормативных представлений о том, что значит быть патриотом, показал преобладание в их содержании обобщенных стереотипных смысловых конструкторов («страна» — 47,8%, «народ» — 11,6%, «территория» — 7,5%) и символического конструктора «Родина» — 20,1%, а также установок на эмоциональные состояния (любить — 41,1%, уважать — 14,8%, гордиться — 4,7%). Установки на активные инициативные действия менее выражены. Это означает, что патриотические ориентации носят преимущественно декларативный характер и репрезентируют воспринятые из информационного пространства стереотипы, о чем писали ранее и мы, и наши коллеги [Селезнева, 2017; Касамара, Сорокина, 2016].

Таблица 1. **Патриотическая самоидентификация российской молодежи, %**

Да	44,4
Скорее да, чем нет	34,9
Скорее нет, чем да	6,6
Нет	8,3
Затрудняюсь ответить	5,7

В системе идентификационных ориентаций молодежи преобладает отождествление себя со своей семьей (52,8%). Около четверти респондентов ассоциируют себя со своей страной Россией (см. табл. 2).

Таблица 2. **Идентификационные ориентации российской молодежи, %**

Со своим городом, населенным пунктом	16,6
Со своим регионом	12,7
Со своей национальностью	13,5
Со своей религией, верой	11,7
Со своей семьей	52,8
Со своими друзьями	19,7
Со своей страной Россией	24,5
Со своим миром	14,7
Другое	4,1
Затрудняюсь ответить	3,9

Результаты исследования показали, что в целом в сознании российской молодежи существует набор достаточно противоречивых представлений о России. Она воспринимается как духовно одаренная и экономически неблагополучная, великая в прошлом и неопределенная в настоящем, с богатыми природными ресурсами и малообеспеченными гражданами, с процветающими Москвой и Дальним Востоком, которому предлагают «держаться там».

В целом можно выделить две большие категории репрезентаций. Первая — представления о России-стране как историческом, социокультурном и пространственно-территориальном объединении, которое носит преимущественно позитивный характер. Вторая категория — это представления о России-государстве как политико-управленческом и административно-территориальном объединении, которое оценива-

ется в значительной мере негативно. Такая двойственность восприятия России иллюстрируется фразой, встречавшейся в ответах наших респондентов: «Любить свою страну, но не государство».

В геополитическом пространстве Россия представляется молодым людям относительно изолированной страной, которая обороняется и демонстрирует внешнему миру свою силу.

Молодые люди воспринимают Россию как федерацию с непропорциональными отношениями между субъектами: Москва и Санкт-Петербург доминируют, а порой и противопоставляются остальным регионам.

Наибольшей властью, по мнению молодых людей, обладают президент, силовые структуры и правительство (см. табл. 3). В представлениях о властных отношениях, которые отражены в рисунках респондентов, помимо В. В. Путина (наиболее часто встречается) присутствуют Государственная дума, «силовики» и чиновники, которые находятся на вершине политической пирамиды — далеко от народа. В изображениях нашло свое отражение критическое отношение к власти, в первую очередь обозначение ее невосприимчивости к проблемам граждан.

Таблица 3. **Представления молодежи о субъектах власти в России, %**

Президент	80,7
Суд	7,7
Прокуратора	6,7
Армия	6,4
Политические партии	6,8
Другое	8,1
Премьер-министр	5,9
Администрация Президента	15,8
Государственная Дума	19,7
Совет Федерации	11,0
Правительство РФ	26,6
Силовые структуры	41,3
Губернаторы	8,2
Местная, муниципальная власть	5,5

Российское общество видится молодежи сильно дифференцированным: подавляющее большинство его составляют обычные люди — «работяги», пенсионеры, далее по мере возрастания социально-экономического статуса — средний класс, знаменитости («богема»), олигархи.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно заключить, что российская молодежь имеет достаточно противоречивые (зачастую шаблонные и когнитивно бедные) представления о России и лишь отчасти идентифицирует себя с ней. Это может свидетельствовать о проблемах формирования гражданского самосознания молодежи, которые обусловлены спецификой ее политической социализации.

Список литературы

1. Евгеньева Т. В., Нечаев В. Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 7—22.
2. Касамара В. А., Сорокина А. А. «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 99—110.
3. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200—208.
4. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40—59.
5. Шестопад Е. Б. Политико-психологическая парадигма и бихевиоризм // Современная политическая наука: Методология: научное издание / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 388—388.
6. Шестопад Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90—99.

А. А. Зайцева

ГРАЖДАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ

ЗАЙЦЕВА Анастасия Андреевна — стажер-исследователь, Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: nas89043419793@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании проведен анализ зависимости реализации гражданско-социальных практик студентов Ростовской области от ментальных программ их социального поведения в гражданской сфере. Эмпирической основой выступает авторский социологический опрос 382 студентов из восьми вузов Ростовской области. Автор опирается на теорию ментальных программ, позволяющую объяснить различия в социальном поведении студентов одного региона как относительно однородной группы. Различные типы ментальных программ включают особенности представлений студентов о гражданственности, ее ценности, мотивы и установки гражданско-социальных практик. Автор выясняет, что в гражданско-социальных лояльных практиках участвует большинство студентов вне зависимости от типа ментальных программ: с гражданственным, гибридным и конформистским, в гражданско-социальных ответственных и гражданско-социальных протестных — студенты с гражданственным типом ментальной программы социального поведения. В целом гражданско-социальные практики студентов вузов Ростовской области носят формальный характер и только небольшая часть — неформальный.

Ключевые слова: гражданско-социальные практики, ментальные программы, социальные практики, социальное поведение, студенты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90090 «Ментальные программы и институциональные практики социального поведения студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России (Ростовская область и Республика Крым)».

Социальное поведение студентов, реализуемое в гражданско-социальных практиках, способствует не только формированию гражданского общества в России, но и развитию таких качеств у студентов, как ответственность за судьбу страны, организованность, коммуникабельность, милосердие. Некоторые аспекты, связанные с реализацией гражданско-социальных практик студентов Ростовской области, уже изучались: участие студентов в мероприятиях [Мосиенко, Штомпель, Завгородняя, 2017: 67], причины активности в вузе [Портрет студентов, 2019], значимость волонтерских мероприятий и студенческого самоуправления [Магранов, Понеделков, Филоненко, 2017: 28]. Одновременно связь гражданско-социальных практик в зависимости от типов ментальных программ еще не рассматривалась, что определяет цель данной работы.

При изучении гражданско-социальных практик автор опирается на деятельностный подход теории социальных практик [Бурдые, 1998; Гидденс, 2003; Гарфинкель, 2007 и др.], а также теорию ментальных программ [Kelly, 1966; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Ментальные программы..., 2017]. В рамках такого методологического подхода социальные практики студентов представляют собой конкретные репертуары социальных действий, обусловленные ментальными программами. Гражданско-социальные практики включают неполитическое участие и имеют «горизонтальный» характер связей. Эти практики обусловлены структурами ментальных программ: ценностями, мотивами и установками, которые создают внутренний стимул для них. При этом гражданско-социальные практики делятся на лояльные, ответственные и протестные, а также формальные и неформальные.

Для выяснения особенностей гражданско-социальных практик студентов был проведен авторский анкетный опрос в январе 2020 г. Респондентами стали 382 студента из восьми вузов Ростовской области. Репрезентативность обеспечивалась за счет реализации многоступенчатой стратифицированной пропорциональной выборки по трем критериям: пол, уровень обучения, тип вуза.

Согласно результатам исследования, у студентов Ростовской области сложились три типа ментальных программ социального поведения в гражданской сфере, которые оказывают влияние на реализацию гражданско-социальных практик: гражданственный (26%), конформистский (37%) и гибридный (47%). Для студентов с гражданственным типом ментальной программы гражданственность представляет собой терминальную ценность и проявляется в желании помочь людям, городу,

обществу, повлиять на государственные решения. Такие студенты характеризуются установками на гражданско-социальные практики. У студентов с конформистским типом ментальной программы гражданственность в деятельностном смысле не представляет собой ценности. Студенты с гибридным типом ментальной программы имеют склонность к участию в гражданских практиках, но гражданственность для них состоит скорее в инструментальной ценности и связана с желанием провести свободное время, пообщаться, реализовать свои способности.

Рассмотрим особенности гражданско-социальных лояльных практик. Наиболее посещаемыми являются мероприятия, посвященные 9 Мая — в них принимали участие 40 % опрошенных студентов. На втором месте — городские субботники, благоустройство многоквартирного дома — 33 %. Несмотря на зачастую добровольно-принудительный характер субботников, основную долю участников, в том числе и в мероприятиях к 9 Мая, составляют студенты с гражданственным типом ментальной программы. В таких мероприятиях они стремятся принести пользу людям, городу, для них это гражданский долг. Далее в качестве мотивации идет общение и реализация своих способностей. Это значит, что студенты гибридного, а порой и конформистского типа ментальных программ социального поведения в гражданской сфере тоже участвуют в таких практиках.

В крупных волонтерских мероприятиях принимали участие 17 % опрошенных студентов. Такие мероприятия имеют свою специфику, которая состоит в том, что большинство студентов принимают в них участие не ради альтруистических целей, а скорее ради того, чтобы приобщиться к значимому событию, с интересом провести время, пообщаться с людьми. Это говорит о том, что волонтерство подобного рода не отражает реальную вовлеченность студентов в гражданское общество. Значительную часть аудитории таких мероприятий составляют студенты с гибридным типом ментальной программы, которые присоединяются к мероприятиям ситуационно.

Обратимся к изучению гражданско-социальных ответственных практик. Они отражают реальную гражданскую вовлеченность студентов, в отличие от первой группы гражданских практик, так как чаще всего связаны с личностной мотивацией участников, которая состоит прежде всего в желании помочь людям, городу, обществу. В практики помощи пожилым людям и инвалидам были вовлечены 18 % опрошенных студентов, в сборе материальной помощи участвовали 16,2 %. Таким образом, можно утверждать, что ментальные программы гражданского

типа обуславливают участие в гражданско-социальных ответственных практиках.

Наиболее малочисленными оказались гражданско-социальные протестные практики — митинги в защиту окружающей среды (3 %) и гражданских прав (2 %). В таких мероприятиях участвуют студенты только с гражданственным типом ментальной программы, так как стремятся повлиять на властные решения.

Кроме того, гражданско-социальные практики по типу организации делятся на формальные (организованные сверху) и неформальные (организованные снизу по инициативе самих студентов). Большинство гражданско-социальных практик, в которых участвовали студенты, носят формальный характер и были организованы министерствами, комитетами, муниципальными органами (33 %), общественными организациями (33 %), коммерческими организациями (6 %). Только 12 % принимали участие в гражданско-социальных неформальных практиках, организованных отдельными гражданами, 9 % — лично студентами. Сущность неформальных гражданско-социальных практик вне вуза имеет свой характер: здесь студенты редко получают какое-либо материальное вознаграждение, они чаще участвуют из внутренних побуждений.

Примерно 32 % студентов вообще не принимали участия в гражданско-социальных практиках. Причины отмечаются различные: нет времени — 25 %, нет желания — 21 %, не верят в эффективность таких мероприятий — 7 %, не доверяют общественным организациям — 4 %. Отметим, что 9 % не знают, где и как принять участие в гражданско-социальных практиках, их можно рассматривать как на потенциальных участников.

Таким образом, участие студентов Ростовской области в гражданско-социальных практиках в значительной степени зависит от различий в их ментальных программах социального поведения в гражданской сфере.

Список литературы

1. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 2. С. 44—59.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2003. 525 с.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
4. Магранов А. С., Понеделков А. В., Филоненко В. И. Общественно-политическая активность студентов вузов Ростовской области // Власть. 2017. № 6. С. 24—32.

5. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А. В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017.
6. Мосиенко О. С., Штомпель Л. А., Завгородняя Ю. Э., Понеделков А. В. Студенческое самоуправление в современном российском вузе: тенденции развития // Власть. 2017. № 11. С. 61—69.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
8. Портрет студентов Южного федерального университета. Исследование № 4: коллективная монография / отв. ред. Я. А. Асланов. Ростов-на-Дону: Графити, 2019.
9. Kelly G. A. (1966) A brief introduction to personal construct theory. *Perspectives in personal construct theory*. New York, NY: Academic Press.

Н. С. Байша

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ПАМЯТЬ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*БАЙША Наталья Сергеевна — студентка 1 курса магистратуры направления подготовки «Социология», Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: baishanatalia@mail.ru*

Аннотация. Для сохранения социальной и исторической памяти необходимо осуществлять мониторинг общественного мнения, особенно мнения современной молодежи, которая более склонна, как показывает практика, к активному переосмыслению и переоценке исторического опыта. На наш взгляд, именно этим положением объясняется значимость проведенного качественного социологического исследования, которое было нацелено на выявление особенностей восприятия молодыми людьми исторических событий и практик их участия в мероприятиях, направленных на сохранение исторической и социальной памяти российского общества. В статье приводится недавно произошедший случай, свидетельствующий о проявлении антипатриотических настроений и осуществлении антигуманных практик со стороны некоторой части молодежи, очевидно, игнорирующей историческое прошлое страны. По результатам исследования, проведенного автором статьи весной 2020 г. среди представителей студенчества Волгограда, были выявлены неоднозначные мнения информантов по поводу восприятия современной молодежью событий Великой Отечественной войны, а также по поводу причин их невысокой заинтересованности к историческому прошлому страны.

Автор работы приходит к выводу, что в условиях временной самоизоляции и активного участия молодежи в виртуальном информационном пространстве, в котором всегда есть место историческим фальсификациям, историческое сознание молодых людей особым образом нуждается в получении достоверной информации о тех или иных исторических событиях.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, социальная память, студенческая молодежь, Великая Отечественная война, патриотизм, патриотическое воспитание молодежи, глубинное интервью

Социальная и историческая память неразрывно связаны друг с другом, анализ прошлого социального опыта позволяет обществу двигаться вперед и не допускать известных ошибок на пути своего развития, стремиться к выражению «процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [Тощенко, 2000: 5]. Даже в условиях распространения коронавирусной инфекции в мире и, в частности, в России общество переживает, казалось бы, новый, уникальный социальный опыт осуществления деятельности в непривычной самоизолированной повседневности. Однако если вспомнить события прошлого, настоящая ситуация начинает выстраиваться по-другому, с возможными альтернативными моделями поведения, способствующими противостоянию распространения инфекции и более успешной интеграции людей в новый режим жизни.

Несмотря на отмеченное вполне общепризнанное обоснование необходимости в сохранении исторической и социальной памяти, как показывает практика, представители различных социальных групп не всегда благоприятно настроены к принятию прошлого опыта, скорее, наоборот, выражают активное желание не считаться с ним и игнорировать имеющийся у человечества арсенал знаний. Тому подтверждение недавно произошедший случай: во время онлайн-шествия «Бессмертного полка», состоявшегося к 75-летию Великой Победы, участники и модераторы мероприятия обратили внимание на изображения нацистских преступников, которые были выставлены пользователями шествия в количестве 20 тысяч анкет с фотографиями: «на сайт их поступало так много, что потрудиться пришлось и волонтерам, и автоматическим программам: просматривали буквально всем миром»². В связи с отмеченным случаем и пониманием того, что процесс переосмысления исторических событий происходит прежде всего в среде молодых людей, которые воспитываются в государстве, где «самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству — эти ценности и сегодня являются

² «Мы пошутили»: кто поставил портрет Гитлера на сайте «Бессмертного полка» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200516/1571557691.html> (дата обращения: 26.06.2020).

для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счету, во многом держится суверенитет нашей страны»³, появляется необходимость обратить внимание на особенности восприятия некоторых исторических событий современной молодежью.

По результатам глубинного интервью, проведенного в 2020 г. среди студентов волгоградских университетов [Социологическое исследование, 2020], было выявлено, что молодые люди, по мнению части информантов, не воспринимают всерьез великие подвиги и, вероятно, не готовы самостоятельно совершать героические поступки для обеспечения безопасности государства по причине отсутствия необходимости в привлечении большого количества людей для защиты Отечества (из-за развитого военно-промышленного комплекса) или по причине низкой заинтересованности в историческом прошлом страны в связи с «навязыванием» патриотических настроений: «По моему мнению, современная молодежь становится все более безразличной ко Второй мировой войне и Великой Отечественной войне... Нынешнее поколение понимает, что жизнь без войн и милитаризации — это прекрасно... Я думаю, что масштабных конфликтов уже не будет, здесь велика роль ядерного оружия как сдерживающего фактора и современного тренда глобализации. Защитить свою страну могут все, только такой возможности из-за внедрения мощного оружия уже, думаю, не будет» (М., 20 лет); «Я придерживаюсь мнения, что молодые люди устают думать о войне из-за навязанного им патриотизма, о котором без конца все говорят отовсюду, но при этом говорят только о Великой Отечественной войне, но в XX веке было много вооруженных конфликтов, в которых сражались наши соотечественники... Тут важно понимать, что я никак не преуменьшаю значимость Победы, я говорю о несправедливости по отношению к другим подвигам, которые забываются» (Ж., 19 лет).

Вместе с тем мнения информантов по этому поводу оказались далеко неоднозначными. Другая часть опрошенных полагает, что «устать» думать о военных действиях и трагических событиях, происходивших на территории нашей страны, невозможно, поскольку «молодежь помнит и уважительно относится к истории своего государства, к великим подвигам и трагедиям, но умеренно, не размахивая флагами и не призывая к чему-либо» (М., 19 лет); «Я считаю, что в обыденной жизни мало кто вспоминает об истории нашего государства. Но как только речь заходит,

³ Путин В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 26.06.2020).

к примеру, о войне, то каждый в разной степени, но переживает эту картину. В любом случае равнодушные к истории страны если и есть, то их очень мало» (Ж., 20 лет).

Отмеченный случай, произошедший во время онлайн-шествия «Бессмертного полка», позволяет нам затронуть тему о практиках участия информантов в мероприятиях, приуроченных ко Дню Победы. В числе основных ответов участников интервью: посещение мест боевой славы, участие в «Бессмертном полку», возложение цветов на местный мемориал. Среди информантов также было неоднократно представлено мнение о том, что вышеназванные мероприятия имеют мало общего с искренним желанием сопереживать участникам войны, вспоминать весь пережитый ими страшный жизненный опыт: «Я отношу себя к тем людям, которые не считают данный день праздником, и весь официоз, который обычно бывает 9 мая мне кажется лишним. Во-первых, это день памяти, хотя я не считаю, что память о войне должна в нас присутствовать только в один день в году, а во-вторых, я не считаю целесообразным празднование данной даты, так как это и не наш праздник и не заслуга нынешнего современного поколения, которое не знает по-настоящему, что такое война» (Ж., 22 года). Несмотря на чувства гордости, благодарности и радости, которые у части информантов вызывает День Победы, многие все же выражают смешанные чувства по этому поводу, рассматривая военное прошлое нашей страны в качестве «бессмысленного акта насилия из-за того, что узкий круг людей не смог между собой договориться, а расплачиваются за это другие» (М., 21 год) или как «больную тему для нашего психически нездорового государства, которую надо забыть и вылечить. Ведь потеря миллионов граждан — это ужаснейший удар по стране» (М., 19 лет).

Исходя из представленных результатов качественного социологического исследования, можно предположить, что в связи с неустойчивостью оценок и мнений информантов по поводу специфики восприятия современной молодежью исторических событий и осуществления ей и самими информантами социальных практик, направленных на сохранение социальной памяти, историческое сознание участников интервью — представителей студенческой молодежи — особенно нуждается в усвоении достоверного знания и в поиске исторической правды в условиях бесконечных исторических баталий, активизировавшихся в виртуальной среде в период временной всеобщей самоизоляции. Наряду с этим отмеченная некоторыми информантами «усталость» от навязываемого патриотизма и упомянутый чуть выше случай, связанный с проявлением

антипатриотического настроения во время онлайн-шествия, подталкивают нас к необходимости дальнейшего изучения «барьеров», препятствующих качественному воздействию различных программ и мероприятий по патриотическому воспитанию и по сохранению исторической памяти на историческое сознание молодежи и укрепление социальной памяти российского общества.

Список литературы

1. Социологическое исследование на тему: «О системе ценностей молодых людей, в частности, о патриотизме», проведенное в марте 2020 г. на территории г. Волгоград. Метод — глубинное интервью ($N = 25$). Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. Волгоград, 2020.
2. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3—15.

М. А. Федосеева, Е. П. Мясина

ВРЕД БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ОРЛОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ФЕДОСЕЕВА Маргарита Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НОЦ «Теоретическая и прикладная социология», Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия

E-MAIL: fedoseevama@mail.ru

МЯСИНА Елена Петровна — кандидат социологических наук доцент кафедры социальных наук и этнонациональных процессов, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия

E-MAIL: e.myasina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются данные анкетного опроса студентов орловских вузов, проведенного весной 2020 г. Рассмотрена проблема вреда благотворительной деятельности для всех участников этого процесса. Намечены пути минимизации вреда благотворительности посредством использования мирового и российского опыта филантропии.

Ключевые слова: благотворительность, вред, благополучатель, донор, студенты, мошенничество, иждивенчество, нерациональное использование средств, эффективный альтруизм

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках проекта «По маршрутам православной благотворительности Орловщины: из прошлого в настоящее», реализуемого при грантовой поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2019—2020» (договор № 57-1900319 от 15.02.2020 г.).

Благотворительность в России имеет непростую историю. Поступательное развитие этого вида деятельности было прервано в советский период, и лишь в 1990-е годы бескорыстная помощь ближнему вновь стала приобретать институциональные рамки. Результат деятельности благотворительного сектора России сегодня — это тысячи спасенных жизней, помощь бедным, инвалидам, сиротам и пр. Однако есть у благотворительности и другая сторона — иногда вместо пользы она приносит вред.

В данной статье анализируются результаты анкетного онлайн-опроса студенческой молодежи г. Орла, проведенного в апреле-мае 2020 г. Объем выборочной совокупности — 520 человек. Выборка многоступенчатая гнездовая.

Один из открытых вопросов анкеты нацеливал респондентов на размышление о вреде благотворительности. Половина студентов описали возникающие у них опасения; 36,7 % опрошенных затруднились с ответом; 13,6 % заявили, что благотворительная деятельность не может принести какой-либо вред.

В благотворительной деятельности участвуют две стороны: благотворители и благополучатели. Причем благополучателями являются не только отдельные физические лица или организации, но, с нашей точки зрения, и государство в целом, так как благотворительная деятельность помогает ему выполнять социальные обязательства перед обществом.

Как показало исследование, орловские студенты указали на наличие негативных последствий благотворительности как для благополучателей, так и для доноров (см. рис. 1).

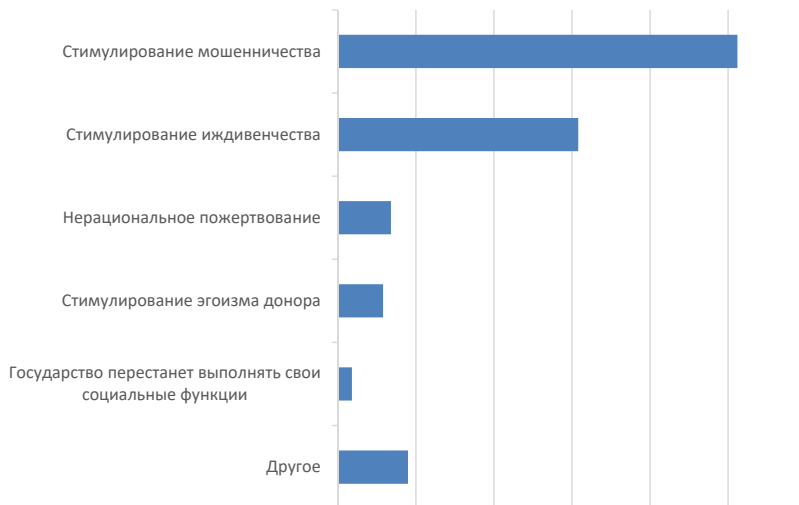

Рисунок 1. Вред от благотворительной деятельности, %

Наибольшую обеспокоенность у орловских студентов вызывает то, что благотворительность создает возможности для мошенничества.

Респонденты указали на разные виды такого мошенничества. Чаще всего они описывали самый распространенный способ обмана — сбор денег мошенниками-одиночками: *«средства пойдут не на помощь нуждающимся, а в карман злоумышленника, пользующегося добротой людей».*

Более надежный способ пожертвования — через благотворительный фонд. Однако обман возможен и со стороны фонда: *«недобросовестные фонды могут не передать деньги нуждающимся», «средства проходят много посредников и могут не дойти до цели», «сейчас существует много мошенников, которые создают „левые“ страницы и разводят людей на деньги под видом благотворительности», в результате «пожертвования попадают в фейковые компании».*

Некоторые респонденты подозревают проникновение в благотворительную среду организованной преступности, упоминая при этом широко известные примеры «крышевания» сборщиков милостыни. О связи благотворительной деятельности с преступным миром говорят и такие высказывания: *«жертвуя деньги, люди часто спонсируют мафию», «благотворительностью можно прикрыть „отмывание“ денег».*

Проблемой мошенничества в благотворительной сфере озабочены не только граждане России. Поэтому главным принципом филантропии будущего, согласно мнению мировых экспертов в этой области, станет принцип прозрачности [Будущее филантропии: ключевые тренды, 2020: 9].

Кроме спонсирования мошенников, стремящихся заработать деньги, орловские студенты видят вред благотворительности в денежной помощи людям, которые ее потратят на собственное разрушение. Благотворительностью *«могут воспользоваться люди, в действительности не имеющие таких проблем, как остальные нуждающиеся. Например, люди, страдающие алкоголизмом. Им не нужна денежная помощь, им нужна помощь медицинская», «деньги... пойдут... на покупку наркотических средств».*

Вторым по значимости видом вреда благотворительности является стимуляция иждивенческих настроений: *«иногда лучше один раз научить ребенка плавать, чем постоянно носить его на себе через реку. Чрезмерная ответственность других за окружающих может убить ответственность этих окружающих за сами себя».*

В своем желании помочь люди не всегда задумываются о последствиях своих искренних и благородных порывов: *«не желая разбираться в настоящих нехватках человека, мы даем ему то, что успокаивает только нас самих, не думая о последствиях для предмета нашего сочувствия».*

Как тут не вспомнить о подарках, привозимых в детские дома, тогда как сирота нуждается, скорее, в другом — в тепле человеческого общения и помощи в формировании социальных навыков и умений.

Рассматривая вопрос об иждивенчестве, некоторые респонденты приходят к умозаключениям, выходящим далеко за рамки благотворительности: *«Благотворительная деятельность... способствует ослаблению инициативы и только „замораживает“, а не решает проблемы»*. Подобная акцентировка подталкивает часть студентов к размышлениям о выполнении государством своих социальных обязательств.

Власти, с точки зрения ряда опрошенных, заинтересованы в наличии широко развитой благотворительности: *«государство будет везде пропагандировать благотворительность, потому что ему это будет выгодно»*. Однако это влечет за собой очередной вред благотворительности: *«государство совсем забыло помогать больным людям с дорогостоящими операциями. Оно стало считать, что простой народ, и без того сводящий концы с концами, должен тянуть это на себе»*.

Благотворительность может причинить вред и донору. Она позволяет некоторым людям удовлетворять свои эгоистические потребности: *«иногда подобные благотворительные акции проводятся только для публики, для славы», «вред приносят люди и организации, которые специально оказывают благотворительность ради пиара, хайпа»*. Своеобразный вывод относительно сказанного выше содержится в следующем высказывании: *«Благотворитель может навредить себе, если не будет правильного отношения к тому, что он делает»*.

Небольшая часть респондентов, говоря о вреде благотворительности, невольно выходит на обсуждение темы «эффективного альтруизма» [Сингер, 2018]. Адепты «эффективного альтруизма» убеждены, что благотворительная деятельность человека должна быть рациональной и строго просчитанной. Надо тщательно выбирать сферу благотворительности, стараться направлять свои ресурсы и силы туда, где ощущается острый дефицит, а не туда, где ресурсы уже имеются: только так от благотворительности можно получить наибольший эффект.

Взгляды, в определенной мере близкие к «эффективному альтруизму», выражают многие западные эксперты, предполагающие, что один из основных трендов будущего — распространение доказательной филантропии, в основе которой лежат «не эмоции, личный опыт и интуиция, а анализ данных» [Будущее филантропии: ключевые тренды, 2020: 22]. Схожую позицию демонстрируют и российские профессионалы: «сегодня

уже недостаточно обеспечить просто целевое использование средств, важно еще, чтобы они использовались максимально эффективно»⁴.

Жизненная практика российской благотворительности свидетельствует о том, что большинство людей помогают нуждающимся под воздействием эмоций, а не разума. Это нередко приводит к негативным последствиям: *«благотворительность не приносит пользу (например, пожертвование туда, где и так это есть)»; «помощь не тому»* или *«не туда пожертвовано»*; пожертвование использовано *«не на важное действие»*. Завершить рассмотрение высказываний сторонников «эффективного альтруизма» хочется фразой одного респондента: *«прежде чем помочь кому-то, я думаю: а нужна ли ему действительно ЭТА помощь?»*.

Итак, благотворительная деятельность при несомненной ее важности и полезности может приводить к негативным социальным последствиям, которые, однако, можно эффективно преодолевать, используя опыт как мировой, так и российской филантропии.

Список литературы

1. Будущее филантропии: ключевые тренды. Метаанализ прогнозов. М. : ДПК Пресс, 2020.
2. Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти. Как покончить с бедностью во всем мире. М. : Такие дела, 2018.

⁴ Какие правила игры государство предложило благотворительному сектору. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/18/825584-pravila-igri> (дата обращения: 28.06.2020).

Счастье и субъективное благополучие в России

В. Л. Римский

СВЯЗИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*РИМСКИЙ Владимир Львович — ведущий научный сотрудник, Фонд развития исследовательских программ «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), Москва, Россия; старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия
E-MAIL: rim@indem.ru*

Аннотация. Социологический анализ принципов и критериев справедливости, которые российские граждане применяют в различных жизненных ситуациях, показал определенное расхождение с декларируемыми общими, универсальными пониманиями и смыслами справедливости. Для обоснований справедливости в разных режимах российские граждане используют в первую очередь соображения заслуг перед государством, соблюдение норм морали и нравственности, честность, совестливость, а также соблюдение законности, прав и свобод человека и гражданина. Многие из этих и иных обоснований справедливости в разных жизненных ситуациях явно или неявно включали обеспечение благополучия, стабильность и комфортность жизни граждан. Но исследование показало, что договариваться о справедливости российские граждане не умеют, это у них получается редко. По этим причинам они живут с постоянными и связанными друг с другом ощущениями несправедливости и неблагополучия в своей повседневности.

Ключевые слова: справедливость, несправедливость, режимы вовлеченности в обоснования справедливости, общее благо, благополучие, повседневность, социальные практики

Благодарность: Исследовательский проект № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и ее обеспечение со стороны государства», некоторые результаты которого представлены ниже, был осуществлен в 2019 г. при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

Принципы и критерии справедливости и несправедливости, применяемые российскими гражданами в оценивании конкретных жизненных случаев, пока изучены недостаточно. Но справедливость весьма значима в их жизни, по ее принципам и критериям они постоянно оценивают и собственные, и чужие социальные практики.

На изучение применяемых гражданами принципов и критериев справедливости и несправедливости было направлено социологическое исследование 2019 г. Полевые работы в нем были выполнены ЦЕССИ, а в качестве методик применялись настольный, телефонный опрос, фокус-группы и личные когнитивные интервью с гражданами. Методология этого исследования была основана на теории миров справедливости Болтански и Тевено [Болтански, Тевено, 2013], а также концепции режимов вовлеченности в обоснования справедливости Тевено [Тевено, 2006; Thévenot, 2006]. На основе этой методологии были разработаны новые методы изучения справедливости через описание и последующий анализ случаев в жизни граждан, в которых они обосновывали справедливость или несправедливость происходящего.

В проведенном исследовании установлено, что в сознании российских граждан смыслы и понимание справедливости прямо или косвенно соотносятся со смыслами и пониманием благополучия. В частности, справедливость ими связывается со стабильностью и комфортностью жизни, с соблюдением норм законов, прав и свобод человека, морали и нравственности, с честностью и обеспечением «правильности» в жизни.

В исследовании были подтверждены различия обоснований справедливости в разных режимах вовлеченности (по Лорану Тевено). В режиме близости, в семейном кругу никаких обоснований справедливости не требуется, нужно чувствовать друг друга и поступать по справедливости. Таковы семьи, в которых российские граждане чаще всего ощущают себя благополучными. Но участники исследования признавались, что таких благополучных семей немного, в частности потому что сложно постоянно поступать справедливо только на основе взаимных чувств супругов. А когда супругам приходится рационально обосновывать справедливость, семьи испытывают трудности во взаимоотношениях, нередко распадаются.

Рациональный, или плановый, режим обоснования справедливости применяется, когда нет надежды на восстановление близких отношений, а также с незнакомыми людьми, с должностными лицами и представителями бизнеса. Это ситуации дискомфортные, обоснования справедливости в них обычно требуют существенных усилий и не часто приводят

к желаемым результатам. Ведь в этом режиме принципы и критерии справедливости у сторон взаимодействий чаще всего различаются и сложно согласовываются.

Режим публичных обоснований справедливости необходим в публичных обсуждениях общественно значимых ситуаций и конфликтов. В этом режиме можно пытаться согласовать принципы и критерии справедливости не только на уровне рациональности, но и на уровне общего блага для всех участников публичных обсуждений. Но участники исследования постоянно высказывали суждения о том, что принципы и критерии справедливости у каждого индивида свои собственные, определяемые его социализацией, семейным и иным воспитанием. Поэтому согласования принципов и критериев справедливости и на уровне рациональных аргументов, и на уровне общего блага затруднены.

Участники исследования в публичных обсуждениях справедливости и несправедливости, проведенных на фокус-группах, нередко старались обосновывать свои принципы и критерии справедливости обеспечением благ, значимых для российского государства и общества, для его социальных групп. Но в большинстве случаев участникам исследования такие блага находить не удавалось, и тогда дискуссии на фокус-группах не складывались. Их участники в таких случаях нередко даже не старались понять позиции друг друга, а потому им не удавалось приходиться к согласию по принципам и критериям справедливости и несправедливости в обсуждавшихся ситуациях. Другой постоянной причиной неудач дискуссий о справедливости на фокус-группах были уходы их участников от обсуждения ее аспектов. Они, напротив, заинтересованно вели обсуждение содержательных аспектов, не связанных со справедливостью.

В этом проявилась закономерность, установленная в проведенном исследовании: российские граждане редко участвуют в тех или иных публичных обсуждениях проблем и конфликтов, а если и участвуют, то почти никогда не обсуждают в них аспекты справедливости и несправедливости. В результате они редко оценивают как справедливые те решения проблем и конфликтов, которые предлагают им органы власти, частный бизнес или иные социальные субъекты.

Проведенное исследование показало, что в публичных обсуждениях общественно значимых ситуаций и проблем россияне крайне редко оказываются способными рационально обосновать справедливость, как они ее понимают, другим участникам дискуссий. Столь же редко российские граждане приходят к согласию о справедливости в таких

ситуациях и конфликтах на основе признаний тех или иных общих благ для всех их участников. Эти факторы существенно определяют постоянно описываемое участниками исследования ощущение несправедливости их повседневности. И это усиливает у российских граждан ощущение неблагополучия их повседневности, поскольку в их сознании связаны понимания справедливости и благополучия в жизни.

Список литературы

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. № 77. 2006. С. 285—313.
3. Thévenot L. (2006) L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement. Paris: Éditions La Découverte.

И. В. Троцук

МЫ СЧАСТЛИВЫ, БЛАГОПОЛУЧНЫ ИЛИ ПРИТВОРЯЕМСЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА МЕТОДИЧЕСКУЮ РЕФЛЕКСИЮ

ТРОЦУК Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: irina.trotsuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2279-3588

Аннотация. За свою относительно недолгую историю социологическое сообщество привыкло к тому, что результаты опросов общественного мнения постоянно оказываются в центре медийной критики и (около)научных дискуссий, когда затрагивают вопросы электорального поведения или политической повестки дня. В последние годы «рядом» с этой проблематикой стала выкристаллизовываться новая мишень для упреков социологов в политической ангажированности или непрофессионализме — позитивные оценки населением своей жизни (в терминах благополучия и счастья) на фоне объективно не самых радужных социально-экономических и политически-правовых реалий. В отличие от представителей более публицистически и метафорически свободных дисциплин, социологи жестче скованы требованиями научного метода, поэтому подобные упреки требуют двойственной ответной реакции: с одной стороны, внутридисциплинарной проработки методологических ограничений используемых опросных инструментов; с другой стороны, публичного обсуждения этих ограничений — не с самоуничижительными, а с просвещенческими целями. Вторая из обозначенных задач намечена в статье лишь пунктирно, акцент сделан на решении первой задачи: показано, что понятие счастья, не обладающее четким и однозначным концептуальным и операциональным определением, в исследованиях благополучия оказывается эмпирическим «индикатором» его «субъективного» аспекта и в целом социология тяготеет к анализу лишь «субъективного благополучия», пусть и разумно признавая свои дисциплинарные ограничения.

Ключевые слова: счастье, субъективные показатели, объективные показатели, субъективное благополучие, объективное благополучие, концептуальное определение, операциональное определение, опросы общественного мнения, методические возможности и ограничения

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Поразительный интерес средств массовой информации к опросам общественного мнения в последние годы объясняется сосредоточенностью на электорально-политической проблематике (все чаще за пределами научного сообщества звучат понятия легитимности, социальной солидарности, гражданской активности и пр.), однако нередко в фокусе медийных дискуссий оказываются и иные вопросы, искусно включенные и в доминирующую плебисцитную повестку. В частности, задаются риторические для журналистов, но важные для социологов с методологической точки зрения вопросы, почему на фоне объективно «нехороших» экономических показателей (уровень жизни) россияне высказывают удивительно «хорошие» оценки собственной жизни: даже в условиях пандемийно-карантинных ограничений свыше 80 % назвали себя счастливыми в той или иной степени¹).

В отличие от политиков, журналистов и литераторов, социологи не имеют права увлекаться пространными рассуждениями о том, что такое счастье, опираясь на многочисленные цитаты из художественной литературы и сочинений классиков философской мысли, потому что мы работаем с эмпирическими индикаторами и операциональными определениями счастья, которые и лежат в основе опросов общественного мнения. В то же время, в отличие от экономистов, у социологов нет столь же универсальных и однозначных инструментов и критериев оценки социальных феноменов. Речь идет не о традиционном противостоянии качественного и количественного подходов, а о необходимости уточнения, что именно мы «измеряем», когда делаем далеко идущие выводы о счастливости/благополучии респондентов.

Здесь кроется серьезная проблема, которая и порождает саму возможность манипулировать результатами опросов общественного мнения, искусно вплетая их в противоречивые интерпретации социальных реалий. Во-первых, оформилось два взаимосвязанных, но основанных на разных дисциплинарных трактовках и методиках подхода к эмпирическому изучению счастья — «объективистский» эконометрический («экономика счастья», или индексы счастья — разные сочетания социально-экономических

¹ Индекс счастья на фоне коронавируса // ВЦИОМ. 23.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10249> (дата обращения: 25.06.2020).

показателей, таких как ВВП на душу населения, уровень безработицы, образования, бедности и т. д., которые применяются в том числе для ранжирования стран по степени счастья их населения) и «субъективистский» («карта счастья», или социально-психологические методики выявления самооценок в терминах счастья, таких как удовлетворенность жизнью, степень одиночества, уровень тревожности и т. д., которые не всегда сопоставляются с объективными социально-экономическими показателями хотя бы потому, что обретение счастья часто позиционируется массовой культурой либо как недостижимый идеал, либо, напротив, как личная забота, ответственность и даже обязанность) (см. подробнее: [Троцук, Гребнева, 2019]). Разведение двух подходов весьма условно, потому что продуманные исследования в рамках каждого из них стремятся сочетать объективные и субъективные показатели (различие лишь в том, какие именно выступают контекстом, а не основанием для интерпретации). Кроме того, следует помнить о давлении социальной желательности, которое оказывает смещающее воздействие на обе группы показателей: следуя социально одобряемой «норме», люди склонны завышать и свое материальное положение, и уровень счастья. Иными словами, даже в исследованиях счастья социологи вынуждены идти на ряд концептуальных и методических компромиссов, потому что иначе эмпирическое изучение/«измерение» счастья будет просто невозможно.

Во-вторых, социологические исследования счастья — вещь достаточно редкая, значительно чаще речь идет о благополучии (в аналитических отчетах) и уровне/качестве жизни (в программе исследования). Получается, что в изучении благополучия акцент делается либо на «субъективном» параметре — счастье (как таковом или как наборе самооценок разных аспектов собственной жизни и/или социально-экономических, политических и социокультурных реалий), либо на «объективном» — уровне/качестве жизни (в социологических исследованиях экономические показатели типа ВВП, рыночного производства и потребления, доходов и структуры расходов сменились «объективными» характеристиками работы, досуга, здоровья и социального окружения (см., например, [Беляева 2009; Латова 2016; Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016])). Таким образом, весь багаж нерешенных проблем своего однозначного концептуального и операционального определения «счастье» привносит в эмпирические исследования благополучия.

В-третьих, поскольку социология — это изучение социального взаимодействия как основанного на коллективных представлениях, то она

тяготеет к субъективному полюсу измерения благополучия уже хотя бы потому, что не располагает инструментами математико-статистической оценки его объективных факторов (продолжительности жизни, уровня преступности, безработицы, бедности, смертности и пр. (см., напр.: Карабчук, Сальникова, 2016; Климова, Чмель, 2020)). Социологи используют в опросах «объективные» показатели, которые считаются более соответствующими реальной жизненной ситуации, чем обобщенные статистические данные (например, важно не только наличие жилья, но и его размер, степень комфортности, безопасности и достаточности для отдыха, создания семьи и пр.), но все же мы больше сосредоточены на субъективных показателях благополучия (оценки принадлежности к общности, безопасности, счастья, семейных отношений, профессии и работы, распределительной справедливости, системы социальной дифференциации и т.д.) (см., например, Helliwell et al., 2020)². В результате все чаще в публикациях, даже в их названиях, упоминаются как бы два разных феномена — «благополучие объективное» и «благополучие субъективное», и одним из эмпирических «индикаторов» второго часто выступает счастье.

Получается, что не только в рамках политико-электоральной проблематики социологи провоцируют критику результатов опросов общественного мнения. Прекрасно звучащие в формате аналитической метафорики утверждения о счастливости и благополучии россиян, с одной стороны, соответствуют обыденным трактовкам обоих понятий (довлеющие социальные и психологические нормативы просто вынуждают человека считать себя более или менее счастливым/благополучным, если в его жизни нет социально предустановленных «несчастий»), но, с другой стороны, лежащие в основе этих утверждений понятия счастья и благополучия, будучи размыты на уровне эмпирических индикаторов, не могут не сопоставляться политологами, экономистами и журналистами с неутешительными социально-экономическими реалиями, в контексте которых феноменально высокие показатели субъективного благополучия/счастливости россиян не могут не вызывать вопросов.

Безусловно, это не означает, что социологам следует отказаться от используемых обыденных понятий или интересных, но сложно концептуализируемых исследовательских тематик. Однако нам нужна большая откры-

² См. также: Счастье личное, гражданское, общечеловеческое: опрос сообщества ОГФ. 12.12.2018 // URL: <https://www.levada.ru/2018/12/12/cchaste-lichnoe-grazhdanskoe-obshhechelovecheskoe-opros-soobshhestva-ogf> (дата обращения: 30.03.2020).

тость — необходимо не только объяснять общественности нюансы нашей методической работы, но и системно информировать ее о возможностях и ограничениях социологии в принципе, признаваясь самим себе, что далеко не все наши исследовательские инструменты так универсальны и надежны, как нам хотелось бы думать. Речь идет именно о системном просвещении, поскольку отдельные неустранимые методические ограничения давно признали все представители социальных наук, например, что «одна и та же подборка индивидуальных благ может совмещаться с совершенно разными общими социальными картинками, с разными социальными устройствами, возможностями, свободами» [Сен, 2016: 362], поэтому «большинство людей хотят иметь более высокий доход и борются за это, но по мере того как... делаются богаче... не становятся счастливее» [Лэйрд, 2012: 15].

Список литературы

1. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33—42.
2. Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 3—14.
3. Климова А. М., Чмель К. Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 143—176.
4. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37.
5. Лэйрд Р. Счастье. Уроки новой науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
6. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
7. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла // Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
8. Троцук И. В., Гребнева В. Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7—35.

9. Helliwell J. F., Huang H., Wang Sh., Norton M. (2020) Statistical Appendix for Chapter 2 of World Happiness Report. URL: https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20_Ch2_Statistical_Appendix.pdf (дата обращения: 24.04.2020).

Р.А. Захаркин

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК КРИЗИСНОЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

ЗАХАРКИН Роман Александрович — кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-MAIL: rom_zah@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема наличия кризиса в России и ставится вопрос, насколько российское общество можно считать кризисным. Делается предположение, что основным фактором, определяющим статус социума как кризисного, является не наличие кризиса в нем как такового или наличие кризисных тенденций, а прежде всего восприятие социальной реальности членами этого социума как кризисной. То есть восприятие социальной реальности — доминирующее обстоятельство определения общества как кризисного. Многие исследователи фиксируют наличие кризиса в России, считая, что он автоматически должен влиять на позицию людей. Но так ли это? Необходимо понять отношение людей к вопросу наличия кризиса в российском обществе и определить их восприятие социальной реальности. Представлены результаты исследования, проведенного в конце 2019 г.— начале 2020 г. в Приморском крае. Исследование проводилось до вспышки коронавирусной инфекции в России, поэтому в нем представлено мнение людей без фактора пандемии, усиливающего, как нам представляется, негативное восприятие социальной реальности. С помощью количественного опроса были получены ответы по следующим направлениям: восприятие современного российского общества как кризисного, определение типа кризиса, степень тяжести кризиса, возможность и степень вероятности преодоления кризиса Россией, факторы, помогающие или мешающие преодолению кризиса. Результаты исследования актуальны и на нынешнем этапе развития нашего общества, так как можно предположить, что режим самоизоляции только усилил тенденции, зафиксированные в нашем исследовании.

Ключевые слова: социальная реальность, кризис, кризисная социальная реальность, кризисное общество, кризисные тенденции, Россия, Приморский край, Ю. Хабермас

Наличие кризиса в России фиксируется многими исследователями. Например, М. К. Горшков считает, что Россия находится к кризисе после событий 2014 г., причем это прежде всего экономический кризис, связанный как с санкционной политикой отдельных государств, так и с общим внешним экономическим давлением [Горшков, 2016, 2017]. К таким же выводам приходят П. М. Козырева и А. И. Смирнов [Козырева, Смирнов, 2018], которые провели анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE)» в период с 2008 по 2016 г. Кризисным российское общество считают и Ю. А. Зубок и В. И. Чупров [Зубок, Чупров, 2017], отталкиваясь, опять же, от ситуации 2014 г., с ними согласны и другие исследователи.

Большинство исследователей представляют кризис как определенный феномен, существующий в рамках общества и оказывающий влияние на индивидов, через что он этими индивидами и осознается, и общество начинает восприниматься ими как кризисное. Но что если на первое место поставить восприятие индивидами социальной реальности и предположить, что кризисное общество — это то общество, в котором его члены начинают воспринимать социальную реальность как кризисную? Неважно, нет ли вообще никакого кризиса — появились только кризисные тенденции или уже развился полноценный кризис, главное, что индивиды воспринимают ситуацию в обществе как кризисную.

Подобную проблему ставил и Ю. Хабермас, рассуждая о кризисах в обществе. «Но как же нам тогда отличать кризисную идеологию от реального кризисного состояния, если социальные кризисы можно связать исключительно с феноменами сознания?» [Хабермас, 2010: 54]. Поэтому можно предположить, что определение кризисности общества лежит в плоскости восприятия членами этого социума социальной реальности. Если в рамках своего существования член общества в своем восприятии социальной реальности считает, что кризис есть, значит можно говорить о том, что для него этот социум кризисный.

Для того чтобы определить, воспринимают ли члены нашего общества социальную реальность как кризисную, было проведено социологическое исследование в форме анкетирования. Респондентами стали жители Владивостока и Приморского края обоих полов в возрасте от 15 лет до 50 и старше. Выборка квотная, репрезентативная по полу и месту проживания респондентов, $N = 322$ человека. Построение выборки обусловлено задачей исследователей сформировать стратифицированный отбор исследуемых единиц, репрезентирующий структуру генеральной совокуп-

ности. Помимо пола и возраста учитывалось материальное положение респондентов, которое определялось уровнем дохода отвечающего.

Гипотеза исследования: социальную реальность люди в большей своей массе интерпретируют как кризисную, что является показателем существования кризиса в российском обществе. Цель исследования — определить отношение респондентов к социальной реальности в части ее кризисности, попробовать определить в случае констатации наличия кризиса его характеристики и возможности для преодоления. Необходимо уточнить, что исследование проводилось в конце 2019 — начале 2020 г. до начала развития пандемии коронавируса, и в исследовании нет маркеров влияния на членов нашего общества последствий введения режима самоизоляции.

Исследование показало, что большинство опрошенных, а именно 72%, считают, что Россия на данный момент существует в условиях кризиса. При этом необходимо отметить, что во всех категориях вне зависимости от уровня доходов респондентов (и с высоким уровнем дохода, и с низким) большинство отметило наличие кризиса. То есть эта проблема касается людей с разным уровнем дохода, а не является исключительно типичной для респондентов, имеющих низкий уровень благосостояния. Также можно отметить, что ощущение наличия кризиса затрагивает все возрастные группы, т. е. кризисное восприятие социальной реальности не локализуется в рамках каких-то отдельных социальных групп, а имеет широкомасштабный характер, охватывающий широкие слои населения.

Для респондентов прежде всего это политический кризис, и во вторую очередь — экономический. Ответы на открытые вопросы показали, что опрашиваемых беспокоят проблемы в экономике страны, падение уровня жизни, рост цен и налогов и т. д., и вследствие этого неясность перспектив на будущее. На первый взгляд — противоречие, на первом месте должен стоять экономический кризис. Но нам кажется, что противоречия нет, так как народ ждет от власти, что она сможет найти выход из той негативной экономической ситуации, которая доминирует на данный момент, и найти решения для преодоления этих экономических проблем.

В той социальной реальности, представления о которой доминируют в сознании респондентов, участвовавших в исследовании, у страны серьезные экономические проблемы, которые очень сильно влияют то, как они видят свое будущее. И в рамках этой социальной реальности респонденты на политическую систему перекладывают все бремя ответственности, считая, что она не справляется со своими обязанностями.

По мнению респондентов, кризис носит преимущественно «тяжелый» и «средний» характер. То есть мы можем отметить, что для большинства ответивших кризис воспринимается как значительная проблема, которая может быть решена только с принятием определенных серьезных мер. Также необходимо отметить, что почти половина опрошенных считают, что Россия сможет преодолеть кризис, еще 42% ответили «не знаю». Можно констатировать, что нет однозначного доминирования пессимистичного взгляда на будущее страны, хотя, конечно, многие пока не могут четко сформулировать свою позицию по этому вопросу. Но в этом случае надо указать, что респонденты возможные положительные изменения связывают с решением проблем на уровне власти: 59% ответивших высказали мнение, что Россия сможет преодолеть кризис, если произойдет «смена власти, управления». Пессимисты также ключевым камнем преткновения на пути преодоления Россией кризиса видят «состояние политической системы, власти» (52%).

Мы можем прийти к выводу, что наша гипотеза подтвердилась: большинством респондентов актуальная социальная реальность воспринимается как кризисная в независимости от возраста и благосостояния. Кризис воспринимается как достаточно серьезная экономическая проблема, которую тем не менее в определенной перспективе можно решить. Ответившие ждут действий от представителей политической подсистемы социума с целью улучшения экономической ситуации в стране. И хотя исследования проводилось до активной фазы распространения коронавируса в России, но его результаты определенно не потеряли актуальность, так как в связи с ухудшающейся экономической обстановкой люди ждут от власти более решительных шагов по решению проблем, порожденных как экономическим кризисом довирусного периода, так и последствиями введения режима самоизоляции.

Список литературы

1. Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1) // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 26—34.
2. Горшков М. К. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 24—43.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 41—57.

4. Козырева П.М, Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66—78.

5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010.

Социология семьи и брака**О. Ю. Колесниченко, Е. Ю. Васильева,
О. В. Стрелкова, А. В. Левадная****ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ЖЕНЩИН ГРУДНОМУ ВСКАРМЛИВАНИЮ
В ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Юрьевна — кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Институт социальных наук Первого МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

E-MAIL: oykolesnichenko@list.ru

ORCID: 0000-0002-4523-6485

ВАСИЛЬЕВА Елена Юрьевна — бакалавр по направлению «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» Международной школы «Медицина будущего» и кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Институт социальных наук Первого МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

E-MAIL: lena.vasilyeva777@yandex.ru

ORCID:0000-0003-1311-9900

СТРЕЛКОВА Ольга Владимировна — магистр социологии по направлению «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», директор по маркетингу компании OMI (Online Market Intelligence), Москва, Россия

E-MAIL: ostrelkova@omirussia.ru

ORCID: 0000-0001-9568-9397

ЛЕВАДНАЯ Анна Викторовна — врач-неонатолог, кандидат медицинских наук, заведующая отделом нутритивных технологий Института педиатрии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. В. И. Кулакова» Минздрава России, Москва, Россия

E-MAIL: levadnaya.av@gmail.com

ORCID:0000-0001-5443-3192

Аннотация. Грудное вскармливание жизненно необходимо ребенку: оно обеспечивает ему ресурсы для развития всех тканей и органов, защиту

от инфекций, устойчивость ко многим заболеваниям и, самое главное, формирует интеллект и социализацию растущего человека. Период кормления грудью — это самая первичная социализация ребенка, происходящая на уровне получения важных физиологических компонентов материнского молока, с одной стороны, и напрямую формирующая близость с матерью, с другой стороны. Несмотря на то, что только 3% женщин мировой популяции по объективным медицинским причинам не могут кормить грудью, в России чуть более 40% женщин кормят грудью в первые шесть месяцев жизни ребенка. Повседневная семейная и социальная обстановка сильно влияет на женщину. Целью данного исследования стало выявление уровня страхов и мифов, бытующих в повседневной семейной и социальной практике в отношении кормления грудью и негативно влияющих на приверженность женщин России грудному вскармливанию. Социологическое исследование было выполнено с использованием потребительской онлайн-панели ОМІ в декабре 2019 г. Метаданные включали широкий диапазон социально-демографических характеристик респондентов (женщин и мужчин). Проведенный соцопрос показал, что в обществе, в быту повседневности, все еще живут мифы и страхи, связанные с кормлением грудью, и даже можно выявить характерный социальный портрет мам, наиболее подверженных этим страхам. Никакие усилия врачей не смогут переломить ситуацию, если окружающая социальная среда сформировала у женщины ложное представление об удобстве, значимости или вреде грудного вскармливания. Для решения подобных задач нужна адресная социальная политика, направленная на выявленные с помощью соцопроса группы и факторы риска.

Ключевые слова: грудное вскармливание, кормление грудью, онлайн-соцопрос, социальный портрет, общественное здоровье, социализация человека

Молоко матери является для ребенка источником энергии, пластического материала для развития, гормонов, факторов роста (регулирующих рост и дифференцировку тканей и органов), факторов защиты — макрофагов, Т- и В-лимфоцитов, иммуноглобулина А (обеспечивающих сопротивляемость к инфекционным заболеваниям и выносливость по отношению к неблагоприятным воздействиям внешней среды), бифидогенных факторов (формирующих среду в желудочно-кишечном тракте). Получение молока матери снижает в дальнейшем у ребенка риск появления ишеми-

ческой болезни сердца, артериальной гипертензии, сахарного диабета, ожирения, бронхиальной астмы, некоторых аллергических заболеваний, остеопороза, нарушений репродуктивной сферы и других патологий. В процессе кормления возникает взаимная глубокая эмоциональная связь матери и младенца, благоприятно влияющая на развитие его центральной нервной системы и особенно на эмоциональную сферу. При грудном вскармливании (ГВ) в 14 раз снижается риск смерти ребенка в течение первых шести месяцев жизни [Кулакова, Соловьева, Курмаева, 2014]. Суммарно материнское молоко содержит более 400 важных для жизни компонентов, совместно оказывающих влияние на последующее физическое, интеллектуальное и социальное становление человека, закладывая базовые основы здоровья на всю жизнь [Котлуков и др., 2010; Котлуков, Кузьменко, Антипова, 2011a, 2011b]. Преимущества ГВ как для ребенка, так и для матери доказаны многочисленными исследованиями [Feltner et al., 2018].

Пищевое поведение ребенка программируется с периода внутриутробного развития. В первые три месяца плод получает необходимые вещества путем гемотрофного питания (через формирующуюся плаценту). Затем к плацентарному питанию добавляется амниотрофное питание (запах и вкус амниотической жидкости, иными словами, околоплодных вод, закладывают вкусовые привычки плода). После рождения у ребенка не возникает в норме проблем с началом сосания груди матери, так как запах секрета желез ареолы груди подобен запаху околоплодных вод.

Мать тоже получает физиологическую и психологическую пользу от ГВ. Это и формирование сильной психолого-социальной связи с ребенком, и снижение риска рака груди [Котлуков, Кузьменко, Антипова, 2011b], а также профилактика послеродовой депрессии [Borra et al., 2015] и других заболеваний. С 1991 г. в мире работает программа ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку» (Baby-Friendly Hospital Initiative), которая поддерживает практику ГВ с первых дней рождения младенца в акушерских стационарах. Соблюдаются «10 шагов» успешной практики ГВ (The Ten Steps to Successful Breastfeeding)¹, включающие в том числе и меры по социальной поддержке кормящей матери.

Социальное влияние на женщину в отношении вопросов ГВ начинается задолго до родильного дома. Очевидно, это влияние оказывается на будущую кормящую мать уже с младенчества, с опыта собственного

¹ Ten steps to successful breastfeeding // WHO. 2018. URL: https://www.who.int/docs/default-source/nutritionlibrary/bfhi-poster-a2-breastfeeding.pdf?sfvrsn=bcaf8b67_2 (дата обращения: 20.08.2020).

вскармливания. Далее она впитывает опыт кормления собственной матерью сиблингов, а потом отношение к ГВ формируется в образовательных и медицинских учреждениях, на рабочем месте, в семейных отношениях с отцом ребенка и т. д. Влияние медперсонала чуть более выражено на этапе родильного дома и в женских консультациях, однако как до родов, так уже и за стенами родовспомогательных и гинекологических учреждений, на выбор женщины влияет масса социальных факторов.

Жалобы, с которыми в основном сталкиваются педиатры, связаны с проблемами отказа младенца от груди, срыгиванием, расстройствами пищеварения, плаксивостью ребенка и появлением у него нарушения режима сна и бодрствования [Кешишян, 2015]. Существуют проблемы из-за снижения объема выработки молока, обусловленные нарушением формирования психологической «лактационной доминанты» у мамы и требующие преодоления ситуационного стресса и тревожности. Несмотря на то, что только 3% женщин мировой популяции по объективным медицинским причинам не могут кормить грудью, в России чуть более 40% женщин кормят грудью в первые шесть месяцев жизни ребенка [Кулакова, Соловьева, Курмаева, 2014]. Повседневная семейная и социальная обстановка сильно влияет на женщину.

Целью данного исследования, проводимого совместно Институтом социальных наук Первого МГМУ им. И. М. Сеченова, НМИЦ акушерства, гинекологии и перинатологии им. В. И. Кулакова и компанией OMI (Online Market Intelligence), стало выявление уровня страхов и мифов, бытующих в повседневной семейной и социальной практике в отношении кормления грудью и негативно влияющих на приверженность женщин России к ГВ.

Методика. Социологическое исследование было выполнено с использованием потребительской онлайн-панели OMI в декабре 2019 г. Метаданные включали широкий диапазон социально-демографических характеристик респондентов: пол, возраст, семейное положение, занятость, область занятости, оценка материального положения, регион проживания, возраст детей. Общее количество респондентов достигло 18 тысяч 740 человек, 66% из них ответили, что имеют детей. Гендерное разделение выборки было следующим: 53% женщин и 47% мужчин. Около 50% опрошиваемых были моложе 35 лет, а 21% были в возрасте от 35 до 45 лет.

Результаты. Большинство респондентов осознают преимущества ГВ. Примерно 80% респондентов ответили, что ребенка надо кормить грудью,

91 % согласны с тем, что ГВ способствует формированию иммунитета у ребенка. Однако только половина респондентов согласны, что ребенка надо кормить грудью до двух лет, хотя многие эксперты рекомендуют кормление до двухлетнего возраста. Кроме того, также обнаружено, что часть респондентов все еще верит в мифы, связанные с ГВ. Так, до 31 % респондентов уверены, что ГВ вредит здоровью матери, а около 9 % женщин не считают, что ГВ принесет пользу иммунитету ребенка.

По результатам анализа панели метаанных соцопроса были сконструированы комплексные социальные портреты женщины, которая верит в мифы, то есть считает, что грудное молоко не способствует формированию иммунитета у ребенка (см. рис. 1), и женщины, которая опасается, что кормление грудью разрушает здоровье матери, приводя к выпадению волос, зубов и авитаминозу (см. рис. 2). Более детальное описание социальных портретов в тезисах ограничено в связи с лимитом объема текста. Данные результаты будут полезны для работы всех звеньев, задействованных в цепи поддержки успешной практики ГВ в России, тем, что они позволят сделать конкретные акценты в работе с женским населением страны, очертив группы риска, потенциально готовые отказаться от ГВ. Так, женщины с низким ежемесячным доходом и имеющие творческие профессии представляют собой группу повышенного риска нарушения лактации или отказа от ГВ.

Еще один миф, в который верит до 20 % респондентов, касается вопроса: «Согласны ли Вы, что долгое (более года) кормление грудью влияет на психологические особенности характера ребенка мужского пола, на формирование будущего мужчины, делая его менее мужественным и менее самостоятельным в дальнейшей жизни?». На 5 % больше была доля ответивших положительно среди респондентов, не имеющих детей. Больше верящих в этот миф выявлено среди тех, у кого ребенок в возрасте до 1 года (21 %), по сравнению с теми, у кого дети уже достигли 18 лет (15 %). Интересно мнение респондентов по поводу влияния кормления грудью на отношения супругов. С утверждением, что «период кормления грудью может ухудшить отношения супругов и разрушить семью» согласилось до 8 % мужчин и около 7,4 % женщин. Несмотря на мифы, в которые все еще верят респонденты, большинство из них понимает важность социальной политики и рекламы в вопросах кормления грудью. Так, до 67,5 % респондентов высказались за то, чтобы в госучреждениях, на транспорте и в магазинах были оборудованы специальные места для кормления грудью.

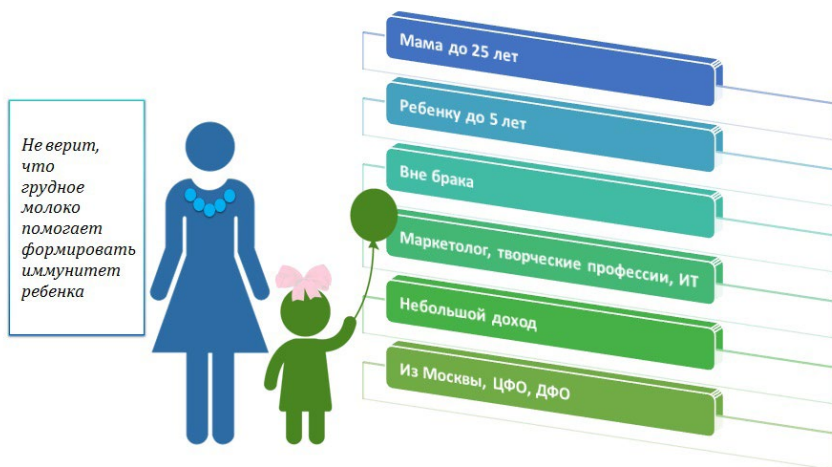

Рисунок 1. Социальный портрет мамы, которая не верит, что молоко матери помогает формировать иммунитет ребенка

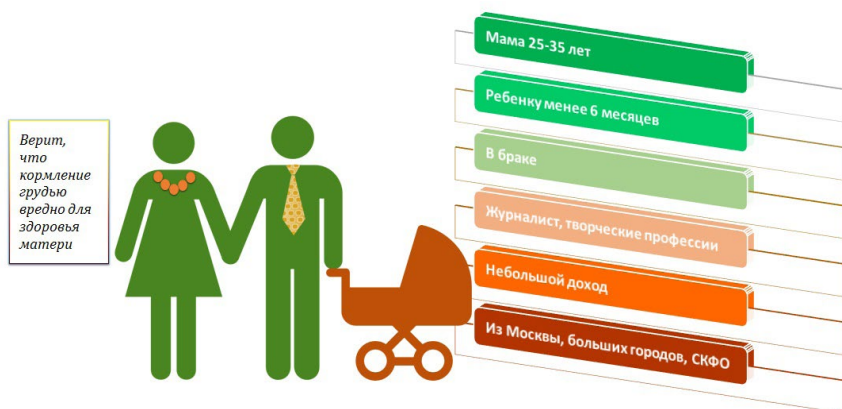

Рисунок 2. Социальный портрет мамы, которая верит, что кормление грудью разрушает здоровье матери, приводя к выпадению волос, зубов и авитаминозу

Выводы. Проведенный нами соцопрос показал, что в обществе, в быту повседневности, все еще живут мифы и страхи, связанные с ГВ, и даже можно выявить характерный социальный портрет тех женщин, которые более всего подвержены этим страхам. Никакие усилия врачей не смогут

переломить ситуацию, если окружающая социальная среда сформировала у женщины ложное представление об удобстве, значимости или вреде ГВ. В этом случае нужна адресная социальная политика, направленная на выявляемые с помощью соцопросов группы риска. Также необходимо проводить просветительскую работу среди мужчин, так как муж в семье тоже может вносить вклад в выбор женщины кормить или не кормить грудью. В целом авторы призывают сообщество социологов обратить особое внимание на период ГВ, этот самый уязвимый начальный период социализации ребенка, который служит истоком как благополучного социума, так и разных социально-психологических проблем.

Список литературы

1. Кешишян Е. С. Как сохранить грудное вскармливание в практике педиатра (обмен опытом) // Медицинский совет. 2015. № 1. С. 32—35.
2. Котлуков В. К., Кузьменко Л. Г., Антипова Н. В., Поляков М. В., Королева Л. В. Современные технологии охраны и поддержки грудного вскармливания // Педиатрия. 2010. Т. 89. № 6. С. 59—61.
3. Котлуков В. К., Кузьменко Л. Г., Антипова Н. В. Современные технологии для поддержки грудного вскармливания // Педиатрия. 2011а. Т. 90. № 5. С. 102—106.
4. Котлуков В. К., Кузьменко Л. Г., Антипова Н. В. Биологически активные компоненты нативного материнского молока: некоторые иммунологические аспекты // Педиатрия. 2011б. Т. 90. № 6. С. 55—58.
5. Кулакова Г. А., Соловьева Н. А., Курмаева Е. А. Грудное вскармливание как проблема XXI века // Вопросы современной педиатрии. 2014. Т. 13. № 3. С. 93—96.
6. Borra C., Iacovou M., Sevilla A. (2015) New Evidence on Breastfeeding and Postpartum Depression: The Importance of Understanding Women's Intentions. *Maternal and Child Health Journal*. Vol. 19. № 4. P. 897—907.
7. Feltner C., Weber R. P., Stuebe A., Grodensky C. A., Orr C., Viswanathan M. (2018) Breastfeeding Programs and Policies, Breastfeeding Uptake, and Maternal Health Outcomes in Developed Countries. *Comparative Effectiveness Review*. Rockville (MD): Agency for Healthcare Research and Quality (US). No. 210. Report No.: 18-EHC014-EF.

Л. П. Федоренко

ОБРАЗНАЯ ИГРУШКА КАК АГЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ

ФЕДОРЕНКО Людмила Петровна — кандидат социологических наук, доцент, Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет», Славянск-на-Кубани, Россия

E-MAIL: FLP2008@yandex.ru

Аннотация. При контроле качества игрушки в современной российской практике, как правило, учитывается ее безопасность для физического здоровья ребенка, но не учитывается ее социализационный потенциал. Это приводит к тому, что на прилавки попадают игрушки из безопасных материалов, но опасные для процесса формирования личности.

Ключевые слова: игрушка, образная игрушка, социализация личности, социализационная норма, агенты социализации, механизмы социализации, идентификация

На современном российском рынке присутствует огромное количество игрушек, классифицируемых по самым разным критериям. Игрушкой принято называть изделие или материал, предназначенные для игры детей в возрасте до 14 лет [Безопасное детство. Часть вторая, 2019: 3]. Обеспечение безопасности продукции для детей, обращаемой на российском рынке, является важнейшей задачей национальной системы аккредитации. Для этих целей существует Технический регламент Таможенного союза «О безопасности игрушек» (ТР ТС 008/2011), который контролирует около 90 показателей безопасности. Эти показатели систематизированы Регламентом в следующие группы: органолептические (запах, привкус); физические (уровень звука, вибрации, напряженности электрополя и т. п.); санитарно-химические (нормы наличия вредных химических веществ); токсиколого-гигиенические (раздражающее воздействие на слизистые, индекс токсичности); микробиологические (содержание микроорганизмов). Контроль всех показателей направлен на реализацию идеи о том, что игрушка не должна представлять опасность для жизни и здоровья детей и лиц, присматривающих за ними [Безопасное детство. Часть третья, 2019: 5].

Но даже столь обширный перечень контролируемых показателей не реализует заявленную идею в полной мере. На российском рынке заняли

прочные позиции игрушки, соответствующие утвержденному спектру показателей безопасности и при этом все же представляющие опасность для здоровья и жизни детей, поскольку пропагандируют смерть². Например, игрушки Монстер Хай (Monster High) представляют собой серию кукол-монстров и кукол-трупов с атрибутами в виде гробов. Распространение таких игрушек стало возможным потому, что структуры, оценивающие безопасность, рассматривают игрушку как предмет, обладающий некими техническими характеристиками. При этом упускаются из виду характеристики, ориентированные на формирование личности, несмотря на то что педагогический опыт человечества традиционно рассматривает игрушку именно как инструмент передачи культурного опыта, формирования характера и направления развития человека [Соломина, 2017]. Национальный институт аккредитации, систематизируя игрушки по способу взаимодействия, выделяет сенсорные (погремушки, пищалки и т.д.), двигательные (мяч, юла, заводные игрушки), общественно-бытовые и производственно-технические (игрушечные инструменты и модели оружия), конструктивные (сборные игрушки, конструкторы) и образные игрушки. Образными игрушками являются куклы, машинки и изображения животных [Безопасное детство. Часть первая, 2019: 3]. К этой категории относятся и представители Монстер Хай. Из-за того, что у игрушек отсутствуют документально закреплённые параметры, содействующие формированию личностных качеств, изделия Монстер Хай вызвали бурную дискуссию в обществе не только среди родителей, но и среди профессиональных психологов. Одни считают, что такие образы помогают закалять психику ребенка и работают против тревожности³. Другие предупреждают, что игрушки, кардинально отличающиеся от окружающего мира, формируют у ребенка искаженное восприятие реальности, провоцирующее психические расстройства⁴.

С точки зрения социологии игрушка является прежде всего элементом взаимодействия, активным субъектом социального мира, диктующим определенный сценарий этого взаимодействия. При этом среди образных игрушек исследователь В. Вахштайн выделяет «игрушки-оснастки», опосредующие действия играющего и придающие определенность ситуации

² Мама, подари мне гробик // Комсомольская правда. 2014. 27 марта. URL: <https://m.volgograd.kp.ru/daily/26212/3096529/> (дата обращения: 04.04.2020).

³ Костюкевич М. Игры со смертью: детские магазины заполнили монстры-упыри и куклы-зомби // Vesti. ru. 2014. 16 января. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1198449> (дата обращения: 04.04.2020).

⁴ Смурова К. Куклы в гробу, вампиры из меха. Как мода на жуткие игрушки влияет на детей // АИФ на Енисее. 2017. 1 ноября. № 44 (1929). URL: https://krsk.aif.ru/society/vzrastiki_v_detskoy_kak_igrushkimonstry_vliyayut_na_psihiku_rebyonka (дата обращения: 04.04.2020).

игры, и «игрушки-актанты», которые выступают не столько средством, сколько партнером по взаимодействию. Под сценариями понимаются вписанные в материальный объект модели его использования. На курок игрушечного пистолета (по сценарию) нужно нажимать, руль машинки (по сценарию) — крутить. В силу того, что сценарии обращения с игрушечными объектами зачастую чрезвычайно близки сценариям обращения с их прототипами, возникают ситуации переноса [Вахштайн, 2013]. Именно такой перенос способен, например, провоцировать суицидальное поведение в случае с Монстер Хай, где актантом является кукла-труп, а оснасткой — игрушечный гроб.

Игрушка — значимый для ребенка агент социализации. Агенты содействуют усвоению норм, воздействуя на личность различными способами. В свою очередь, личность использует различные способы для усвоения норм и их преобразования. Все способы социализации можно разделить на три блока в зависимости от их предназначения: механизмы усвоения норм и механизмы преобразования норм, используемые личностью; и механизмы передачи норм, используемые агентами социализации. К механизмам передачи норм отнесем воспитание, производство объектов идентификации (образцов для подражания), конструирование социальной реальности (формирование факторов социализации). Основной механизм социализации, используемый таким специфическим агентом, как образная игрушка, — это идентификация. Образные игрушки с большой вероятностью могут служить для ребенка объектом идентификации. Ребенок отождествляет себя с любимой игрушкой, повторяя в своих личностных качествах ее «характер». На этом основании предлагается считать небезопасной для ребенка такую образную игрушку, которая демонстрирует бесполезные для ребенка черты характера (агрессия, вульгарность и т. п.). Еще один механизм социализации, действующий со стороны игрушки, — конструирование социальной реальности, когда игрушка с помощью заложенного в ней сценария (по В. Вахштайну) создает определенную реальность в непосредственном окружении ребенка.

Высокий социализационный потенциал игрушки заставляет говорить о необходимости правового института контроля этого потенциала, который не допускал бы попадание на прилавки игрушек, несущих в себе идею, способствующую ненормативной социализации личности. Нормативность социализации предполагает, во-первых, результат успешной социализации, позволяющей индивидам воспроизводить общественные отношения; во-вторых, соответствие многомерному эталону

социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик; в-третьих, соответствие устоявшимся в обществе правилам передачи социальных норм и ценностей от поколения к поколению [Ковалева, 2012: 22]. Сегодня социализационная нормативность игрушки правовыми структурами не контролируется и функцию такого контроля вынуждены выполнять родители, которые, как показывает дискуссия вокруг Монстер Хай, не всегда компетентны. Правда, на помощь родителям приходят специалисты, которые выполняют психолого-педагогическую экспертизу игрушки, опираясь на широкий спектр соответствующих критериев, но выводы такой экспертизы носят рекомендательный характер. Такая экспертиза не убирает игрушку с прилавка, а лишь сокращает число возможных ее покупателей за счет тех, кто будет ориентироваться на оценки психологов и педагогов. При этом официальная психологическая экспертиза игрушек проводится только в одной государственной организации — Московском городском центре психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек МГППУ⁵. Другие весьма немногочисленные структуры, осуществляющие такую экспертизу, носят характер общественного объединения независимых экспертов.

Исследователи современного детства отмечают, что государство и элементы гражданского общества все чаще вторгаются в семейную сферу ухода за детьми, их воспитания и образования [Майорова-Щеглова, 2014: 178]. При этом такой важный инструмент воспитания, как игрушка, недостаточно контролируется со стороны государства. В этой связи представляется целесообразным расширить спектр описанных выше контролируемых государством показателей безопасности игрушки, включив группу показателей, которая могла бы называться, например, «лично-ориентированные» или «социализационные» показатели. В эту группу должны входить психологические показатели, гарантирующие защиту ребенка от психического расстройства; педагогические показатели, оценивающие обучающий потенциал игрушки; социальные показатели, оценивающие соответствие игрушки эстетическим и моральным нормам общества и ее способность содействовать освоению социально одобряемых ролей. Именно такие показатели оцениваются в процессе психолого-педагогической экспертизы, но поскольку такая экспертиза носит рекомендательный характер, игрушка (в том числе и образная игрушка) превращается в стихийного агента социализации, способного

⁵ Кобазова Ю. В. Психологическое заключение по серии кукол «Monster High» // Livejournal. 2015. 20 февраля. URL: <https://mix14.livejournal.com/330007.html> (дата обращения: 04.04.2020).

негативно воздействовать не только на процесс формирования личности, но и на здоровье ребенка.

Список литературы

1. Безопасное детство. Игрушки. Аналитический обзор. Часть первая. Безопасное детство — ответственность родителей. М.: Национальный институт аккредитации Росаккредитации, 2019. URL: <https://fsa.gov.ru/documents/9721/> (дата обращения: 04.04.2020).
2. Безопасное детство. Игрушки. Аналитический обзор. Часть вторая. Безопасное детство — ответственность поставщиков игрушек. М.: Национальный институт аккредитации Росаккредитации, 2019. URL: <https://fsa.gov.ru/documents/9722/> (дата обращения: 04.04.2020).
3. Безопасное детство. Игрушки. Аналитический обзор. Часть третья. Безопасное детство — ответственность органов по оценке соответствия. М.: Национальный институт аккредитации Росаккредитации, 2019. URL: <https://fsa.gov.ru/about/institute/analiticheskie-obzory/> (дата обращения: 04.04.2020).
4. Вахштайн В. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // Логос. 2013. № 2. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_02/1.pdf (дата обращения: 05.04.2020).
5. Ковалева А. И. Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 19—24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-issledovaniya-sotsializatsii> (дата обращения: 21.01.2020).
6. Майорова-Щеглова С. Н. Трансформации детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. 2014. № 4 (126). (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-detstva-v-nachale-xxi-v-k-utochneniyu-kontseptsii-sotsialnogo-konstruirovaniya-detstva-1> (дата обращения: 05.04.2020).
7. Соломина Д. Е. Народная кукла как средство социализации детей младшего школьного возраста // Инновационная наука. 2017. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-kukla-kak-sredstvo-sotsializatsii-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 05.04.2020).

А. В. Гизатуллина

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСТВА — РАБОТАЮЩИЕ МАМЫ. ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ИХ РЕШЕНИЯ

ГИЗАТУЛЛИНА Анна Владимировна — аспирант факультета ВШСН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: an2nshastalo@gmail.com

Аннотация. Статья освещает проблемы, возникающие у матерей, имеющих детей дошкольного возраста и осуществляющих трудовую деятельность. Прежде всего, это проблема совмещения трудовой деятельности с домашними обязанностями и воспитанием детей. Второе место занимает проблема дискриминации, которая находит свое отражение при приеме на работу, при продвижении по карьерной лестнице, при оплате труда, при увольнении с места службы. Также перед работающими матерями встает проблема присмотра за малолетними детьми — в силу недостаточного количества дошкольных учреждений, осуществляющих эту функцию на уровне общества. Решение данных вопросов зависит от комплексного участия государства, работодателей и организаций, участвующих в обеспечении социальной политики в области трудовой деятельности матерей.

Ключевые слова: трудовая занятость, женщина-мать, женская безработица, профессиональная сегрегация, разделение труда, социальная политика, пособия, безработица, родительство, социальная проблема

Согласно статистическим данным, по состоянию на 2019 г. женщины составляли 49,6% от численности населения Земли⁶. В России на 1 января 2019 г. женщин было 53,6% от всего населения страны⁷. В статье за основу принята группа женщин в возрасте 20—49 лет, имеющих детей до 18 лет. Это объясняется тем, что женщины в данной возрастной категории несут двойную нагрузку, сочетая трудовую занятость и обязанности

⁶ Население земли: Данные статистики. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 20.06.2020).

⁷ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 20.06.2020).

по уходу и воспитанию детей. Уровень занятости матерей в возрасте 20—49 лет, имеющих детей до 18 лет, составлял в 2018 г. 92,7 %⁸.

При поиске работы и осуществлении трудовой деятельности женщины сталкиваются с проявлением дискриминации. По результатам социологических опросов, с дискриминацией сталкивались «при приеме на работу — 17,9 % респондентов-женщин; при продвижении по карьерной лестнице — 27,1 %, при оплате труда — 21,6 %, при профессиональной подготовке — 12,3 %». Максимальное количество проявлений дискриминации зафиксировано в таких сферах, как финансы, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь (87 % выявленных случаев). Наименьшее число наблюдается в образовании и здравоохранении — традиционно женских отраслях экономики [Новая модель рынка труда России..., 2014: 112].

Согласно официальной статистике, зарплаты женщин в России в среднем на 27,9 % меньше, чем у мужчин. В мире разрыв в заработной плате в среднем составляет 20,5 %⁹. Стоит также отметить опасения работодателей по отношению к женщинам детородного возраста, которые гораздо чаще, чем мужчины, оформляют отпуск по уходу за ребенком, больничный лист по болезни детей.

О проблемах в сфере оплаты женского труда можно судить и по степени удовлетворенности женщин заработной платой. Проводимые комплексные наблюдения условий жизни населения свидетельствуют, что вполне удовлетворены заработной платой только 34,7 % работающих женщин, имеющих детей до 15 лет¹⁰.

Особое место в современном обществе занимает проблема сочетания трудовой деятельности, домашних дел и обязанностей по уходу за детьми. Уход за детьми и выполнение домашних обязанностей способствуют тому, что преимущественно именно женщины формируют группу работников с неполной занятостью. Около 34,2 % женщин, осуществляющих трудовую деятельность, работают менее 35 часов в неделю¹¹. Женщины в сравнении с мужчинами уделяют в два раза больше времени на поддержание домохозяйства и в четыре раза больше — на уход за детьми. Таким об-

⁸ Уровень участия в рабочей силе женщин в возрасте 20—49 лет, имеющих и не имеющих детей до 18 лет в 2018 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://habstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/resources/ac178580489418d4a92bb9b3ce167dd4/Уровень+участия+в+рабочей+силе+женщин+в+возрасте+20-49+лет?_2C+и+имеющих+и+не+имеющих+детей+до+18+лет.htm (дата обращения: 20.06.2020).

⁹ В России процветает трудовая дискриминация. URL: <http://www.oka.fm/new/read/social/V-Rossii-protivetaet-trudovaya-diskriminatsiya/> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁰ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 20.06.2020).

¹¹ Там же.

разом, каждый день женщины тратят на 2,5 часа больше на неоплачиваемый труд [Duflo, 2012].

Перед работающими матерями встает также проблема присмотра за малолетними детьми. Нехватка мест в детских садах, отсутствие ясельных групп, территориальная недоступность дошкольных учреждений осложняют досрочный выход матерей на работу. Услугами частных нянь может воспользоваться далеко не каждая мама в связи с высокой стоимостью оплаты. Например, в Москве средняя зарплата няни составляет 250—400 рублей в час.¹²

За последнее десятилетие количество работающих матерей с малолетними детьми возросло с 62,8 % до 67,1 %¹³, эксперты объясняют это страхом женщин потерять профессиональные навыки и нежеланием находиться в финансовой зависимости от других членов семьи.

Вследствие всего вышесказанного необходимо увеличивать число учреждений, осуществляющих присмотр и организацию досуга детей дошкольного возраста, которые будут помогать матерям раньше обычного срока выходить на работу. Также стоит уделить внимание работодателям, стимулируя их к приему на работу женщин, имеющих детей, например, предоставлять налоговые льготы тем, кто участвует в программах по трудоустройству молодых мам на неполный рабочий день, поощрять тех, кто способствует совмещению трудовой деятельности и ухода за детьми. Требуется разработка комплекса мер по ликвидации проявлений дискриминации женщин при приеме на работу, в процессе трудовой деятельности, а также при увольнении.

Список литературы

1. Новая модель рынка труда России: роль внешних факторов / под ред. чл.- корр. РАН С. В. Рязанцева, д. э. н. В. А. Гневашевой. М.: Экон-информ, 2014.
2. Duflo E. (2012) Women Empowerment and Economic Development. *Journal of Economic Literature*. Vol. 50. No. 4. P. 1051—1079.

¹² Зарплата няни в 2020 году — сколько платить няне за услуги в Москве и области. URL: <https://nashanyanya.ru/blog/soveti-dlya-roditeley/zarplata-nyani-v-2020-godu-skolko-platit-nyane-za-uslugi-v-moskve-i-oblasti-2> (дата обращения: 20.06.2020).

¹³ Росстат: число работающих мам с детьми дошкольного возраста выросло почти до 70 %. URL: <https://mel.fm/novosti/1260859-rosstat-chislo-rabotayut> (дата обращения: 20.06.2020).

Человек потребляющий

Н. Н. Ивашиненко, М. Л. Теодорович

МОНИТОРИНГ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАБОТОЙ ФИНАНСОВЫХ СЕРВИСОВ В ИНТЕРНЕТЕ

ИВАШИНЕНКО Нина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель НОЦ исследования социальных систем, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; преподаватель университета Глазго, Шотландия

E-MAIL: nni@fsn.unn.ru, Nina.Ivashinenko@glasgow.ac.uk

ORCID: 0000-0001-5242-169X

ТЕОДОРОВИЧ Михаил Леонидович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: mt231@fsn.unn.ru

Аннотация. Финансовая активность населения России стремительно перемещается в онлайн-реальность, из группы услуг для узкой группы финансовые сервисы в интернете переходят в массовый сектор. Эта форсированная трансформация, протекающая в том числе под влиянием самоизоляции, порождает множество социально-экономических проблем. Целью исследования было изучение процессов формирования потребительского поведения на рынке финансовых услуг в интернете с целью создания мониторинговой модели. Мониторинг необходим для отслеживания процессов развития данного рынка, анализа удовлетворенности его потребителей, а также контроля над цифровым неравенством как барьером для работы рынка и социально-экономическим эффектом его функционирования. Выводы опираются на результаты серии мониторингов изучения конкуренции на примере Нижегородской области, реализуемой с 2014 г. в целом и углубленном анализе данных, собранных в ноябре 2019 г. В ходе онлайн-анкетирования были опрошены 3556 жителей области. Ведущие тенденции формирования рынка финансовых услуг в интернете воспроизводят основные проблемы российской экономики. Интенсивное освоение новых сервисов при низком

уровне стартового цифрового капитала у большинства населения провоцирует рост недовольства потребителей. Для стратегий вынужденного использования финансовых услуг особое значение приобретает вопрос доверия и надежности финансовых организаций и интернет-операций. Необходимо проведение дальнейшей методической работы по созданию мониторинга удовлетворенности населения работой финансовых сервисов в интернете как части общей концепции мониторинга конкуренции, контроля госструктур за происходящими процессами в этой сфере.

Ключевые слова: мониторинг удовлетворенности населения, финансовые услуги в интернете, цифровое неравенство, потребительское поведение

Формирование финансового поведения населения в рамках становления рыночной экономики протекало травматично для основной части населения, прошедшего через череду экономических кризисов [Иващенко, 2002; Финансовое поведение населения..., 2019; Тихонов, 2019]. Параллельные процессы становления финансовых институтов и формирования культуры финансового поведения потребителей в условиях неустойчивости рыночной инфраструктуры породили потребительские стратегии с низким уровнем рационализации принимаемых экономических решений и повышенным запросом на защищенность и доверие. Под влиянием пандемии началось форсированное использование населением финансовых онлайн-услуг. К существующим проблемам рынка финансовых услуг добавились новые, связанные с функционированием интернета.

Концепция цифрового капитала для изучения финансового поведения в интернете

По данным Центробанка¹, в 2018 г. 54 % взрослого населения России было готово пользоваться дистанционными каналами доступа к финансовым услугам. Доля пользователей интернет-банкинга или мобильного банкинга выросла с 31,5 % до 45,1 % по сравнению с 2017 г., перестав быть узкой группой пользователей.

Увеличение доли потребителей сопровождается их значительным расслоением. Для анализа неоднородности потребителей может быть

¹ Банк России провел четвертый ежегодный замер индикаторов финансовой доступности // Банк России. 2018. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=1955> (дата обращения 10.04.2020).

использована концепция цифрового капитала [Ragnedda, 2017; DiMaggio et al., 2004; Norris, 2001], выделяющая несколько аспектов цифрового неравенства и приложимая к анализу финансового поведения населения. Во-первых, технологическое неравенство, связывавшееся на первоначальном этапе с наличием доступа к интернету, трансформировалось в неравенство доступа к современным скоростным технологиям. В период пандемии четко обрисовалась проблема семей, не имеющих возможность обеспечить не просто интернет-доступ, а доступ, поддерживающих онлайн-форматы обучения, не имеющих возможность покупать лицензионное оборудование защиты компьютера от вирусных атак и так далее. Во-вторых, наличие у населения базовых материальных ресурсов для проведения финансовых операций в интернете, позволяющих эффективно их использовать. В-третьих, дифференциация мотивации использования финансовых инструментов. В-четвертых, на проблему повышения финансовой грамотности населения в целом накладывается расслоение по уровню знаний в сфере использования финансовых интернет-технологий.

В качестве пятого обобщающего элемента выделяется расслоение населения по цифровому капиталу. Это комплекс всех четырех элементов, а также связи и наработки в интернет-коммуникациях, позволяющие пользователю получать прибыль от финансового поведения в интернете и приращивать цифровой капитал. Использование концепции цифрового капитала для анализа дифференциации потребителей финансовых услуг позволяет обогатить схему мониторинга финансового поведения.

Методология исследования

Исследовательский коллектив занимается вопросами изучения финансового поведения населения с 1994 г., а непосредственно анализом конкуренции на различных рынках и удовлетворенностью потребителей — с 2014 г.² Частичное онлайн-интервьюирование было проведено в 2017 г.. В 2018 г. мониторинг был дополнен вопросами об интернет-торговле. Последний мониторинг в 2019 г. содержал модуль анализа удовлетворенности населения финансовыми услугами. В онлайн-опросе приняли участие 3556 жителей области — активные пользователи финансовых интернет-услуг, откликнувшиеся на предложение

² Проект запущен по инициативе Нижегородского территориального управления ФАС РФ при финансовой поддержке Министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области и выполнен совместно с НИЦ ЭОН.

принять участие в опросе. Сравнительный анализ структуры опрошенной совокупности с традиционными мониторингами (face-to-face) по социально-демографическим показателям позволил учесть ограничения онлайн-опроса и обосновать, что собранные данные отражают изучаемые тенденции.

Нижегородская область по уровню социально-экономического развития, трудовому потенциалу и техническому доступу населения к интернету относится к среднестатистическим российским регионам [Нижегородстат, 2020]. Финансовая устойчивость нижегородских семей полностью совпадает со среднероссийским показателем: 45 % не меньше месяца смогут оплачивать все необходимые расходы при полной потере доходов [Проект..., 2020]. Среди нижегородских семей 18 % (по России 21 %) стараются что-то отложить средства, прежде чем тратить. Интернет-банк или мобильное приложение банка для смартфона использовали 55 % нижегородцев (по России 56 %). Разработанные методики и выявленные в ходе исследования тенденции применимы для анализа ситуации в других российских регионах.

Основные выводы

Анализ ситуации на территории Нижегородской области с 2014 г. показывает, что цифровое неравенство не только проистекает из существующего социального неравенства, но и усиливает его. Основным барьером доступа к финансовым услугам, по мнению 70 % опрошенных, остается низкий уровень дохода населения. Это важнейший демотивирующий фактор в плане повышения финансовой грамотности населения и освоения навыков работы с финансами в интернете. На втором месте по уровню значимости (45 %) стоит недоверие к финансовым организациям. Данный барьер тесно взаимосвязан с недостаточно высоким уровнем безопасности, который ощущают 41 % опрошенных. Проблемы доверия и безопасности — ключевые для российских финансовых институтов, перемещение услуг из офлайн в онлайн только усиливает запрос. Они не могут быть решены на базе отдельно взятого банка или платежной системы. Это проблемы системы в целом, в том числе и органов контроля над работой финансовых структур в интернете и обеспечения инфраструктуры безопасности.

В 2019 г. удовлетворенность финансовыми услугами в интернете, при более низком охвате, была выше, чем традиционными. Выделение трех групп нижегородцев с разным уровнем удовлетворенности финансовыми

ми интернет-услугами позволило выявить специфику каждого сегмента. Среди опрошенных 36% не пользовались финансовыми интернет-услугами, 6% были неудовлетворены, 31% испытывали средний уровень удовлетворенности и 27% — высокий. Самым высоким уровнем удовлетворенности обладали более состоятельные слои населения, которые сами инициировали и выбрали формы своего финансового поведения в интернете. Анализ группы с низким уровнем удовлетворенности позволяет говорить о ее форсированном вытеснении на этот рынок. Они испытывали наибольшие проблемы, связанные с недоверием к финансовым организациям, высокой степенью стоимости финансовых услуг и недостаточным уровнем безопасности.

Выделенные группы различаются по своим социально-демографическим портретам. Среди неудовлетворенных финансовыми интернет-услугами повышена доля сельского населения. В группах неудовлетворенности и высокой удовлетворенности повышена доля предпринимателей, что свидетельствует об их расслоении по скорости адаптации и активности использования данных услуг. Доля самозанятого населения повышена в группе критиков, этот сервис пока не настроен на их запросы.

Взаимосвязь между удовлетворенностью финансовыми услугами в интернете и финансовой грамотностью просматривается, но не носит характер прямой зависимости. Люди с повышенной финансовой грамотностью могут быть более требовательными потребителями.

Проведенные в период пандемии исследования дают прогнозы сокращения традиционной торговли и роста электронной на фоне возможного снижения доходов населения³. В этой ситуации возможен рост неудовлетворенности населения финансовыми интернет-услугами в связи с форсированным выдавливанием в эту сферу потребителей, не обладающих достаточными ресурсами и мотивацией к освоению интернет-технологий.

Современные технологии финансовых интернет-услуг пока слабо вписаны в экономические стратегии домохозяйств. Целенаправленная работа в данном направлении будет способствовать формированию цифрового капитала населения. Необходимо дальнейшее совершенствование мониторинга удовлетворенности населения финансовыми интернет-услугами. Разрабатываемая методика должна обеспечивать понимание векторов развития этого типа экономического поведения и принятие эффективных решений всеми игроками рынка — как биз-

³ Вебинар GfK Shopper Day Life, 2020; Исследование потребительских тенденций в России — BCG в партнерстве с «Ромир», 2020 г.

несом, так и государством, участие которого в обеспечении смягчения цифрового неравенства трудно переоценить.

Список литературы

1. Иващенко Н. Н. Эволюция взаимодействия финансовых структур и населения России (1987—2002 г.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2002.
2. Тихонов А. А. Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003—2018 гг. // *Journal of Institutional Studies*. 2019. Vol. 11. No. 3. P. 153—169. <https://www.doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.153-169>.
3. Финансовое поведение населения. Мониторинг / под ред. д. э. н. проф. Ярашевой А. В. М.: ИСЭПН РАН, 2019.
4. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. (2004) Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use. In: K. Neckerman (ed.), *Social Inequality*. New York, NY: Russell Sage Foundation. P. 355—400.
5. Norris P. (2001) *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet in Democratic Societies*. New York, NY: Cambridge University Press.
6. Ragnedda M. (2017) *The third digital divide. A Weberian Approach to Digital Inequalities*. New York, NY: Routledge.

О. П. Новоженина, О. В. Гребняк

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

НОВОЖЕНИНА Ольга Петровна — старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: olganov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3511-0384

ГРЕБНЯК Оксана Валерьевна — младший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: sotofka@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4565-7095

Аннотация. Авторы ставили перед собой задачу оценить изменения в отношении россиян к программе цифровизации и к электронным сервисам по итогам периода самоизоляции, вызванного распространением вируса COVID-19. Вынужденный переход к активному использованию цифровых инструментов в повседневной жизни, работе и обучении стал фундаментом для более лояльного восприятия гражданами современных технологий. Пессимистичнее выглядит прогноз в отношении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и оценки роли правительства в расширении и популяризации цифровой среды. Причиной тому целый ряд снижающих популярность и вызывающих негатив факторов. В итоге успех внедрения цифровых практик выглядит как заслуга бизнеса (торговых сетей, зарубежных компаний типа Zoom и пр.), в то время как неудачи и негативные ожидания ассоциируются в первую очередь с правительственными инициативами, что способно отрицательно повлиять на совокупное отношение населения к цифровизации российского общества.

Ключевые слова: цифровая экономика, национальный проект, электронное голосование, самоизоляция, цифровая трансформация

Пандемия COVID-19 способствовала переходу процесса цифровизации Российской Федерации в фазу максимальной активности. Затронуло это в первую очередь практический аспект: удаленное предоставление госуслуг; взлет электронной коммерции; доступ к онлайн-трансляциям фильмов, спектаклей, музейных выставок; спрос на сервисы видеоконференций пр. — все они столкнулись с массовым ростом пользователей. В условиях самоизоляции практическое освоение доступного спектра цифровых услуг стало естественным выходом из сузившегося горизонта возможностей общения, досуга, выполнения должностных обязанностей — всего, что составляет повседневную жизнь российских граждан.

До появления вируса, по данным на июнь 2019 г., около половины населения было задействовано хотя бы в минимальном использовании электронного функционала (см. табл. 1)⁴.

Таблица 1. Как граждане осуществляют различные финансовые и иные операции (РФ, июнь 2019, % от числа опрошенных)

Виды операций	Через интернет	В учреждении	В равной степени через интернет и в учреждении	Затруднились ответить	Итого пользуются компьютерной технологией
Банковские операции (переводы, платежи...)	37,0	35,7	27,0	0,3	64,0
Поиск и оплата налогов, штрафов	34,6	39,4	24,3	1,7	58,9
Передача показаний счетчиков, оплата ЖКХ	29,7	47,1	22,7	0,5	52,4
Покупка билетов на поезд, самолет, автобус	24,1	50,3	24,6	1,0	48,7
Запись на прием к врачу	21,8	52,9	25,0	0,3	46,8

⁴ Данные социологического исследования Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204», науч. рук. В. К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности 1800 респондентов. Предельная ошибка выборки 3%. Опрос проведен в мае — июне 2019 г. в 22 субъектах РФ.

Виды операций	Через интернет	В учреждении	В равной степени через интернет и в учреждении	Затруднились ответить	Итого пользуются компьютерной технологией
Заказ такси	38,6	39,3	18,2	3,9	56,8
Покупка билетов в кино, театр, на концерты	17,4	53,4	25,0	4,2	42,4
Оформление справок и документов из госорганов	9,3	61,9	28,0	0,8	37,3
Подача жалоб и обращений в госорганы	12,0	57,2	26,2	4,6	38,2
Заказ еды в ресторанах, кафе	15,1	54,9	22,8	7,2	37,9
Покупка одежды, бытовой техники, электроники	2,8	61,9	35,3	0,0	38,1

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Условия жизни россиян в первой половине 2020 г. дают уверенность в росте указанных показателей (за исключением, разумеется, строки «Покупка билетов в кино...»). Это подтверждают результаты опросов: по данным апрельского мониторинга ВЦИОМ, число пользователей цифрового инструментария выросло при сравнении показателей за февраль и апрель 2020 года — первый этап самоизоляции в России. Так, на 6 п. п. выросла доля граждан, совершающих банковские переводы через интернет; на 3 п. п. — доля граждан, запросивших документы и справки через удаленные госуслуги. В целом в начале апреля 2020 г., по данным ВЦИОМ, в цифровую среду было вовлечено 82% россиян⁵. Наибольший рост по итогам самоизоляции может показать онлайн-торговля продуктами: по данным компаний, ряд участников рынка за апрель 2020 г. достиг показателей, сопоставимых со всем первым кварталом 2020 г.⁶ Что касается электронной торговли в целом,

⁵ Результаты всероссийского опроса «ВЦИОМ—Спутник» от 05.04.2020 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения: 28.06.2020).

⁶ Продуктовые переезжают в онлайн // Коммерсантъ. № 82. 2020. 13 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4342737> (дата обращения: 28.06.2020).

по данным IA Data Insight, до пандемии чаще раза в месяц в интернете что-то покупали 43 % респондентов. За две недели с начала пандемии сделали покупки более 80 %⁷.

Специфика спроса на виртуальный функционал отразилась на векторе цифровой трансформации. Она сконцентрировалась на развитии услуг первой необходимости: адаптация образовательного процесса, расширение «пропускной способности» сервисов видеоконференций, оперативное усовершенствование систем контроля и информирования, обмена данными. В то же время другие направления развития, необходимые для сбалансированной и надежной цифровой экономики, судя по имеющимся в открытом доступе данным, не получили соразмерного ускорения. Речь идет о работе по созданию правового поля с целью нормативного регулирования цифровой среды, разработке социальных стандартов, обеспечении кадрового потенциала и информационной безопасности.

До начала пандемии о целях и задачах «Цифровой экономики» был осведомлен минимальный процент населения, и — в отличие от числа пользователей цифровых сервисов — нет достаточных оснований рассчитывать на рост уровня информированности. По данным нашего Центра, на июнь 2019 г. полностью информированными о проекте «Цифровая экономика» считали себя 5,9 % опрошенных, среднюю информированность отметили 14,6 %, слышали о нацпроекте 27,3 %, а более половины (52,2 %) оказались не информированы. Еще 1,7 % респондентов затруднились с ответом. Важность развития нацпроекта «Цифровая экономика» лично для себя отметили 10,9 % респондентов, а уверенность в его своевременной выполнимости высказали 46,8 % [Левашов др., 2019].

Период ограничений, вызванных распространением вируса COVID-19, несмотря на популяризацию электронных сервисов и инструментов, скорее всего, не вызовет роста информированности или доверия к программе «Цифровая экономика РФ». К факторам, снижающим популярность и вызывающим негатив, можно отнести:

— Технические и кадровые сложности при организации дистанционного обучения. Сюда относятся как недостаточные объемы каналов связи, так и отсутствие необходимого оборудования и навыков у учителей и семей учащихся. Отношение к опыту дистанционного образования весной 2020 г. отражено в ряде популярных петиций на платформе Change.org,

---

⁷ Онлайн-покупки останутся популярными и после пандемии // Российская газета, 2020. 13 мая. URL: <https://rg.ru/2020/05/13/onlajn-pokupki-ostanutsia-populiarnymi-i-posle-pandemii.html> (дата обращения: 28.06.2020).

созданных при появлении слухов о возможном возврате удаленного обучения осенью 2020 г. или узаконивании такого формата на постоянной основе. Петицию «Я против дистанционного обучения» уже подписали более 183 тысяч человек⁸, петицию «Не допустить законодательного утверждения дистанционного образования в Российской Федерации» — более 210 тысяч человек⁹.

— Распространение и рост популярности конспирологических теорий о чипировании через вакцинацию от коронавируса, смертельной опасности 5g-вышек и т. п. Сюда же можно отнести в целом справедливые, но часто гипертрофированные предположения о целях и задачах усиливающегося цифрового контроля за населением.

— Технические накладки при организации голосования по поправкам к Конституции РФ. Одни, по собственному признанию, голосовали дважды¹⁰, другие (по многочисленным сообщениям в соцсетях) получали отказ в регистрации или получении бюллетеня в день голосования. Нередко проблема решалась сменой устройства доступа (стационарный компьютер/смартфон) к системе голосования, однако все это лишь подчеркивает организационное несовершенство. Перечисленные сложности накладываются на неодобрительное отношение граждан к самой идее удаленного голосования, зафиксированное по результатам исследования в 2019 г. (см. рис. 1) [Левашов др., 2019].

На основании вышеперечисленного авторы не ожидают роста интереса или доверия граждан к нацпроекту «Цифровая экономика РФ». Успех внедрения цифровых практик в первую очередь выглядит как заслуга бизнеса (в частности, торговых сетей, зарубежных компаний типа Zoom и пр.), в то время как неудачи и негативные ожидания ассоциируются скорее с правительственными инициативами, что может отрицательно повлиять на совокупное отношение населения к цифровизации. Справедливость данного прогноза возможно будет оценить по итогам 50-го этапа мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

⁸ Петиция «Я — против дистанционного обучения» // Change.org. URL: <https://www.change.org/p/министерство-об-образовании-я-против-дистанционного-обучения> (дата обращения: 28.06.2020).

⁹ Петиция «Не допустить законодательного утверждения дистанционного образования в Российской Федерации» // Change.org. URL: <https://www.change.org/p/президент-рф-не-допустить-законодательного-утверждения-дистанционного-образования-в-российской-федерации> (дата обращения: 28.06.2020).

¹⁰ По поправкам в Конституцию можно проголосовать дважды... // Телеканал «Дождь». URL: https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/za_konstitutsiju_mozhno_progolosovat_dvazhdy-511266/ (дата обращения: 28.06.2020).

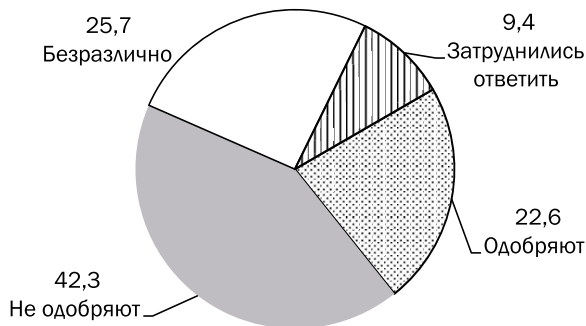

Рисунок 1. Отношение респондентов к предложению разрешить избирателям голосовать удаленно — через интернет, %

Список литературы

Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Моисеева А. Н., Новоженина О. П. Граждане о национальных целях и цифровом обществе // Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019.

Я. И. Каткова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА РЫНКЕ КРАУДЛЕНДИНГА

КАТКОВА Яна Игоревна — преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: yanakatkova@mail.ru

Аннотация. Краудлендинг в России — достаточно новый и быстро развивающийся рынок. Ежегодно миллионы кредиторов и заемщиков используют краудлендинг взамен традиционных банковских услуг. Это приводит к росту популярности исследований на данную тематику. Исследовательской целью работы стало изучение потребительского поведения кредиторов на рынке краудлендинга. Проведен обзор литературы на тему, осуществлено количественное исследование и найдены интересные результаты. Чаще всего кредиторы на данном рынке работают с одной краудлендинговой платформой, получают доход от 15% годовых, ценят в краудлендинге высокую доходность, ясность рисков, простоту и легкость инвестирования, к недостаткам краудлендинговых платформ относят ненадежность платформы, низкую доходность и сложность инвестирования. Результаты работы подтверждают данные предшествующих отечественных и зарубежных исследований. Полученные результаты могут быть использованы исследователями для дальнейших публикаций и практиками для текущей работы на данном рынке.

Ключевые слова: потребительское поведение, краудлендинг, кредиторы, финансовые практики, экономическое поведение

Одной из самых быстро развивающихся практик финансового поведения является краудлендинг. Краудлендинг — это кредитование множеством частных кредиторов физических или юридических лиц через специальные интернет-платформы. Краудлендинг является современной альтернативой банковским кредитам. Краудлендинг бывает нескольких типов: P2P (peer-to-peer) — предоставление кредита от одного физического лица другому физическому лицу, P2B (peer-to-business) — от физического лица бизнесу и B2B (business-to-business) — между компаниями. Стоит отметить, что краудлендинг привлекателен для обеих сторон. Он

позволяет кредитору получать процентный доход, превышающий доход от вложения в традиционные финансовые инструменты (вклады, ценные бумаги, недвижимость). Заемщик, в свою очередь, получает денежные средства быстрее и проще, чем через традиционные инструменты (банковские кредиты, облигации). Объем рынка краудлендинга в России в 2018 г. составил 15 млрд рублей, что на 38 % больше, чем годом ранее (10,9 млрд рублей в 2017 г.).

Рынок краудлендинга привлекает внимание исследователей с разных сторон: с точки зрения заемщика, с точки зрения кредитора, с точки зрения интернет-платформы. Самой интересной и малоизученной темой является поведение кредитора. Проблемой здесь становится не только недостижимость респондента, но и чувствительность темы. Тем не менее в России есть ряд исследований, изучающих поведение кредиторов. Например, в работе «Краудлендинг: психологический анализ» [Патоша, 2019] на основании 25 глубинных интервью с экспертами автор представил портрет типичного кредитора. Это профессиональный инвестор или топ-менеджер в возрасте около 30—35 лет, с достатком более 50 тысяч рублей, любопытный и склонный к риску. Достоинствами краудлендинга для него становятся простота, легкость, понятность и повышенный процент, недостатками — высокая рискованность, недоверие к продукту, нереалистичность предлагаемых условий, незнание продукта, сложность расчета прибыли, неготовность к систематическим вложениям. В работе «Финансирование бизнеса с помощью краудлендинга» анализировались характеристики заемщиков и их проектов, важные для кредиторов. К ним были отнесены гарантии, срок займа, финансовое состояние заемщика, его организационно-правовая форма, тип и срок деятельности.

Данное исследование посвящено анализу поведения кредиторов на рынке краудлендинга. Весной 2020 г. был проведен опрос 119 кредиторов. Опрос проводился на одной из интернет-платформ, предоставляющих возможности для краудлендинга.

Для анализа потребительского поведения использованы несколько переменных. Первая — это количество интернет-платформ, с которыми работает кредитор (данные представлены на рис. 1).

Большинство кредиторов (52 %) работает лишь с одной платформой, 22 % кредиторов работают с двумя площадками, 18 % — с тремя, оставшиеся 8 % инвестируют на четырех и более интернет-платформах.

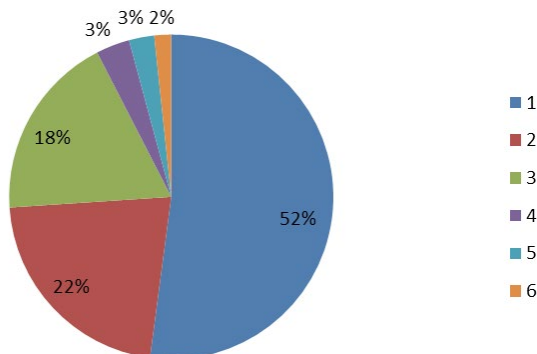

Рисунок 1. Количество используемых кредитором интернет-платформ для краудлендинга

Отдельно была посчитана средняя ставка процентного дохода, получаемого кредиторами от краудлендинга (значения представлены в табл. 1). Средний доход большинства кредиторов превышает 15 % годовых, что значительно выше процентов по банковским вкладам и облигациям.

Таблица 1. **Получаемый кредиторами доход от краудлендинга**

Получаемый процент	Доля респондентов
0—5%	5,6%
5—10%	5,6%
10—15%	5,6%
15—20%	61,8%
Более 20%	21,4%

Третьим исследовательским вопросом стала оценка важности некоторых критериев интернет-платформы для кредитора. Очень важными для кредиторов оказались открытость команды, лучшее соотношение рентабельности и риск-менеджмент платформы. Менее важны для кредиторов удобный интерфейс и известные заемщики.

Последней изучаемой переменной стало отношение кредиторов к краудлендингу и краудлендинговым платформам в целом. На основании этого анализа были выявлены преимущества и недостатки краудлендинга. К преимуществам кредиторами отнесены:

- высокая доходность,
- простота и легкость инвестирования,

- ясность рисков,
- удобство интерфейса,
- надежность платформы,
- К недостаткам кредиторами отнесены:
- ненадежность платформы,
- низкая доходность,
- сложность инвестирования.

Необходимо отметить, что недостатки отмечались малым количеством респондентов. Это обусловлено тем, что выборка является смещенной, в опросе приняли участие лишь действующие кредиторы, а это значит, что с серьезными проблемами и сложностями они могли не сталкиваться.

Таким образом, в проведенном исследовании было проанализировано поведение потребителя на рынке краудлендинга. Найдено среднее число интернет-платформ, с которыми работают кредиторы, посчитана средняя доходность от краудлендинга, представлены значимые характеристики интернет-площадок, достоинства и недостатки краудлендинга в целом. Результаты работы полностью соответствуют опубликованным ранее исследованиям. Процентные ставки на краудлендинговых платформах значимо превышают процентные ставки на банковском рынке [Mach, Carter, Slattery, 2014]. Достоинствами краудлендинга для кредитора являются простота, легкость, ясность и высокий процент [Патоша, 2019].

Настоящее исследование продолжает ряд отечественных и зарубежных работ, посвященных анализу рынка краудлендинга со стороны кредитора. Помимо теоретиков и исследователей эта работа может быть интересна практикам бизнеса, ищущим альтернативы традиционному банковскому кредитованию, а также лендинговым интернет-платформам, так как показывает положительные и отрицательные моменты, отмечаемые кредиторами.

Данная работа может быть продолжена с помощью качественного исследования для поиска скрытых мотивов и инсайтов кредиторов на рынке краудлендинга.

Список литературы

1. Патоша О. И. Краудлендинг: психологический анализ // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 241—246.
2. Mach T., Carter C., Slattery C. R. (2014) Peer-to-Peer Lending to Small Businesses. *FEDS Working Paper*. No. 10. P. 1—28.

Социология труда и занятости

А. И. Черевкова

«Я РОСЛА НА ПРИЕМЕ В МЕДИЦИНСКОМ КАБИНЕТЕ»: ДЕТСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИЙ ВРАЧЕЙ

ЧЕРЕВКОВА Алена Игоревна — аспирант, стажер-исследователь Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: yaitskova_a@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется детство представителей профессиональных династий врачей с позиций влияния на последующий выбор профессии. Несмотря на то, что династии врачей ранее были объектом исследования зарубежных и российских ученых, детство представителей второго и последующих поколений династий ранее не было предметом социологического интереса. Эмпирической базой данной работы выступают результаты прикладного исследования 2020 г., в ходе которого было проведено 20 автобиографических нарративных интервью с представителями медицинских династий, насчитывающих не менее трех поколений. Широкое вовлечение детей в трудовую деятельность и среду родственников-врачей приводит к ситуации, в которой к моменту профессионального самоопределения дети в династиях не видят альтернатив, не имеют представлений о других сферах деятельности. Таким образом, ранняя профессиональная социализация подталкивает детей к решению пойти по стопам родителей и выступает одним из механизмов, обуславливающих преемственность медицинской профессии в семье.

Ключевые слова: профессиональные династии, профессиональная социализация, преемственность, врачи, детство

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Психологические и социологические исследования показывают, что ключевым актором в формировании «исходной матрицы отношений ребенка к миру профессий и к себе как будущему субъекту деятельности»

выступает семья [Велумян, 2013]. Временем осознанного профессионального самоопределения является поздний подростковый возраст, однако первичные представления о труде приобретаются в детском возрасте (в разных периодизациях — до 10—12 лет) в процессе наблюдения за профессиональной деятельностью родителей, сюжетно-ролевых игр, чтения литературы, просмотра кинопродукции. В статье с позиций влияния на выбор профессии анализируется детство представителей династий врачей.

Профессиональные династии врачей ранее были объектом исследования зарубежных [Mocetti, 2016; Davidson, 2017] и российских ученых [Архипова, 2017; Калашникова, 2012; Мостовая, Посухова, Клименко, 2019; Нор-Аревян, 2019], однако детство представителей второго и последующих поколений медицинских династий ранее не являлось предметом социологического интереса.

Эмпирической базой работы выступают результаты прикладного исследования, проведенного в 2020 г. в различных городах России (Иркутск, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Уфа и др.). Методом автобиографического нарративного интервью было опрошено 20 медиков-представителей династий, насчитывающих не менее трех поколений. Информация о детстве была получена в ходе начального автобиографического рассказа, а также с помощью дополнительных вопросов:

- Как проходило ваше детство?
- Кто занимался воспитанием?
- О чем вы мечтали, когда были ребенком?
- Обсуждали ли родители свою работу в семейном кругу?
- Брали ли в детстве родители с собой на работу?
- Что вы запомнили из этих посещений?

Аналогичные вопросы были заданы информантам о воспитании их детей.

В ходе интервью потомственные медики отмечали, что с раннего детства были вовлечены в профессиональную среду и деятельность родителей:

Мы жили в медицине постоянно, папа был главным врачом, дед тоже, я рос в этом, мы постоянно были среди этого, нас водили в больницу. (Терапевт, организатор здравоохранения, муж., 30 лет, 3 поколение династии из 3)

Информантов в детстве родители не только брали на работу, но и привлекали к трудовой деятельности:

Я росла у нее на приеме. То есть я приходила, мама вела прием, а я садилась за стол медсестры. 90-е годы, медсестер не было. Когда-то делала работу сестринскую, когда-то что-то писала, ассистировала как санитарка. Подай, принеси, убери. К концу школы лор-болезни мне были уже глубоко неинтересны, я была уже оториноларингологом средней руки (смеется). [...] Среди психиатров я, наверное, лучший оториноларинголог. (Психиатр, жен., 37 лет, 3/3)

Такая вовлеченность детей в профессию является следствием высокой трудовой нагрузки врачей, включающей помимо рабочего дня ночные дежурства:

Я дежурила в отделении, а он спал на кушетке, потому что оставить его не с кем было. Поэтому куда? Он в этой медицине сызмальства. (Оториноларинголог, жен., 59 лет, 2/3)

Влияет и частая необходимость оказывать помощь вне рабочего места:

Родители были врачами. К маме всегда кто-то обращался: соседи, знакомые, друзья. Это нескончаемый поток людей: вытащить из пальца крючок рыболовный, на даче различные ситуации, кто-то что-то порезал... Поэтому вокруг меня все это было. (Врач УЗД, жен., 39 лет, 4/4)

Некоторые информанты отмечали, что работа родителей была связана с длительными командировками, поэтому вместе с семьями они жили в служебных квартирах в домах, предназначенных для врачей:

Пригласили отца и маму работать. Мы всей семьей переехали и жили во врачебных корпусах психиатрической больницы. (Психиатр, жен., 64 года, 2/3)

Родился я в санатории, где работали мои родители. Я всегда этим немного гордился, когда работал в санаторно-курортной системе. (Главный врач, муж., 61 год, 2/3)

Это формировало особую профессиональную среду, предопределяло круг общения информантов и темы для коммуникации:

Я очень хорошо помню, что я дружила с сыном главврача, он на год старше, и мы много времени проводили вместе. [...] Разговоры все в семье

крутились вокруг больницы, больных, я слышала эти разговоры постоянно от мамы и отца. Коллектив, где работала мама, был как часть нашей большой медицинской семьи, мы регулярно были вместе, гуляли. [...] Это медицинские династии, то, что называется с молоком матери... (Психиатр, жен., 64 года, 2/3)

Друзья мамыны, которые приходили, тоже все были врачи. Разговоры все велись вокруг больниц, пациентов и т.д. Безусловно, это оказало немалое влияние. Как-то у меня другой альтернативы не было. (Хирург, муж., 53 года, 2/3)

Неотъемлемым элементом детских воспоминаний информантов является медицинская символика (медицинские инструменты, форма), а также подражание деятельности родителей и их коллег:

Я тогда чувствовала уважение к врачам. И к маме, и вообще к специальности. [...] Да, что ты в белом халате, и это как-то совершенно по-другому, когда не в белом халате. Я вот до сих пор не могу расстаться с белым халатом. (Психиатр, 37 лет, жен., 3/3)

Из посещений с бабушкой запомнила операционную: большую лампу, операционный стол, помещения просторные. (Кардиолог, жен., 42 года, 3/3)

Говоря о выборе профессии, врач-педиатр отмечает:

Это, можно сказать, по инерции было предрешено. Я всегда была санитаркой в классе, на учениях гражданской обороны я была командиром санитарного звена. [...] В семье с детства говорили, что я буду доктором, потому что с детства я любила играть в больницу, всех перевязывала, мазала зеленкой все царапинки всех детей на улице. (Педиатр, 70 лет, жен., 2/3)

К моменту профессионального самоопределения дети в династиях часто не видят альтернатив, не имеют представлений о других сферах деятельности:

А куда? Никакой другой специальности мы не знали. И не рассматривалось ничего. Кем можно быть кроме врача, если мама врач, папа врач? (Оториноларинголог, жен., 61 год, 2/3)

Чисто в теории я задавал вопросы себе: «Может быть, стать юристом?» Но я не представлял, чем занимается юрист, как не представлял, чем занимается любой другой человек, потому что кроме врачей никого и не видел. (Хирург, зав. отд., муж., 43 года, 3/3)

Таким образом, ранняя профессиональная социализация через вовлечение детей в трудовую деятельность и среду родственников-врачей подталкивает их к решению пойти по стопам родителей и выступает одним из механизмов, обуславливающих преемственность медицинской профессии в семье.

Список литературы

1. Архипова О. В. Об исследовании факторов, влияющих на выбор медицинской профессии // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 113—115.
2. Велумян Н. А. Индивидуально-психологические предпосылки выбора профессии в подростковом и юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
3. Калашникова К. А. Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения : дис. ... кан. социол. наук. Волгоград, 2012.
4. Мостовая И. В., Посухова О. Ю., Клименко Л. В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 70—82.
5. Нор-Аревян О. А. Факторы и преимущества формирования профессиональных династий врачей в советский период // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 240—245.
6. Davidson J. R. (2017) The Wesselhoefts: A medical dynasty from the age of Goethe to the era of nuclear medicine. *J Med Biogr.* Vol. 25. No. 4. P. 214—222.
7. Mocetti S. (2016) Dynasties in professions and the role of rents and regulation: Evidence from Italian pharmacies. *Journal of Public Economics.* Vol. 133(C). P. 1—10.

А. А. Салатова, А. Н. Ершов

ПАТТЕРНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИНЖЕНЕРОВ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ (НА МАТЕРИАЛАХ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

САЛАТОВА Александра Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

E-MAIL: aleksandra_salatova@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4803-5416

ЕРШОВ Андрей Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и евразийских исследований, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: AnNErshov@kpfu.ru

ORCID: 0000-0002-6273-3918

Аннотация. Доклад посвящен описанию основных паттернов внутренней трудовой миграции инженеров нефтегазовой отрасли, выявленных по результатам полустандартизированных интервью. Несмотря на общий отрицательный миграционный прирост, Сахалинская область является привлекательным местом работы для инженеров в силу наличия современной высокотехнологичной нефтегазовой инфраструктуры по добыче, транспортировке и переработке газа и нефти. При выявлении и анализе паттернов трудовой миграции инженеров нефтегазовой отрасли нами использовалась экономическая теория миграции на основании притягивающих и выталкивающих факторов (передовая инженерная инфраструктура служит притягивающим фактором, а средний уровень оплаты труда в регионах-донорах — выталкивающим); а также теория человеческого капитала (регионы-реципиенты обеспечивают высокий уровень оплаты накопленного человеческого капитала) и теория поиска работы. Выделены три основных паттерна внутренней трудовой миграции: 1) вуз — нефтегазодобывающая компания «на месторождении»; 2) вуз — компания, занимающаяся проектировкой или обслуживанием организаций нефтегазовой отрасли в регионе-доноре, — нефтегазодобывающая компания «на месторождении»; 3) компания вне нефтегазового сектора — вуз — нефтегазодобывающая компания «на месторождении».

Ключевые слова: внутренняя трудовая миграция, нефтегазовая отрасль, инженеры нефтегазовой отрасли, трудовая миграция, паттерны трудовой миграции

Трудовая миграция в Российской Федерации, по данным Росстата, возрастает. Причем растет не только приток в страну трудовых мигрантов, но увеличивается и значимость объемов внутренней трудовой миграции, особенно для отдельных регионов страны. Однако мы согласны с Н. В. Мкртчяном и Ю. Ф. Флоринской, что изучению потоков внутренней трудовой миграции уделяется непропорционально меньше внимания [Мкртчян, Флоринская, 2018: 186].

Для Сахалинской области в целом характерен отрицательный миграционный прирост на уровне $-1,5—0,5$ тыс. человек ежегодно [Ким, Потапкина, 2018: 73]. Структура областного рынка труда отличается значительным количеством рабочих мест в сфере добычи природных ископаемых, в частности нефти и газа. В области действует производственный комплекс «Пригородное» состоящий из завода по производству сжиженного природного газа и терминала отгрузки нефти. Технологическое оснащение комплекса практически полностью автоматизировано и позволяет использовать самую современную технологию сжижения природного газа. В связи с разработкой месторождений на севере острова в области расположены офисы и производственные площадки крупнейших мировых и российских компаний в сфере добычи нефти и газа: Sakhalin Energy, Exxon Neftegas Limited, Schlumberger, Роснефть и др. Благодаря наличию современной нефтегазовой инфраструктуры Сахалинская область является местом притяжения для инженеров со всей России, особенно учитывая значительную межрегиональную мобильность данной категории (по данным Росстата, на 2018 г. 8,8% от всех межрегиональных трудовых мигрантов были заняты в добыче полезных ископаемых) [О межрегиональной..., 2018].

Существует постоянный миграционный поток занятых в нефтегазовом секторе. Особенный интерес представляет миграционный поток инженеров нефтегазовой отрасли. Интересно понять, по каким именно направлениям (паттернам) осуществляется трудовая миграция; какие мотивы движут инженерами при принятии решения о смене региона работы и как они представляют свою дальнейшую карьерную траекторию.

Инженеры как профессиональная группа во времена СССР обладали особым статусом. В современной России возрождению прежнего статуса и престижа инженерной профессии уделяется повышенное внимание, так

как именно инженеры составляют основу для технологического развития страны. В настоящее время инженеры нефтегазовой отрасли сохранили свой статус и в определенной степени престиж, обусловленный достаточно высоким уровнем заработной платы. Однако наблюдается недостаток исследований, посвященных как описанию их карьерных траекторий и миграционных стремлений в целом, так и паттернов внутренней трудовой миграции, в частности.

Трудовая миграция может рассматриваться с позиции различных теорий. При выявлении и анализе паттернов трудовой миграции инженеров нефтегазовой отрасли нами использовались следующие: экономическая теория миграции на основании притягивающих и выталкивающих факторов Э. Ли (передовая инженерная инфраструктура служит притягивающим фактором, а средний уровень оплаты труда в регионах-донорах — выталкивающим), теория человеческого капитала (Д. Минсер, К. Шульц и Д. Беккер) и теория поиска работы (Д. Мортенсен, К. Писсаридес). Все эти теоретические перспективы не исключают друг друга, а, скорее, взаимодополняют. Кроме того, мы исходили из функций миграции, выделенных Т. И. Заславской (экономическая (соединение со средствами производства) и социальная (стремление к улучшению условий жизни), а также опирались на выделенное М. В. Курманом направление внутриотраслевой миграции (в нашем случае внутри нефтегазовой отрасли в соответствии с наличием объектов нефтегазовой инфраструктуры).

Для получения первичных представлений о паттернах трудовой миграции нами была проведена серия пилотных полустандартизированных интервью с инженерами различных нефтегазовых компаний Сахалинской области ($N=12$ (8 мужчин, 4 женщины; опыт работы в нефтегазовой отрасли от 5 до 20 лет), метод формирования выборки — «снежный ком»). Выбор региона обусловлен его доступностью, кроме того, Сахалинская область — один из регионов сосредоточения нефтегазовых компаний (российских и иностранных). В ходе интервью нас интересовало несколько ключевых аспектов: карьерная траектория (опыт работы в нефтегазовой отрасли, в частности до переезда на Сахалин — если имел место переезд); уровень образования и место/места его получения; мотивы переезда и дальнейшие карьерные планы (связаны они или нет с продолжением трудовой миграции).

Миграция, обусловленная инфраструктурой

Поскольку в качестве объекта исследования выступила профессиональная группа, вполне ожидаемо, что все миграционные «тропы» (path)

обусловлены наличием объектов инфраструктуры в тех или иных регионах. К объектам инфраструктуры мы относим как вузы, занимающиеся подготовкой инженеров нефтегазовой отрасли, так и нефтегазовые компании (добыча, транспортировка, переработка нефти и газа; проектирование и обслуживание скважин, метрологическое сопровождение и т. п.) — как основные места работы инженеров. Если говорить обобщенно, то направления движения инженеров обусловлены своеобразным «культурным» ландшафтом, состоящим из объектов, образующих нефтегазовую отрасль. К. Мендоза с соавторами выразил интересную мысль о том, что профессионалов академической среды, вовлеченных в процессы миграции, можно назвать мигрантами знаний (knowledge migrants) [Mendoza, Staniscia, Ortiz, 2020]. В свою очередь, инженеров нефтегазового сектора, вовлеченных в процессы трудовой миграции, можно назвать мигрантами инфраструктуры.

Основные паттерны миграции:

1) Вуз — нефтегазодобывающая компания «на месторождении» (расположение либо на месторождении, либо в относительной близости). Данное направление было вполне ожидаемым, так как нефтегазовые компании, в частности иностранные, ведут активный отбор среди студентов последних курсов российских вузов, предлагая программы стажировки и производственной практики (например, Schlumberger). Выпускникам вузов они предлагают программы трудоустройства с компенсацией затрат на переезд. (*«Я еще две практики прошел в ... [название компании], пока был студентом. Это была одна из моих самых лучших и интересных практик [учебных], поэтому и пошел работать туда, ну и переехал соответственно»* (муж., 27 лет, опыт работы в отрасли 5 лет); *«Я учился в Томске, в [название вуза]... Я учился шесть лет и закончил бакалавриат и магистратуру... У меня так получилось, что я устроился в [название компании] еще до того, как получил диплом магистра. То есть я закончил универ, сгонял домой и поехал на Сахалин. То есть я прошел по выпускной программе»* (муж., 31 год, опыт работы в отрасли 8 лет).

2) Вуз — компания, занимающаяся проектировкой или обслуживанием организаций нефтегазовой отрасли в регионе-доноре, — нефтегазодобывающая компания «на месторождении». Это направление казалось нам не вполне очевидным. Однако, поскольку в России существует развитая сеть компаний, занимающихся проектированием, поддержкой различных направлений добывающих компаний нефтегазового сектора, их сотрудники переходят в компании, находящиеся «на месторождении». При этом

компании располагаются часто вне крупных месторождений. Более того, именно это направление оказалось наиболее популярным — в той мере, в которой можно применить эту характеристику к результатам качественного исследования. Логика в распространенности подобного паттерна миграции объясняется наличием международных и совместных компаний в Сахалинской области, для работы в которых (особенно на высших инженерных должностях) требуется накопленный багаж знаний и профессиональных навыков. Переезд обуславливается тем, что уровень оценки (в первую очередь денежной) человеческого капитала в иностранных или совместных компаниях зачастую выше. Иными словами, должно произойти накопление человеческого капитала. Кроме этого, неравенство между регионами России в случае переезда на Сахалин позволяет получить большую экономическую премию.

Дело в том, что на момент выпуска из университета в наш университет пришли из [название компании] — это завод по производству нефтегазового оборудования, и сказали, что есть вакансии. Ну, и мне это стало интересно, я прошла собеседование, и прямо на вручение дипломов ко мне пришли и предложили работу. Ну, и моя карьера там и началась. Там я проработала пять лет, пять с половиной даже. Это было до Сахалина. (Жен., 34 года, опыт работы в отрасли 11 лет)

У меня высшее инженерно-техническое образование... После вуза я 14 лет работала (из них 3 года декрет, т. е. полноценных 11 лет). 10 лет работала в одной российской компании и 1 год в другой компании, а потом переехала на Сахалин. (Жен., 38 лет, опыт работы в отрасли 16 лет)

В рамках этого направления возможны вариации с получением дополнительного образования перед переездом:

Первое образование у меня инженерное, я получала в Челябинске [название вуза], закончила специалитет... параллельно я получила диплом переводчика. После этого я работала инженером-проектировщиком пять лет. А потом я решила расширить свое образование и уехать из Челябинска, и поступила на совместную программу Московского университета нефти и газа Губкина и Норвежского университета. Это была магистратура. Уже не по инженерной части — нефтегазовая логистика... В Москве, когда я училась, я параллельно еще работала в [название компании], это проектный

институт... Я там работала год, а потом... моя основная мотивация, почему я переехала на Сахалин, собственно, — это предложение работы в иностранной компании. (Жен., 29 лет, опыт работы в отрасли 7 лет)

3) Компания вне нефтегазового сектора — вуз — нефтегазодобывающая компания «на месторождении». Это направление нельзя отнести к очевидным, скорее к редким, когда специалист (не инженер) переходит в отраслевую компанию не на инженерную должность, но в ходе работы и получения образования в регионе нахождения компании становится инженером и продолжает дальнейшее карьерное развитие уже в качестве инженера нефтегазовой отрасли.

В Казани я работала в общей сложности пять лет... Потом мы переехали. Здесь [на Сахалине] один год в торговле, потом с понижением перешла в нефтегазовую отрасль, но не в инженеры. Сначала по своему профилю, а потом — с понижением уже на должность административного специалиста в отдел... Это была своего рода афера, но мне стало интересно направление... Понятно, что роста без инженерного образования не было, поэтому поступила на заочное образование и закончила бакалавриат — обслуживание и эксплуатация объектов нефтегазовой отрасли. И последние три года работаю уже инженером. (Жен., 38 лет, опыт работы в отрасли 8,5 лет)

На международном уровне в нефтегазовом секторе растет спрос на кадры, в том числе и инженерные, имеющие опыт работы на международных проектах (Сахалин-1, Сахалин-2). Прошедшие через внутреннюю трудовую миграцию инженеры имеют потенциал для внешней трудовой миграции. Выявление и осмысление основных паттернов трудовой миграции инженеров нефтегазовой отрасли может способствовать прогнозированию их дальнейших миграционных направлений.

Список литературы

1. Ким Л. В., Потапкина Е. К. Статистическая оценка демографической ситуации территории на примере Сахалинской области // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 3. С. 69—85.
2. Мкртчян М. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал НЭА. 2018. № 1 (37). С. 186—193.

3. Mendoza C. Staniscia B., Ortiz A. (2020) «Knowledge migrants» or «economic migrants»? Patterns of academic mobility and migration from Southern Europe to Mexico. *Popul Space Place*. <https://doi.org/10.1002/psp.2282>.

Д. П. Исаев

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ КАК МОТИВАЦИОННАЯ СРЕДА (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ)

ИСАЕВ Дмитрий Петрович — кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: disaew@mail.ru

Аннотация. Новые форматы профессиональных практик, характерные для постиндустриального общества, формируют актуальное пространство исследований, в частности изучения факторов преемственности/прерывности в конструировании современных трудовых ценностей. В работе рассматривается профессиональная династия как источник формирования соответствующей мотивационной этики в той или иной профессии. Для будущих эмпирических социологических исследований предлагается перекрестное сочетание двух теоретических подходов, ориентированных на выявление консолидирующего (корпоративные ценности) и конфликтогенного (поколение) факторов существования профессиональной династии, а через нее — культуры труда в современном обществе. Исторический опыт России показывает, что консолидирующие практики были широко распространены, к примеру, в предпринимательской, академической средах, благоприятных для формирования и воспроизведения профессиональных династий. Конфликтогенный фактор, также имплицитно присутствовавший в династических семьях, явно проявляет себя в современных условиях трансформации российского общества. Обращается внимание, что зачастую не только дети не хотят принимать общесемейные мотивационные модели поведения, но и родители отказываются от целенаправленного их формирования.

Ключевые слова: профессиональная династия, трудовые ценности, мотивация труда, поколение, корпоративная культура, консолидация, конструктивный потенциал, профессиональная идентичность

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Пространство изучения трудового поведения в современной науке имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. Выявляемые психологические, экономические, социологические, исторические аспекты формирования, существования и эволюции профессиональной культуры определенных групп позволяют ставить и успешно решать новые исследовательские проблемы трудовой деятельности.

В российской науке накоплен значительный опыт изучения трудовых ценностей, особенностей мотивации конкретных профессиональных групп, будь то работники физического или интеллектуального труда. Причем могут использоваться стратегии выбора как консолидирующего фактора (в рамках корпоративной культуры профессии/организации [Кириченко, Фомин, 2009]), так и дифференцирующего — в рамках поколенного анализа групп работников разных возрастов [Черников, 2014].

Рассмотрим феномен профессиональной династии [Мостовая, Посухова, Клименко, 2019] как фактор, формирующий определенный уровень мотивации труда. Под профессиональной династией будем понимать «локализованную в производственной и социально-экономической сфере социальную группу, характеризующуюся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [Посухова, 2013: 100]. Естественным образом внутрдинастическое пространство создает конкретную мотивационную среду. По умолчанию предполагается, что младшие поколения приобщаются к трудовой этике, вбирают и трансформируют те или иные трудовые ценности. А старшие поколения, соответственно, явным или опосредованным образом влияют на усвоение определенных мотивационных моделей. С другой стороны, данный процесс можно представлять не в линейном, а стохастическом варианте.

Нам представляется, что рассмотрение профессиональной династии как мотивационной среды позволяет использовать преимущества обоих подходов (консолидирующего и дифференцирующего), поскольку формирование мотивационных ценностей ее представителей происходит в двух этих направлениях. Во-первых, общие семейные трудовые ценности уравнивают конфликтный фактор сосуществования в династии нескольких поколений, неизбежно испытавших влияние разных формирующих их событий/культур. К примеру, младшее поколение в династии с детства может впитывать органичную ей трудовую этику, с одной стороны, ускоряя свое профессиональное взросление, с другой — потенциально укрепляя преемственность и культуру династии. Исторический

опыт формирования и жизнедеятельности профессиональных династий в России пестрит подобными примерами. Так, в купеческих родах главы семейств приобщали своих детей буквально с малолетства к специфике предпринимательской деятельности, что вкупе с сохранением тесных родственных связей формировало особый архетип поведения, способствовавший выживанию и процветанию большой семьи [Харсеева, 2016]. В научных династиях родители особое внимание уделяли образованию детей, в том числе своим примером ученой деятельности способствуя передаче свойственной данному социальному кругу мотивационной модели (получение соответствующего образования, вхождение в престижную «профессорскую» корпорацию, формирование символического капитала научной деятельностью). Интересно, что выбор условного типа трудовой мотивации в научных династиях мог проходить и вне интенсивного участия старшего поколения. Вернее сказать, что на уже самостоятельную профессиональную деятельность молодого поколения могли влиять факторы, имеющие индивидуализированный характер. Так, на достижение академического статуса известного российского биолога К. Г. Скрябина повлияло внутреннее желание стать первой семьей академиков в трех поколениях [Лесков, 2011: 87].

Во-вторых, отвечая на вызовы времени, конкретное поколение с неизбежностью формирует и свои специфические трудовые ценности для фактической реализации себя в профессии. То есть в меньшей степени ориентируется на династическую традицию. Немалая роль в подобной трансформации принадлежит и родителям. Сошлемся на результаты исследования Л. Зубовой, выделившей по типам трудовой мотивации семь групп научных работников (1990-е годы). Для нас особый интерес имеет тот факт, что только две группы из них, по сути, стараются сформировать для детей мотивационную модель, идентичную своей [Зубова, 1998].

В рамках социологического научно-исследовательского проекта, посвященного изучению потенциала профессиональных династий в современном российском обществе, в 2020 г. были проведены процедуры интервьюирования различных профессиональных категорий работников, входящих в профессиональные династии. Полученный материал позволил сделать предварительные выводы относительно того, что наблюдается кризис преемственности мотивационных моделей трудового поведения в рамках династии. К примеру, обратим внимание на то, что в благоприятной для воспроизведения династических ценностей академической/профессорской среде уже и старшее поколение зачастую отказывается

от целенаправленного формирования династийной идентичности через специфичные для данной корпоративной культуры мотивационные модели.

Дальнейшие эмпирические исследования с учетом специфики конкретных форм труда (физического, интеллектуального, творческого) позволяют решать вопросы конструктивного потенциала профессиональных династий в современных условиях.

Список литературы

1. Зубова Л. Г. Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 47—53.
2. Кириченко А. В., Фомин А. В. Роль корпоративной культуры в формировании основных принципов мотивации труда // Социология власти. 2009. № 6. С. 56—61.
3. Лесков С. Л. Умные парни. М.: Время, 2011.
4. Мостовая И. В., Посухова О. Ю., Клименко Л. В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 70—82.
5. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100—103.
6. Черников Б. В. Взаимообусловленность трудовых ценностей и факторов мотивации поколенных групп работников. Автореферат... дисс. канд. эконом. наук. Томск, 2014.
7. Харсеева Н. В. 2016. Семейные традиции воспитания купечества как духовно-нравственная основа хозяйственной деятельности // ASPECTUS. № 3. С. 61—65.

А. А. Подольская

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН-ИНЖЕНЕРОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

ПОДОЛЬСКАЯ Анна Александровна — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: annas.podolskaya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7192-8231

Аннотация. В фокусе исследования находится восприятие своей карьеры женщинами-инженерами «советского» и «постсоветского» поколения, работающими на предприятиях ракетно-космической отрасли (РКО). Цель исследования — понять, как женщины-инженеры воспринимают свою карьеру, каковы их карьерные цели, на основании которых они выстраивают карьерную стратегию. Эмпирическая база: 33 полуструктурированных интервью с женщинами-инженерами — специалистами «советского» поколения и теми, кто начал трудовой путь после распада СССР. Было сделано предположение, что при формировании карьерной стратегии основной целью женщин-инженеров является возможность заниматься полезным делом, притом что работа позволяет реализоваться и в семейном плане. Также при построении карьеры женщины обращают особое внимание на наличие и состав «социального пакета» в организациях. Автор показывает, что данное предположение справедливо в отношении двух поколений женщин-инженеров. Выявлены различия в восприятии карьеры и построении карьерной стратегии. Старшее поколение воспринимает карьеру исходя из понимания коллективных целей и своей роли в общем деле. Нет явных действий, характеризующих карьерную стратегию, карьера воспринимается как результат коллективных достижений. Для молодых инженеров характерны целенаправленные действия по повышению профессионализма и административного роста, карьера воспринимается через личные достижения.

Ключевые слова: восприятие карьеры, карьерные стратегии женщин-инженеров, карьерные цели женщин, STEM-занятость, ракетно-космическая отрасль

Благодарность. Исследование проведено автором в процессе подготовки кандидатской диссертации. Научный руководитель к. соц. н., доцент НИУ ВШЭ О. Б. Савинская.

В современных реалиях карьера — значимый аспект достойного положения в обществе. Специалисты в области гендерных исследований фокусируют особое внимание на успешной реализации женщин на рынке труда, так как это важно и для благополучия самих женщин, и для развития предприятий и отраслей практически во всех сферах экономики. При изучении *карьерных стратегий женщин* ключевым является понимание того, что женщина помимо реализации в профессии в большинстве случаев ориентирована на реализацию семейных ролей, таких как жена и мать.

В данном исследовании выбор ракетно-космической отрасли (РКО) обусловлен рядом причин. Во-первых, это одна из *высокотехнологических отраслей экономики*, именно специалисты данных отраслей сейчас наиболее востребованы на рынке труда. В последние годы был принят ряд важных документов подтверждающих заинтересованность государства в развитии передовых отраслей. Так, 2016 г. была принята Национальная технологическая инициатива (НТИ). Согласно одному из ее принципов, «С точки зрения развития и продвижения НТИ включает новые глобальные высокотехнологичные рынки, борьба за лидерство на которых состоится на горизонте ближайших 20 лет в процессе цифровизации мировой экономики. Именно в этих направлениях у талантливых российских технологических предпринимателей есть наибольшие шансы на успех»¹.

Во-вторых, несмотря на востребованность инженерных кадров, в России, как и в большинстве стран мира, существует проблема отсутствия гендерного паритета как в STEM-образовании, так и в STEM-занятости².

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать, чем в понимании женщин является *карьера*, каковы *карьерные цели* женщин-инженеров в РКО, на основании которых они выстраивают *карьерную стратегию* (какие критерии для них наиболее важны в профессиональной сфере).

Проблема заключается в том, что на сегодняшний день основное внимание уделяется внешним аспектам проблемы *гендерного дисбаланса в STEM-отраслях*, при этом практически не исследовано, чем

¹ Национальная технологическая инициатива. URL: <https://nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 20.08.2020).

² В зарубежных исследованиях для обозначения инженерно-технических наук часто используется английская аббревиатура STEM — расшифровывается как наука (S — science), технология (T — technology), инжиниринг (E — engineering), математика (M — mathematics).

в понимании женщин является желаемая для них карьера. Каковы цели женщин, на основании которых они формируют *карьерную стратегию* в STEM-отраслях?

Предположение заключается в том, что одна из основных целей при формировании *карьерной стратегии* у женщин-инженеров — это возможность заниматься полезным делом при условии, чтобы работа позволяла реализоваться в семейном плане; также при построении карьеры женщины обращают особое внимание, на наличие и состав «социального пакета» в организациях.

Методология исследования

Для проведения исследования был выбран метод полуструктурированного интервью. В июле — августе 2018 г., январе и ноябре 2019 г. и мае 2020 г. проведено 33 интервью с женщинами-инженерами, работающими на предприятиях РКО. Респонденты были поделены на две группы: «постсоветское поколение», чья трудовая деятельность на предприятии началась после распада СССР (в нее вошло 20 респондентов, работающих на предприятиях РКО) и «советское поколение» (13 респондентов) — советские инженеры. Выборка была целевой. Место проведения исследования — г. Королев, где сконцентрировано наибольшее количество предприятий отрасли. В работе представлены интервью с женщинами-инженерами предприятий АО «Композит», РКК «Энергия», АО ЦНИИмаш, АО Корпорация «Тактическое ракетное вооружение». Несколько человек среди респондентов старшего поколения на данный момент работают на предприятии АО «Газпром космические системы» г. Москвы, но начинали свою деятельность на предприятиях г. Королева, поэтому и были включены в выборку. Для всех информантов работа на предприятиях РКО является основной, ее продолжительность — от года и более. Все информанты имеют высшее инженерное образование³.

При анализе полученных данных был выделен ряд ключевых составляющих, по мнению респондентов, входящих в понятие «карьера» для женщин-инженеров, работающих на предприятиях РКО двух поколений. Они представлены в таблице 1.

³ Критерий высшего образования был выбран, так как на предприятиях РКО преобладают работники с высшим образованием // Годовой отчет публичного акционерного общества «Ракетно-космическая корпорация „Энергия“ имени С. П. Королева» за 2018 г. С. 39. URL: https://www.energia.ru/disclosure/areports/areports_2018.pdf (Дата посещения: 5.02.2019).

Таблица 1. Понимание понятия «карьера» и ее важные составляющие

Старшее поколение женщин-инженеров	Молодое поколение женщин-инженеров
Приоритет в ориентации на коллективные достижения (карьера выстраивается по инерции)	Приоритет в ориентации на личные достижения, целенаправленные действия для профессионального и карьерного (административного) роста
Результативность (успешность)	Широкая направленность деятельности (стремление к развитию в широком спектре вопросов)
	Выстраивание «вертикальной» карьеры с сознательным ограничением должностями «среднего» уровня
Ориентир на «баланс между работой и семьей», при этом карьера второстепенна по значимости	Ориентир на баланс между работой и семьей, карьера значима, однако отходит на второй план при появлении детей
Причастность к общему делу	
Практическая полезность работы	
Направленность карьерной стратегии на стабильность, в том числе и материальную	

Выводы. При формировании карьерной стратегии большинство женщин ориентированы на возможность заниматься интересной работой, которая позволяла бы им сохранять баланс между работой и семьей. Это характерно для советского поколений женщин-инженеров (среди которых представители поколения X) и постсоветского поколения (среди которых преобладают представители поколения Y, в меньшей степени Z).

Для старшего поколения женщин-инженеров сама карьера формировалась как бы «по инерции», являясь в большей степени следствием их вклада в различные проекты предприятий, первоначально для них осознание «вклада» в общее дело и полезности своей деятельности, карьера же воспринимается через призму достижений коллектива.

Для более молодого поколения женщин-инженеров также существенно осознание значимости своей деятельности, при этом для них карьера — прежде всего их индивидуальные, целенаправленные действия, направленные как на улучшение профессиональных навыков, так и на получение более высокой зарплаты.

Как старшие, так и младшие коллеги обладают конкурентными преимуществами, что позволяет сделать взаимодействие гармоничным и эффективным.

Ключевыми шагами для поднятия престижа инженерных профессий среди женщин респонденты считают: активное взаимодействие с девушками на уровне школ с использованием различных массмедиа как на уровне предприятий так и на уровне государства, повышение заработной платы сотрудникам, материальная поддержка различных инициатив сотрудников.

Можно констатировать, что для привлечения женщин в РКО первостепенна ориентация не только на общие преимущества для сотрудников предприятий, но и акцент на те аспекты, которые актуальны именно для женщин и соотносятся с их потребностями и запросами. В конечном счете это выгодно как для развития и самореализации самих сотрудников, так и для предприятий, а значит и отрасли в целом.

Ю. С. Панфилова

МОДЕЛИ ТРАНСМИССИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ БИЗНЕС-ДИНАСТИЙ

ПАНФИЛОВА Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: panfilovajulia@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6010-9719

Аннотация. Бизнес-династии в современной России только начинают свое воспроизводство, что актуализирует научный интерес к моделям трансмиссии социального статуса в них. В работе на основе результатов интервью с представителями второго поколения бизнес-династий показано, что преобладает активная модель трансмиссии статуса (принятие статуса как осознанной ценности); при этом управление собственным делом может являться как терминальной, так и инструментальной ценностью. Пассивная модель преемственности основана на чувстве морального долга перед семьей, которое сочетается с разочарованиями и сожалениями об упущенных профессиональных планах и возможностях. Она также имеет вариации: статус наследуется под давлением семьи или к этому вынуждают обстоятельства. Модель отказа от преемственности, как правило, ведет к успешной реализации в других сферах и высокому уровню профессиональной удовлетворенности.

Ключевые слова: бизнес-династии, семейное предпринимательство, модели трансмиссии статуса, ценности предпринимательства

Благодарность. Тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Интерес исследователей к бизнес-династиям определяется тем, что семейный бизнес традиционно рассматривается как неперенный атрибут устойчивой рыночной экономики. В российских условиях, когда

наследование дела сопряжено со значительным риском, многие собственники отказываются от передачи дела второму поколению, а наследники — от продолжения семейного дела [Исследование владельцев капиталов в России, 2015]. В этой связи интересно понять, как на практике реализуются модели трансмиссии статуса во втором поколении собственников бизнеса в России.

В работе используются теоретические модели трансмиссии статуса в профессиональных династиях, выделенные И. В. Мостовой, О. Ю. Посуховой и Л. В. Клименко: «1) активная преемственность (принятие статуса как осознанной ценности); 2) пассивное сохранение статуса; 3) отказ/ уход от продолжения профессиональной династии» [Мостовая, Посухова, Клименко, 2019].

Эмпирической основой исследования стали результаты интервью с представителями второго поколения собственников бизнеса в России (16 интервью были собраны в рамках реализации гранта РНФ, 4 представлены в свободном доступе в интернете). Прежде чем перейти к результатам, поясним, что мы понимали под бизнес-династиями. По этому вопросу в научной литературе представлены две точки зрения. Согласно первой [De Massis et al., 2012] определяющим признаком является наследование права собственности и управления, таким образом, под определение бизнес-династий попадают семьи, которые на протяжении минимум двух поколений владеют и управляют одним бизнесом. Согласно второй точке зрения [Zahra, Hayton, Salvato, 2004], определяющим признаком становится трансмиссия ценностей предпринимательства и идентичности: последующее поколение в данном случае имеет независимый от основателя бизнес, воспроизводя «предпринимательский дух» семьи. В работе мы будем рассматривать оба типа бизнес-династий. Также следует сказать, что история предпринимательства в постсоветской России не насчитывает и 30 лет, поэтому мы будем говорить о втором поколении собственников.

Анализ результатов интервьюирования показал, что среди второго поколения собственников бизнеса преобладает модель активной трансмиссии статуса (9 кейсов из 20). При этом внутри себя модель трансформируется интересным образом.

Так, чаще всего представители второго поколения осознанно шли к воспроизводству статуса родителей: получали экономическое, юридическое образование или образование в конкретной отрасли деятельности, начинали работу в компании в юношеском возрасте с рядовых позиций. В качестве иллюстрации можно привести следующие высказывания:

Я с детства ездила с папой на объекты, мне было очень интересно. Первая запись в трудовой книжке у меня появилась в 14 лет. Пока мои сверстники отдыхали на каникулах, я работала на семейном предприятии. (Елена Греб, заместитель гендиректора ИСК «Союз» [Фамильные ценности, 2017])

Прежде чем встать во главу бизнеса, работала на предприятии 15 лет и начинала с позиции рядового сотрудника в коммерческом отделе. (Елена, гендиректор сети магазинов хозтоваров [Фамильные ценности, 2017])

Собранные нарративы показывают, что информанты рассматривали приемственность как терминальную ценность:

Я всегда хотела, как мама — быть сама себе хозяйкой. (Генеральный директор семейной розничной компании)

Меня никогда не заставляли, я мог выбрать любую профессию — и это мое решение остаться работать в семейном бизнесе. (Собственник бизнеса во втором поколении для Ward Howell [Лучшее детям, 2019])

Мама моя на тот момент открыла свое ателье, взяла мастеров. У нее как бы свое имя наработанное, хорошая клиентская база. И как продолжение ателье, как и, наверно, должно быть по имиджевой составляющей, должен быть рядом магазин тканей. Было принято решение открывать магазин итальянских тканей. (Женщина, руководитель магазина итальянских тканей)

Интересно отметить, что активная модель трансмиссии статуса в бизнес-династиях имеет вариацию, когда статус достигается осознанно, но является инструментальной ценностью. Так, одним из информантов стал собственник бизнеса, имеющий медицинское образование; он работает врачом, а бизнес отца развивает потому, что работа по профессии не позволяет иметь высокий доход: «В медицине намного проще, если ты не думаешь о деньгах, ты должен лечить больного». Почему эта стратегия не была отнесена к вынужденной модели? Потому что наследование семейного дела происходило осознанно, бизнес отца информантом планомерно развивался и диверсифицировался. В то же время он не стал терминальной ценностью:

И так мы проработали четыре года. Потом Ким уволился и пошел в медпредставители. Я думал об этом, но потом решил все же остаться в хирургии. Мне

больше нравится. Бизнес есть. Это как стена защита от непредвиденных ситуаций в жизни.

Следующая по представленности модель трансмиссии статуса (6 кейсов) — пассивная модель. Она также имеет вариации: статус наследуется под давлением семьи или к этому вынуждают обстоятельства. Собранные кейсы иллюстрируют первую вариацию модели. Переориентация на продолжение семейного дела, как следует из собранных материалов, происходит через влияние на образовательный и профессиональный выбор, а также через попытки давления на чувство долга. Иллюстрацией этой модели преемственности является ситуация женщины, которая вслед за отцом стала управлять мебельным магазином:

В выборе профессии [родители] повлияли. Поставили меня перед фактом, что я иду на подкурсы туда-то. И когда я сказала, что я хочу на ин. яз, не подержали меня. А я в силу своей пугливости не настояла на своем. При этом при окончании института, мне на тот момент хотелось работать следователем. Папа не позволил, потому что эта профессия не для девочки. И в этой сфере у меня ничего не сложилось. <...> Потом у папы бала торговая площадь, и был открыт мебельный магазин. Папа открыл, и мы с мужем работали директорами, ну, папа финансировал, а мы были руководителями. Сложно взаимодействовали, потому что у папы было свое мнение.

Результатом выбора пассивной модели преемственности, как правило, становятся профессиональная неудовлетворенность, сожаления о сделанном выборе.

Третья модель, которая в строгом смысле слова представляет собой модель ухода от преемственности, также была представлена в интервью. В этих случаях информанты, даже если имеют отношение к семейному делу, отрицают причастность к бизнес-династии. Ярким примером является рассказ женщины, чья мама владеет пиар-агентством. Информант, будучи человеком с гуманитарным, творческим складом ума, по совету репетитора поступила на факультет иностранных языков («Мама отнеслась к этому с сомнением. Но потом это как-то логически выстроилось»), испытывает удовольствие от преподавания, увлекается психологией и получила по этому направлению второе образование. В компании мамы занимается реализацией некоммерческих социальных проектов, не считает себя предпринимателем и не жалеет о выборе:

- *Вы себя сейчас ощущаете предпринимателем?*
- *Нет, я точно не предприниматель. Точно не бизнес-woman. Надеюсь, что не придется эту ношу на себя взваливать. <...> В плане моей деятельности в компании я себя лучше ощущаю исполнителем, менеджером по проектам, которые удастся реализовывать. <...> Но это не предпринимательская деятельность. Это техническая возможность реализовывать проекты.*

То есть, будучи избавленными от необходимости продолжать семейный бизнес, информанты этой группы демонстрируют высокий уровень профессиональной удовлетворенности.

Таким образом, среди представителей второго поколения бизнес-династий преобладает активная модель трансмиссии статуса, когда бизнес наследуется в соответствии с собственными интересами, мотивами и амбициями. В этом случае семейный бизнес продолжает существование за счет навыков и убеждений членов семьи, которые имеют высокий уровень удовлетворенности от того, чем они занимаются. Пассивная модель преемственности основана на чувстве морального долга перед семьей, которое сочетается с разочарованиями и сожалениями об упущенных профессиональных возможностях. Модель ухода от трансмиссии, как правило, заканчивается успешной реализацией в «новой сфере» и высоким уровнем профессиональной удовлетворенности.

Список литературы

1. Исследование владельцев капиталов в России: отчет по результатам исследования. 2015.
2. Лучшее детям: как передать семейный бизнес наследникам // Ward Howell: официальный сайт. URL: <https://www.wardhowell.com/teinstitute/luchshee-detyam-kak-peredat-semeynyy-biznes-naslednikam> (дата обращения: 09.05.2020).
3. Мостовая И. В., Посухова О. Ю., Клименко Л. В. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 70—82.
4. Фамильные ценности: как в регионе формируются новые предпринимательские династии. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/familniet-sennosti-kak-v-regione-formiruyutsya-novie-predprinimatelskie-dinastii-206847> (дата обращения: 11.05.2020).
5. De Massis A., Sharma P., Chua J. H., Chrisman J. J. (2012) Family Business Studies: An Annotated Bibliography. Cheltenham: Edward Elgar.

6. Zahra S. A., Hayton J. C., Salvato C. (2004) Entrepreneurship in Family vs. Non-Family Firms: A Resource-based Analysis of the Effect of Organizational Culture. *Entrepreneurship Theory & Practice*. Vol. 28. No. 4. P. 363—381.

Человек и мир

А. В. Яковенко

ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛОКАЛЬНОЙ ВЯЛОТЕКУЩЕЙ ВОЙНЫ

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Луганск, Украина

E-MAIL: 6daoav@rambler.ru

Аннотация. Подчеркивается значимость предметного изучения и оценки особенностей повседневной жизнедеятельности миллионов людей, живущих на Донбассе в условиях перманентной вялотекущей войны низкой степени интенсивности. Рассматривается сосуществование реалий мирной жизни с ее повседневным функционированием учреждений культуры, медицины и образования, промышленных предприятий одновременно с наличием военной и террористической угроз, комендантским часом, иной атрибутикой военного времени. При этом внешне общий быт, диктуемый в том числе и доминантами информационно-коммуникационных технологий, выглядит вполне обыденно. Заостряется внимание на имевшем место до объявления пандемии коронавируса феномене постоянных массовых миграций (пенсионных, медицинских, образовательных...) по территории, где осуществляется вооруженное противостояние. Указывается на сложности, возникающие у граждан, связанных с зоной военного конфликта, в правой сфере, включая вопросы наследования, прав собственности, купли-продажи имущества и т. п. Также отдельного исследовательского внимания требует пребывание огромного числа граждан под спудом угрозы уголовной ответственности за профессиональную деятельность на территории непризнанных республик.

Принципиально важным остается вопрос глобальной перспективы. Самая массовая на данный момент зона боевых действий на европейской части постсоветского пространства — это трагически уникальный прецедент или возможная распространенная конфликтологическая практика в рамках новой повседневности, рискующая получить общепланетарный масштаб?

Ключевые слова: война, повседневность, неопределенность, социальная травма, миграции, пенсионный туризм, информационно-коммуникационная среда

Научное осмысление повседневных реалий современного социума будет неполным без исследования локальных вялотекущих войн, в социальном пространстве которых только на территории Донбасса находится огромное количество мирного населения, не принимающего активного участия в боевых действиях. Социологи до сих пор мало внимания уделяют изучению бытовой составляющей жизнедеятельности этих людей или же ограничиваются общими характеристиками. Как правило, основной фокус интереса направлен на комплекс политических вопросов или общую оценку социального самочувствия. Сказываются и очевидные сложности организации и проведения опросных мероприятий, тем более в населенных пунктах, непосредственно примыкающих или находящихся в зоне вооруженного противостояния (Горловка или Первомайск). Заявки относительно необходимости более фундаментально развивать «экстремальную социологию» [«Экстремальная социология»..., 2004] на постсоветском пространстве осуществлялись, но не получили достаточной поддержки. События в Донбассе вновь актуализируют данную задачу.

Интерес представляет не только, а может, уже и не столько изучение собственно экстремальных ситуаций, связанных с войной, как это было в Чечне в конце 1990-х — начале 2000-х, сколько планомерное и масштабное исследование «мирных» реалий, протекающих в условиях военного конфликта низкой степени интенсивности.

За шесть лет противостояния на Донбассе сложился достаточно устойчивый общественный порядок, в котором сформировались определенного рода принципы, уклады, ритмы, специфические системы взаимоотношений, практики клеймения и самоклеймения. Например, закрепился своеобразный «микс» из обыденностей информационно-коммуникационного общества с его известной интернет-зависимостью, погруженностью в социальные сети, компьютерные игры и, наряду с этим, — комендантским часом, сложностями в водоснабжении, вытеснениями в глубины сознания воспоминаний у тех, кто пережил обстрелы, вперемежку с чувствами изолированности и неопределенности. Традиционное функционирование театров, музеев, кинотеатров, библиотек, филармонии «органически» совмещается с наличием постоянных военной и террористической угроз, перманентным пребыванием в состоянии социальной травмы.

Отдельной темой для обширного исследования может выступать «пенсионный туризм». До начала объявления пандемии коронавируса ежедневно тысячи (!) людей переходили (переезжали) линию фронта для идентификации и получения пенсий на территории Украины и в непризнанных республиках. Почему-то принято упоминать только о том, что пенсии стремятся получить жители непризнанных республик, выезжая на Украину, замалчивая при этом обратный процесс, когда переехавшие на «легитимную» территорию граждане Украины, если позволяет здоровье, оформляют и периодически посещают непризнанные республики для получения пенсионных выплат по месту прописки. Также часть из тех, кого принято называть переселенцами, стараются наведываться на свою малую родину в оставшиеся дома, квартиры, дачи и т. п., за которыми они, как правило, или просят следить соседей, родных, знакомых, или сдают их в аренду. Кроме пенсионного туризма наличествовал и при благоприятных условиях восстановится также «образовательный», «медицинский» и иные «туристические» поводы для массового перемещения людей, причем опять-таки в обе стороны.

Таким образом, существует любопытный и одновременно трагично-противоречивый параллелизм в социальном пространстве вялотекущей войны, в рамках которого военные мероприятия, включая обстрелы, наличествуют наряду с многотысячными (опять-таки до объявления пандемии) взаимопотоковыми миграциями, осуществляющимися практически через линию фронта. На территории Станично-Луганского района у некоторых луганчан находятся (если не были разбомблены, или разграблены) дачи, которые они стараются посещать, обрабатывать землю, собирать урожай и вывозить его в Луганск, т. е. на территорию непризнанной республики. И эта «мирная» жизнь с ее очередями, переходами, подвозом людей, обменом товарами до недавнего времени была не менее интенсивной, а в чем-то даже более насыщенной, нежели деятельность, связанная с войной.

Конечно, особого внимания требует проблема существования нескольких миллионов человек на европейском континенте в состоянии не только политической, правовой и социально-экономической неопределенности, но и фактически в положении криминальных изгоев. Представители органов власти, госслужащие, работники сферы образования и медицины, государственных и частных предприятий со сложной историей их (предприятий) принадлежности, члены общественных организаций, не говоря уже о военнослужащих Народной милиции и сотрудниках органов МВД,

прокуратуры, судов, Министерства юстиции непризнанных республик по украинским нормативно-правовым критериям — это фактически изменники родины, согласившиеся работать на «оккупационную власть». Их мировоззрение, позиционирование необходимо воспринимать в том числе и с позиций условностей пребывания в качестве комбатантов. Хотя многие из жителей республик, скорее всего, и не знают значения данного термина. Зато вынуждены подшучивать сами над собой в отношении попадания в категории «террористов» и «сепаратистов».

Кроме давления от неопределенности, изгойства, стигматизации на житейском уровне имеет место целый клубок сложных проблем, возникающих, например, при оформлении юридических прав на собственность, вступлении в наследство и т. д. Как известно, в свое время среди «блокадных» мероприятий в отношении Донецка и Луганска было задействовано в том числе отключение нотариусов от реестров, что повлекло серьезные сложности для тех, кто не переехал на подконтрольную Киеву территорию. Сегодня граждане Украины, имеющие прописку и собственность в непризнанных республиках, но проживающие за их пределами, и, наоборот, владеющие собственностью на украинской территории, но проживающие в непризнанных республиках, вынуждены существовать в двух все менее пересекающихся правовых пространствах.

Сложности, определяющиеся своеобразным «правовым отчуждением», имеют вполне предметную основу и для близкой нам системы образования и науки. Официальные институции легитимных государств, включая учреждения образовательной и исследовательской сфер, вынуждены считаться с ограничениями, которые накладывают международные институции и отдельные страны на «пособников сепаратизма». Свобода научной дискуссии, академическая независимость и прочие важные атрибуты нередко отступают на второй план, когда речь идет о возможных негативных последствиях обсуждения резонансных тем, связанных с событиями на Донбассе. Это также выступает интересной чертой повседневности, диктуемой политико-правовыми условностями многолетней войны. К данным реалиям можно добавить также и то, что формально никто не рискует проводить официальных исследований на территории с неопределенным статусом. Каждая из сторон справедливо опасается прямых юридических или, как минимум, имиджевых последствий. Поэтому даже в научном плане речь идет практически о «серой зоне».

Социологической науке целесообразно более предметно анализировать и обобщать опыт существования нескольких миллионов человек

в экстремальной ситуации повседневности локальной войны низкой степени интенсивности. Изучение данных трагически обыденных практик особенно важно с учетом отсутствия в противостоянии на Донбассе отчетливых этнических, религиозных, классовых и иных традиционных подоплек инициирования вооруженного противоборства, а также для поиска способов купирования подобного рода конфликтов.

В перспективно-проективном же плане до сих пор не ясно: пример Донбасса имеет трагически ограниченное значение или может выступить прообразом очередных «странных» вялотекущих войн, формирующих новую повседневность глобального порядка?

Список литературы

«Экстремальная социология». Беседа с С. Р. Хайкиным // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 1. С. 46—49.

И. С. Палитай

ОБРАЗЫ СТРАН ЕВРОПЫ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

ПАЛИТАЙ Иван Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: 8321532@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9932-562X

Аннотация. Исследование проводилось методом глубинного интервью в течение 2019 г. Общее число респондентов — 335 человек. Объектом исследования выступили Великобритания, Германия, Франция, Испания, Нидерланды, Чехия, Эстония. Предметом — их образы в сознании граждан, т. е. общее представление о стране, сложившееся в результате восприятия транслируемой информации, существующих стереотипов и личного опыта респондента.

Результаты показали достаточно размытое и стереотипное представление о странах Европы. Основным фактором восприятия оказался коммуникативный: выявлена достаточно четкая зависимость между когнитивной сложностью, четкостью образа и наличием страны в информационном поле. По этой причине на общем фоне выделились образы Великобритании и Германии. Большинство стран Европы воспринимаются достаточно позитивно, что в итоге и сказывается на миграционных настроениях. Наиболее «вражескими» оказались образы Великобритании и Эстонии, самым «дружественным» — образ Испании.

Ключевые слова: образ страны, миграционные настроения, страны Европы, политико-психологическое исследование, метод глубинного интервью, массовое сознание

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01138 «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

Опубликованные исследовательским холдингом «Ромир» сведения¹ говорят о том, что за последние четыре года более чем в два раза увеличилось число желающих эмигрировать. При этом среди молодежи такие настроения встречаются гораздо чаще, чем среди других категорий населения. Так, Левада-Центр в сентябре 2019 г. опубликовал данные², согласно которым 53% респондентов в возрасте 18—24 лет выразили желание переехать за границу на постоянное место жительства.

Миграционные настроения есть результат действия достаточно большого количества факторов, среди которых можно выделить восприятие своей и других стран на фоне текущих социально-экономических и политических условий. Другими словами, привлекательность образа этих стран оказывает влияние на миграционные настроения, а затем и на сами процессы.

В рамках описываемого исследования мы задались вопросом, что является базой для формирования этих образов. Основной гипотезой было предположение, что доля рационального в них не очень велика: люди формируют свое представление о той или иной стране, основываясь не на знаниях, а на стереотипах и обрывках информации, что должно отразиться на когнитивной сложности и четкости образов.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами было проведено исследование, основным методом которого явилось глубинное интервью. Количество респондентов составило 335 человек.

Методологическим основанием для нас служил политико-психологический подход, согласно которому результатом процесса восприятия социальной действительности является образ, формируемый в сознании человека [Палитай, 2016]. При этом в качестве объекта восприятия могут выступать не только страна, но и власть, лидеры, политические партии [Власть и лидеры, 2019].

На процесс восприятия, а также на особенности формируемого образа оказывает влияние ряд факторов:

- 1) субъектный (связанный с социально-демографическим и психологическими особенностями субъектов восприятия);
- 2) объектный (связанный с характеристиками самого объекта восприятия);

---

¹ Большинство россиян не хотели бы эмигрировать за границу // Romir. URL: <https://romir.ru/studies/bolshinstvo-rossiyan-ne-hoteli-by-emigririvat-za-granicu> (дата обращения 25.06.2020).

² Эмиграционные настроения // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения 25.06.2020).

3) коммуникативный (связанный с состоянием информационного пространства);

4) внешние условия (особенности политической культуры и текущего состояния социально-экономической и политической ситуации).

В результате действия этих факторов происходят изменения в структуре и в особенностях сформированных образов, что проявляется не только в отношении к объекту восприятия, но и в поведенческих аспектах субъекта [Шестопал, Смутькина, 2018; Шестопал, Ракитянский и др., 2013].

Поскольку самыми желаемыми для эмиграции оказались страны Европы³, для анализа мы выбрали страны, отличающиеся друг от друга не только географическим положением, но и своим отношением к Евросоюзу, к России, исторически различными взаимоотношениями с нашей страной, а также ролью в мировом политическом процессе: Великобритания, Германия, Франция, Испания, Нидерланды, Чехия, Эстония. В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим заключениям.

Первое, что хотелось бы отметить, это высокое значение коммуникативного фактора. Люди строят свой образ той или иной страны, основываясь исключительно на сведениях, которые имеются на текущий момент в информационном пространстве. Отсутствие в нем страны делает ее образ довольно размытым и стереотипным, что проявляется в «туристических мотивах».

Так, самыми четкими и когнитивно богатыми оказались представления наших граждан о Великобритании и Германии. Эти же страны воспринимаются как самые сильные и влиятельные. Однако из этого не следует, что они самые «востребованные» среди желающих покинуть нашу страну. Сложилось впечатление, что чем меньше в образе страны «политических мотивов», тем более она привлекательна. Именно по этой причине весьма позитивные оценки получили «солнечная Испания», «свободные по нравам Нидерланды», «близкая к нам Чехия» и «романтическая Франция».

Все страны, за исключением Великобритании и Эстонии, воспринимаются довольно положительно. Мало кто видит в них врага. Чаще всего они представляются партнерами или соседями. Самый «вражеский» образ оказался у отмеченных Великобритании и Эстонии (в силу «чрезмерной влиятельности» и «событий последних лет» соответственно), а самый «дружественный» — у Испании (что неудивительно, поскольку эта страна видится нашими гражданами исключительно как курорт).

³ Большинство россиян не хотели бы эмигрировать за границу // Romir. URL: <https://romir.ru/studies/bolshinstvo-rossiyan-ne-hoteli-by-emigrirovat-za-granicu> (дата обращения 25.06.2020).

Как мы и предполагали, образы стран, мало освещаемых в СМИ, когнитивно небогаты, достаточно размыты, строятся на стереотипах и культурных символах. Оценка людьми политического устройства и власти в европейских странах часто основывается на позиции «там хорошо, где нас нет». Так, практически у каждой страны власть была «демократической» или «всяко лучше, чем у нас».

Таким образом, миграционные настроения во многом можно обосновать не только недовольством людей их экономическим положением и текущей политической обстановкой, но и весьма поверхностными представлениями о жизни в других странах.

Список литературы

1. Палитай И. С. Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // Политическая наука. 2016. № 5. с. 193—203.
2. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993—2018) / отв. ред. Е. Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019.
3. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26—44.
4. Шестопал Е. Б., Ракитянский Н. М., Смутькина Н. В., Палитай И. С. и др. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. круглый стол журнала «Полис» и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 46—63.

Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, С. Г. Максимова

МОДЕЛИ И ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОМЕЛЬЧЕНКО Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-MAIL: daria.omelchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2839-5070

НОЯНЗИНА Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-MAIL: noe@list.ru

ORCID: 0000-0002-1252-6021

МАКСИМОВА Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-MAIL: svet-maximova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4613-4966

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного социологического исследования в шести приграничных регионах России (Алтайском и Хабаровском краях, Республике Тыва, Волгоградской, Амурской и Астраханской областях), нацеленного на анализ, моделирование и прогноз состояния безопасности межнациональных отношений. Учет мнений разных субъектов об уровне интегрированности в региональный социум, системный и дифференцированный подходы к анализу риска и безопасности позволили выделить ключевые факторы, определяющие баланс и консолидацию интересов принимающего населения и международных мигрантов, описать сценарии возможного развития ситуации. Особое внимание уделяется роли социально-экономических и идентификационных факторов, безопасности социальной среды и доверия к социальным институтам, отвечающим за реализацию миграционной и национальной

политик, в том числе институтам гражданского общества, кооперации мигрантов и местного населения для формирования благоприятного межнационального климата в условиях трансформации миграционных процессов в российском приграничье.

Ключевые слова: межнациональные отношения, социальные риски, социальная безопасность, моделирование структурными уравнениями, приграничные регионы, прогнозные сценарии

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России».

Межнациональные отношения в современной России имеют амбивалентный характер. Исследователи фиксируют позитивные тенденции, такие как упрочнение общероссийского гражданского самосознания, рост патриотических настроений, позитивный баланс межнациональных установок [Всяких, Бакаева, 2015; Кузнецов, 2017]. Однако отмечается, что происходит обострение и «геополитизация» межэтнических отношений внутри страны [Зорин, Аствацатурова, 2016], в национальных республиках продолжается столкновение интересов этнических элит и русского меньшинства, нерешенными остаются дилеммы, связанные с сохранением институциональной среды поддержки языкового разнообразия [Сидоров, Зиннатуллина, Ашрапова, 2019]. Новая модель национальной политики только формируется, происходит активный поиск консенсусных идей, приемлемых формулировок и концептуальных оснований для национальной консолидации, что рядом авторов воспринимается как отсутствие продуманности, неучет важных аспектов и особенностей взаимодействия между субъектами ее реализации [Попков, Костюк, 2015].

Системный подход к анализу социальной безопасности и рисков в сфере межнациональных отношений предполагает комплексную оценку их показателей, которые должны не только адекватно, объективно и разносторонне отражать актуальную ситуацию, но и позволять осуществлять прогноз относительно ближайших траекторий ее развития.

Авторами было проведено статистическое моделирование процессов воспроизводства социальных рисков и безопасности в сфере межнацио-

нальных отношений в шести приграничных регионах России (Алтайском и Хабаровском краях, Республике Тыва, Волгоградской, Амурской и Астраханской областях). Эмпирической базой исследования выступили результаты социологических опросов населения 18—75 лет, включая опросы представителей этнических диаспор ($N = 2400$, в каждом регионе по квотной выборке было опрошено 400 человек), и социологических опросов международных мигрантов ($N = 450$). Такой подход позволил максимально учесть мнения всех возможных сторон межэтнических взаимодействий — русского населения региона, представителей коренных народов России, представителей диаспор, имеющих длительный опыт жизни в России, и жителей иностранных государств, пребывающих в России менее пяти лет. Основным математико-статистическим методом являлся метод моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling, SEM).

Результаты исследования показали, что ключевыми для процессов генерации, воспроизводства и изменения рисков и безопасности в сфере межнациональных отношений являются социально-экономические показатели, характеризующие занятость и оплату труда, удовлетворенность материальным положением, наличие в регионе перспектив для молодежи. Значимость этих факторов выше для Алтайского края, Волгоградской области и Республики Тыва, обладающих более сложными экономическими условиями по сравнению с другими регионами.

Важным фактором, способствующим элиминации риска в межнациональной сфере, является личная безопасность жителей региона. Формирование безопасной социальной среды, повышение уверенности населения в отсутствии угроз и опасностей для жизни — важная предпосылка для благоприятных социальных отношений в региональном обществе, в том числе для взаимодействий между представителями различных национальностей.

Риск и безопасность в межнациональной сфере тесно взаимосвязаны с идентификационными процессами. Моделирование показало, что слабая этническая идентичность способствует усилению рискованных тенденций в межнациональных отношениях. Возможно, поэтому представители диаспоральных групп, традиционно обладающих более сильной этнической идентичностью, чаще более благоприятно оценивают их качество, чем коренное население. Удовлетворение этнокультурных потребностей, формирование благоприятного этноконфессионального климата в регионе во многом зависят и от эффективной деятельности национальных и религиозных объединений, однако для выполнения указанных задач им

прежде всего необходимо завоевать доверие населения. Наше исследование не выявило значительного влияния националистических убеждений населения на уровень этнического риска, поскольку слабовыраженный и локализованный в отдельных социальных группах (часть студенческой молодежи и неработающего населения, с финансовыми проблемами или, напротив, из «золотой молодежи») национализм не находит широкой поддержки среди населения приграничных регионов, в целом разделяющего ценности многонациональности российского общества и уважения к представителям разных национальностей.

Социологические опросы в мигрантском сообществе подтвердили гипотезу о том, что риски этнического неприятия распределены неравномерно и имеют большее распространение в определенных этнических группах. В относительно безопасной ситуации находятся славянские народы, а также азербайджанцы и армяне, согласно нашим результатам, довольно редко испытывающие последствия от интолерантного отношения местного населения. Наибольшим этническим риском обладают туркмены и киргизы, в целом по всем регионам и особенно в регионах, где этнический риск изначально более высок.

Одним из наиболее важных факторов защиты от этнических рисков во всех регионах является неформальное доверие к друзьям и знакомым, проживающим в регионе, а также доверие к работодателю, выступающему центральной фигурой для мигранта, через взаимодействие с которым формируется образ страны, региона и его жителей. Характер отношений с работодателем бессознательно проецируется мигрантами на все население региона и определяет не только уровень этнического риска, но и безопасность в целом. Немаловажную роль играет сотрудничество с местным населением. Открытость новому опыту, стремление интегрироваться в принимающее сообщество является лучшей защитой от предвзятого отношения и дискриминации. Подобным поведенческим стратегиям часто способствует предшествующий миграционный опыт. Транзитные перемещения перед въездом в Россию позволяют сравнивать условия жизни и труда, и поскольку предполагается, что вектор миграции направлен в сторону лучших условий, это заранее формирует «буфер» лояльного отношения к принимающему обществу. Важным условием обеспечения личной безопасности мигранта в России является хорошее знание русского языка.

Кроме факторов, релевантных для всех регионов, в регионах повышенного этнического риска (Алтайском крае, Астраханской области

и Республике Тыва) охранительную функцию выполняют миграционные службы, от доверия к которым зависит минимизация общих угроз, связанных с безопасностью. В регионах с низким этническим риском (Волгоградская область, Амурская область, Хабаровский край) безопасность мигрантов часто зависит от доверия к институтам дипломатии и правопорядка и наличия диаспоральных связей.

Полученные результаты позволяют предположить наличие трех вероятных сценариев развития. Пессимистический сценарий может реализоваться в том случае, если защитные факторы перестанут действовать, а усугубляющие риск факторы, напротив, усилят свое действие. Это может произойти в случае ухудшения социально-экономического положения населения, роста безработицы и оттока молодежи из приграничных регионов, усиления притока молодых мигрантов, не имеющих предыдущего миграционного опыта и слабо знакомых с российской культурой, активизации факторов, формирующих негативные установки населения в отношении международной миграции, дисфункциональности государственных и общественных институтов, отвечающих за безопасность, адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающее сообщество.

Второй сценарий соответствует отсутствию отрицательной и положительной динамики, иными словами, если состояние дел в межнациональной и межконфессиональной сфере останется на прежнем уровне. В этом случае защитные факторы сохраняют свое позитивное действие, а негативные — законсервируются и перейдут в латентную фазу.

Благоприятный прогноз отвечает обстоятельствам, когда защитные факторы не только остаются в силе, но и дополняются новыми, а грамотные национальная и миграционная политики будут способствовать нивелированию негативных факторов, способствующих воспроизводству риска.

Список литературы

1. Всяких М. В., Бакаева А. В. Санкции в отношении РФ и их последствия // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 6 (46). С. 143—149.
2. Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 1. С. 58—80.
3. Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А. Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 8—12.

4. Сидоров В. В., Зиннатуллина З. Р., Ашрапова А. Х. Дилеммы языковой политики в современной России:(на материале языковой ситуации в Республике Татарстан) // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 106—111.
5. Попков Ю. В. Костюк В. Г. Проблемное поле национальной политики в современной России // Сибирский философский журнал. 2015. № 13 (3). С. 71—80.

Человек в глубинке, или Социология в регионе

Т. А. Гужавина

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

ГУЖАВИНА Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН, Вологда, Россия

E-MAIL: tanja_gta@mail.ru

Аннотация. Проблемы развития малых городов России — это проблемы большей части ее населения и территории. Поиск ресурсов для развития охватывает различные направления. Одним из таких ресурсов, на который стоит обратить внимание, является социальный капитал территориальных сообществ малых городов. Исследование социального капитала малых поселений — малоисследованная область. Его изучение может дать ответы на вопросы о ресурсных возможностях населения значительной части России. На материалах опроса населения Вологодской области, проведенного в 2019 г., осуществлен анализ состояния социального капитала населения малых городов. Анализ проводился на основе индикаторной модели, разработанной с участием автора и апробированной в ряде других исследований, позволяющей выявить носителей социального капитала и оценить уровень его накопления у различных групп населения. В ходе исследования выделены группы носителей различных типов социального капитала, отмечено его крайне неравномерное распределение между жителями области в зависимости от территории проживания.

Ключевые слова: малые города, социальный капитал, социальные ресурсы развития, индикаторная модель, типы социального капитала

Благодарность. Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, грант «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» (проект № 20-011-00326\20).

Малые города охватывают значительную территорию России. По некоторым оценкам, в них проживает около 70 % населения. К данной категории относят населенные пункты с численностью населения до 50 тыс.

человек. Их развитие, создание в них условий, позволяющих их жителям реализовать свои жизненные планы и цели, является важной стратегической задачей. Один из ресурсов их развития — имеющийся у населения социальный капитал.

Термин «социальный капитал» имеет довольно давнюю историю применения в науке. Первые теоретические представления, предвосхищающие концепцию социального капитала, можно обнаружить в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера и А. де Токвиля. Углубление исследования феномена социального капитала связано с появлением таких концепций, как экономическая теория капитала (А. Смит, К. Маркс), теория социального обмена (М. Мосс, Д. Хоманс, Р. Эмерсон), теория социальных сетей (А. Р. Радклиф-Браун, Б. Уллман). Исследования социального капитала с момента появления категории осуществлялись в рамках различных научных подходов, что способствовало разнообразию ее трактовок. П. Бурдьё определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства» [Бурдьё, 2002], Дж. Коулман — как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, реализуемый в межличностных отношениях через обязательства и ожидания [Коулман, 2001]. Среди отечественных исследователей социальный капитал трактуется как включенность в систему отношений, обеспечивающую доступ к ресурсам (Н. Е. Тиханова), либо как социальные нормы и сети (Л. Полищук). Мы определяем социальный капитал как сети социальных отношений, характеризующиеся нормами доверия и взаимности.

Сегодня концепт не просто становится популярным, но и расширяются его методологические возможности, которые позволяют взглянуть на общество с точки зрения его распределения среди социальных групп и слоев и тем самым описать социальное пространство, а также обратить внимание на территориальное распределение данного ресурса, поскольку его носители имеют определенную привязку к территории своего проживания.

Задача нашего исследования — охарактеризовать социальный капитал населения малых городов Вологодской области, которая считается одной из самых развитых среди регионов Северо-Западного федерального округа¹. Экономически регион опережает средние значения по России по многим показателям. В общем рейтинге регионов за по-

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения 20.04.2020).

следний год область поднялась на две позиции. Кроме того, экономику региона можно охарактеризовать как разноплановую — здесь производится большое количество различных товаров. Достаточно развитая транспортная и туристическая инфраструктура способствует, в частности, постоянному увеличению туристического потока. В этом смысле регион совершенно точно относится к одним из самых интересных в северо-западной части России.

В составе области 15 городов и 8 поселков городского типа, они являются центрами муниципальных образований. Для нашего измерения социального капитала населения малых городов региона воспользуемся данными опроса, который проводился в 2019 г. Вологодским научным центром РАН среди городского населения области. В основе анализа общая теоретическая модель социального капитала и индексный метод, а также разработанная с участием автора индикаторная модель его измерения.

Индикаторная модель, по нашему мнению, представляет собой совокупность индикаторов, сформированных на определенном концептуальном основании, позволяющая получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, процессе и выявить взаимосвязи между составляющими элементами [Региональный социальный капитал..., 2018: 104—105]. Модель дает возможность измерить социальный капитал его носителей для дальнейшего объединения их в группы по уровню накопленного социального капитала. Чем больше в городе или регионе людей, обладающих социальным капиталом высокого уровня, тем выше социальный капитал самой общности.

Интегральный индекс социального капитала, согласно предлагаемой индикаторной модели, рассчитывается для каждого респондента, на его основе выделяются группы носителей. Описываемая модель была разработана коллективом исследователей ВолНЦ РАН в рамках проекта, поддержанного РФФИ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», она неоднократно апробирована в исследованиях [Гужавина, 2018, 2019] и не раз использовалась для проведения анализа влияния социального капитала на различные сферы жизни общества.

Анализ распределения социального капитала населения области показал преобладание носителей третьей группы, обладающих средним уровнем индекса (см. рис. 1).

С учетом исследовательской модели был дан анализ распределения социального капитала в зависимости от территориальной принадлежности его носителей (см. рис. 2).

Как показали результаты исследования, социальный капитал общностей, входящих в территориальное сообщество региона, неоднороден, что доказывает нашу гипотезу о том, что социальный капитал распределен неравномерно между его обладателями, и одним из факторов, влияющих на его состояние и объем, является территория проживания и масштаб поселения.

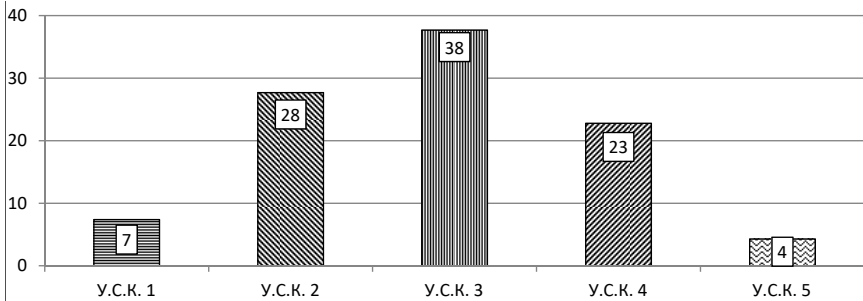

Рисунок 1. Распределение населения Вологодской области по уровню накопленного социального капитала

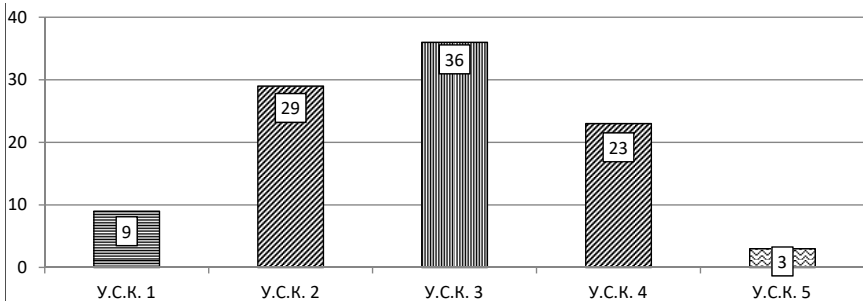

Рисунок 2. Распределение населения Вологодской области по уровню накопленного социального капитала, проживающего в малых городах

Список литературы

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. Т. 3. С. 60—75.
2. Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 45—57.

3. Гужавина. Т.А. «Гражданское участие как экстерналия социального капитала» // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1(25). Т. 7. С. 37—54.
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139
5. Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, И. Н. Воробьева и др. ; Череповец. гос. ун-т. Череповец : ЧГУ, 2018.

И. А. Пакшина, Е. С. Руськина

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА

ПАКШИНА Ираида Адольфовна — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

E-MAIL: iraida-69@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3050-2127

РУСЬКИНА Елена Степановна — старший научный сотрудник отдела — социопарка «Региология», Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

E-MAIL: redizd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4436-1049

Аннотация. В статье содержатся результаты исследования специфики представления городов Мордовии в региональных медиа — городских и республиканских газетах и локальных городских интернет-сообществах. Основной упор сделан на изучении города и городского сообщества в контексте личностного восприятия его жителей. Выявлено доминирование представленности столичного города в информационном поле Мордовии. Отмечено преобладание позитивных материалов о городе в печатных СМИ, активного обсуждения негативных сторон его жизни — в социальных сетях. Выделены ключевые направления конструирования городской идентичности, сформировавшиеся в региональных медиа. Подчеркивается сложившаяся асимметрия между декларируемым в традиционных СМИ и репрезентируемым в социальных сетях образом города.

Ключевые слова: провинциальный город, средства массовой информации, локальные городские интернет-сообщества, репрезентация, города Республики Мордовия.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130015 р_а «Идентичность городов Республики Мордовия и их социальная репрезентация».

В современном обществе произошли глобальные изменения информационно-коммуникативной сферы. Сегодня к средствам массовой коммуникации наряду с традиционными СМИ относят социальные сети. За небольшой срок они существенно скорректировали коммуникационный процесс, изменив живое общение между горожанами, превратившись в площадку для обмена мнениями, товарами и услугами. Коммуникация в них строится вокруг городского пространства и обсуждения частных проблем повседневной городской жизни, при этом каждый пользователь, пишущий комментарий к посту, выражает собственное мнение, свободное от формализма и идеологических штампов. Социальные сети являются новым способом саморепрезентации не только человека, но и городского сообщества.

С позиции современных исследователей город предстает не как сумма объектов, образующих его социокультурное и архитектурное пространство, а как «городской текст», читаемый через «самопонимание и самоощущения его жителей, через образы города, рожденные в сознании горожан, через городскую идентичность» [Шабаев и др., 2018: 262]. Данный подход подразумевает исследование субъективного восприятия города населением, изучение коллективных представлений. Образ города рождается не в представлениях дизайнеров или действиях администрации — он зафиксирован в сознании каждого его жителя. В связи с этим особый интерес представляет изучение способов выражения городской идентичности, а также процесса ее саморепрезентации сквозь призму повседневной жизни человека, через изучение каждодневной действительности.

Основной процедурой сбора первичной социологической информации стал интерпретативный контент-анализ. Базовым подходом к кодированию информации сквозь призму исследования повседневной жизни — латентный репрезентационный. В основу исследования положена модель локальной идентичности, разработанная П. Л. Крупкиным и успешно примененная исследовательской группой ЦИРКОН [Евстифеев, Задорин, Крупкин, Лебедев: 2015: 370]. Объектом анализа стали публикации, в которых представлен город в контексте личностного восприятия горожан. В исследовании мы исходили из того, что в печатных СМИ запечатлен образ города, создаваемый администрацией. Свое независимое мнение жители выражают на популярных городских интернет-форумах. Сопоставление этих позиций, по нашему мнению, позволило составить максимально достоверный социологический портрет провинциальных городов Мордовии.

Контент-анализу подверглись 30 медиаканалов Мордовии: 9 печатных СМИ (7 городских и 2 общереспубликанские газеты) и 21 локальное городское интернет-сообщество социальной сети «ВКонтакте» (по 3 сообщества в 7 городах Мордовии). Исследование проводилось с 1 января по 30 июня 2019 г. Было отобрано 966 записей из печатных СМИ, и 1017 — из локальных городских сетевых сообществ.

Сопоставление количества жителей города, тиража газеты и числа подписчиков популярных городских интернет-сообществ демонстрирует преимущество электронных медиа по охвату аудитории и популярности у горожан. К настоящему времени численность подписчиков групп увеличилась и продолжает расти, в то время как тираж газет в лучшем случае не уменьшается. Сравнение выборочной совокупности демонстрирует доминирование представленности Саранска как в печатных СМИ (60,3%), так и на интернет-форумах (42,7%). В интернет-пространстве Мордовии наряду со столичным городом выделяются сообщества Рузаевки (25,4%) и Ковылкина (15,9%) — их участники отличаются активной позицией и независимостью взглядов при обсуждении частных городских проблем.

Можно утверждать, что власти региона, используя возможности печатных СМИ, прикладывают немалые усилия для того, чтобы сформировать положительный облик городов Мордовии. Во всех печатных СМИ прослеживается преобладание позитивных оценок (в среднем: 54,6% положительных, 29,3% — нейтральных и 16,1% — отрицательных), в то время как для городских интернет-сообществ характерна противоположная тенденция (30,0%, 13,1% и 56,9% соответственно). Пользователи социальной сети преимущественно оставляют критические замечания о жизни города, они склонны видеть и активно обсуждать скорее негативные ее стороны, чем позитивные.

В печатных СМИ нередко подчеркивается изюминка каждого города, внимание сосредоточивается на лучших его сторонах. Тезис о развитии преобладает в описании Саранска, Рузаевки, Ковылкина, в оценках остальных городов акцентируется их возраст. В интернет-сообществах Саранск предстает как относительно благополучный, развивающийся, как образцовая провинция; другие же города характеризуются значительными социально-экономическими трудностями, оттоком молодежи в более крупные города или мегаполисы, жилищно-коммунальными проблемами. По мнению активных пользователей, малым городам Мордовии катастрофически не хватает производственных предприятий, особенно тяжело жители воспринимают и переживают «оптимизацию» здравоохранения.

В медийном пространстве городов происходит публичное самораскрытие горожан. Их можно назвать типичными провинциальными жителями. Они живут в атмосфере прозрачности и ограниченности публичного пространства, для них значимы визуальные признаки успешности (нередко достигаемые за счет закрепитованности); но при этом они добрые и открытые люди, готовые прийти на помощь. Провинциальность рассматривается ими как положительный фактор.

Значимыми местами для жителей малых городов стали центры приложения труда и места проведения досуга, для столицы региона — крупные торговые центры. В виртуальном пространстве структура городского сообщества строится на основе противопоставления «свой — чужой»: к чужим относятся жители, прибывшие из сел, не сумевшие преодолеть социокультурную границу, а также представители органов власти.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в современных медиа наибольшее внимание уделяется столичному городу, малые города представлены в них мало. Кроме того, в медиапространстве региона наметилось расхождение между конструируемым и реальным образом города. Традиционные СМИ пытаются сохранить свою аудиторию в условиях конкуренции с новыми медиа, используя мастерство журналистов и возможности аналитических жанров. Социальные сети благодаря развитию диалоговых форматов и оперативности постепенно берут на себя функцию публичной трансляции информации и формирования общественного мнения.

Список литературы

1. Евстифеев Р. В., Задорин И. И., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. Городские локальные идентичности: проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: V Сухаревские чтения. Саранск, 2015. С. 368—373.
2. Шабает Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248—267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>.

Ю. В. Уханова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА

УХАНОВА Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

E-MAIL: Ukhanova4@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7307-9520

Аннотация. На основе результатов авторского социологического опроса, организованного на территории Вологодской области ($N=1900$), рассматривается проблема вовлеченности локального сообщества в благотворительность. Изучены масштабы и барьеры развития благотворительной деятельности по самооценкам местного населения, выявлены социально-демографические характеристики благотворителя. Проведенное исследование выявило, что большая часть локального сообщества вовлечена в различные благотворительные практики, которые в основном направлены на моральную и материальную поддержку нуждающихся, чем, к примеру, на интеллектуальную помощь или участие в ликвидации последствий стихийных бедствий. Чаще в благотворительной деятельности принимает участие население с более высоким уровнем образования, проживающее в городской среде, с активной гражданской позицией. При этом женщины более активны по сравнению с мужчинами. Возрастной критерий не оказывает существенного влияния. Основные причины неучастия в благотворительности локальное сообщество связывает с отсутствием свободного времени, а также интереса к общественной деятельности. В целом получен вывод, что в регионе развивается неформальная благотворительная активность и, напротив, наблюдается низкая вовлеченность населения в формальные благотворительные практики, связанные с деятельностью общественных организаций.

Ключевые слова: благотворительность, гражданское общество, помогающее поведение

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

В современном мире деятельность различных структур гражданского общества воспринимается как значимый ресурс решения общественно значимых задач. В настоящем исследовании используется подход, согласно которому под гражданским обществом понимается арена за пределами семьи, государства и рынка, создаваемая индивидуальными и коллективными действиями для продвижения общих интересов [Mati, Silva, Anderson, 2010].

В рамках обозначенного подхода среди важнейших практик в сфере гражданского общества следует выделить благотворительную деятельность локального сообщества («local community»). Суть благотворительной деятельности заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности в обществе.

Обзор литературы показал значительный интерес современных зарубежных и российских ученых к проблеме благотворительности. Кроме обобщающих и теоретических работ немалая часть исследований посвящена отдельным сюжетам и направлениям благотворительной деятельности [Forbes, Fernandez, Gilinsky, 2018; Power, Taylor, 2018; Корнеева, Миннигалева, 2017; Воронова, 2011 и т. д.].

Целью настоящей работы является выявление особенностей и масштабов благотворительности на местах. Анализ осуществляется на материалах субъекта РФ — Вологодской области, который является «типичным» российским регионом по целому комплексу параметров. Изучение проблемы на уровне локального сообщества дает возможность максимально приблизить результаты исследования к реальным условиям жизни людей, что обеспечивает их практическую значимость.

Основой эмпирического анализа послужили результаты социологического опроса, проведенного в 2019 г. на территории Вологодской области ($N = 1900$) на базе разработанного автором инструментария. Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Ошибка выборки не превышает 3%. Метод измерения: анкетирование по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

Согласно российскому законодательству, благотворительность — это «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или

юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»². В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 г. закреплена роль благотворительной деятельности как внутреннего фактора развития страны, при этом сделан упор на распространение массовой благотворительности.

По данным социологического опроса, организованного на территории Вологодской области, большая часть локального сообщества (64 %) вовлечена в различные формы помогающего поведения (см. рис. 1). Наиболее распространенными практиками (в отношении не членов семьи, родственников и близких друзей) выступают эмоциональная поддержка (39%), помощь вещами (31%), помощь денежными средствами (20%). В меньшей степени получили развитие интеллектуальные практики — бесплатное предоставление профессиональных услуг, передача знаний и умений, в том числе при обращении в органы власти (4—5%), а также участие в деятельности общественных организаций в качестве волонтеров (2%).

Рисунок 1. Участие локального сообщества в благотворительных практиках (доля положительных ответов в % по каждому суждению)³

² Федеральный закон от 11.08.1995 (ред. от 18.12.2018) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 01.07.2020).

³ Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Представляется важным вопрос, кому готово помогать локальное сообщество. Из полученных данных видно, что население испытывает сочувствие и желание помочь в первую очередь таким социально уязвимым группам населения, как престарелые (38 % и 35 % соответственно), инвалиды (37 % и 33 %) и сироты (36 % и 33 %; см. рис. 2). Беспризорники и бездомные вызывают в большей степени тревогу и страх, бывшие заключенные, алкоголики и наркоманы — раздражение, неприязнь или безразличие.

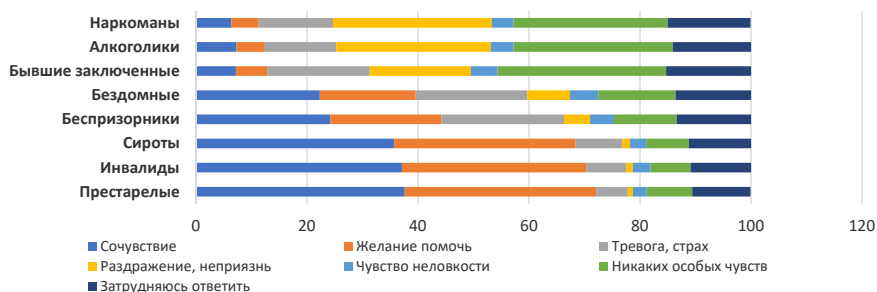

Рисунок 2. Отношение жителей Вологодской области к социально уязвимым группам населения. Ответ на вопрос «Какие чувства вызывают у Вас?..»⁴

Чаще в благотворительной деятельности принимает участие взрослое население с более высоким уровнем образования (48 % — с высшим образованием против 22 % — с начальным), проживающее в городской среде (42 % — в городе, 28 % — в селе), с активной гражданской позицией (45 % — активная позиция, 22 % — пассивная; см. рис. 3). При этом женщины более активны по сравнению с мужчинами (37 % против 28 %). Возрастной критерий, как выявлено, не оказывает существенного влияния. Полученные данные в целом коррелируют с результатами общероссийских и международных исследований [Мерсиянова, Корнеева, 2017; CAF World giving index..., 2019].

По самооценкам местного сообщества, наиболее значимые барьеры для участия в благотворительной деятельности связаны с отсутствием свободного времени (40 %; см. табл. 1). Четверть респондентов отмечают, что не участвуют по причине отсутствия интереса (25 %). Исследователи поясняют, что пассивная гражданская позиция россиян во многом свя-

⁴ Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

зана со стремительным процессом индивидуализации в российском обществе, когда ценность выживания, сохранения личного и семейного благополучия вытесняет ценности коллективного действия, альтруизма, общественной деятельности [Российское общество..., 2017]. Кроме того, выделяются барьеры вовлеченности в благотворительную деятельность, связанные со здоровьем (21%), отсутствием необходимых знаний (13%). Обращает на себя внимание доля жителей региона, не уверенных в пользе общественной деятельности в целом и лично для себя и своей семьи (12% и 10%).

Рисунок 3. Социально-демографические характеристики благотворителя. Доля положительных ответов на вопрос «Принимали ли Вы участие в благотворительной деятельности в течение последних 12 месяцев?» (в % от ответивших по каждой группе)⁵

Таким образом, несмотря на поддержку государства, на местах участие в благотворительности пока не получило массового развития. В большей степени локальное сообщество вовлечено в различные практики, направленные на моральную и материальную помощь нуждающимся, чем, к примеру, на интеллектуальную поддержку или участие в ликвидации последствий стихийных бедствий. Обращает на себя внимание низкий уровень участия населения в деятельности общественных организаций в качестве волонтеров. По самооценкам местного сообщества, наибо-

⁵ Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

лее значимые барьеры для участия в благотворительной деятельности связаны с отсутствием свободного времени. В целом в регионе наблюдаются низкая вовлеченность населения в формальные благотворительные практики, связанные с деятельностью общественных организаций, и высокая неформальная благотворительная активность.

Таблица 1. Барьеры участия в благотворительности по самооценкам населения, Вологодская область, 2019 г. (в % от опрошенных)

Барьеры участия	Доля ответивших (в %)
Не хватает времени, много работаю, занят(а)	39,7
Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	12,3
Мне это неинтересно	25,0
Мог(ла) бы участвовать, но не знаю, куда обратиться, нет нужной информации	6,3
Нет сил и здоровья	21,2
Отсутствуют знания, опыт, которые можно применить на практике	12,9
Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи	9,8
Такая деятельность не дает мне возможности личного роста	8,8

Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Список литературы

1. Воронова Е. А. Добровольчество как форма благотворительности в современной России // Вестник СПбГУ. 2011. Вып. 1. С. 330—342.
2. Корнеева И. Е., Миннигалева Г. А. Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 74—80.
3. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145—159.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2017.
5. CAF World giving index. Ten years of giving trends. (2019).
6. Mati J. M., Silva F., Anderson T. (2010) Assessing and Strengthening Civil Society Worldwide: An updated programme description of the CIVICUS Civil Society Index Phase 2008—2010. Johannesburg.

7. Forbes S., Fernandez R., Gilinsky A. (2018) An exploratory examination of philanthropy in the New Zealand, Spanish and US wine industries. *Wine Economics and Policy*. No. 7. 35—44.
8. Power S., Taylor C. (2018) The mainstreaming of charities into schools. *Oxford Review of Education*. Vol. 44. No. 6. P. 702—715.

Социология образования**А. Н. Новгородцева, А. Д. Гурарий, Ю. Е. Пьянкова****ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕХОД В ОНЛАЙН:
ОПЫТ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ВУЗОВ
СТРАН БРИКС (КИТАЙ И РОССИЯ) В FACEBOOK
В ПЕРИОД РЕЖИМА САМОИЗОЛЯЦИИ**

НОВГОРОДЦЕВА Анастасия Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: a.n.novgorodtseva@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7042-3867

ГУРАРИЙ Анна Дмитриевна — кандидат социологических наук, директор департамента политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: anna.gurariy@urfu.ru

ПЬЯНКОВА Юлия Евгеньевна — начальник отдела по общим вопросам УГИ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: j.e.piankova@urfu.ru

Аннотация: Режим самоизоляции и пандемия коронавируса вынудили вузы менять традиционные формы взаимодействия с различными целевыми группами — абитуриентами, студентами, научным сообществом, партнерами. Мы наблюдаем массовый переход в цифровое взаимодействие: занятия, сессия, защиты дипломов реализуются с применением дистанционных технологий: ZOOM, YouTube, Microsoft Teams. Открывается бесплатный доступ к интернет-платформам («Открытое образование», Coursera, XuetangX, edX). Научные конференции проходят онлайн. Но не непрерывный образовательный процесс в центре внимания, а то, как они позиционируются и презентуются во внешней среде — в социальных сетях, на официальных аккаунтах вузов. Реализован анализ стратегий сетевой коммуникации и активизации онлайн-взаимодействия с различными целевыми группами в социальной сети Facebook.

Исследовано 518 постов российских вузов и 554 постов китайских вузов. Наибольшее внимание уделяется именно студентам (первое место по количеству постов), социальные сети становятся каналом активизации взаимодействия при формировании онлайн-курсов, онлайн-акселераторов. На втором и третьем местах — абитуриенты и широкий круг заинтересованных. В целом это проведение онлайн-консультаций, онлайн-лектория по расширению представления о научных достижениях и роли науки в повседневной и профессиональной жизни. Очевидно, что цифровая среда вуза расширяется, и необходимо выстраивать информационную политику университета таким образом, чтобы возросло и количество подписчиков в социальных сетях. Из шести рассмотренных вузов только три обладают высоким потенциалом развития сетевой коммуникации благодаря социальным сетям (МГИМО, Университет Пекина и Университет Цинхуа). Именно контент, умение активизировать онлайн-взаимодействие порождает желание стать подписчиком аккаунта, и реалии 2020 года позволили осознать возможности онлайн-взаимодействия с широким кругом лиц, которое будет только развиваться после снятия всех ограничений.

Ключевые слова: дистанционные формы образования, цифровизация, образовательная среда, информационная среда, страны БРИКС, позиционирование, социальные сети, онлайн-активность, стратегии сетевой коммуникации

2020 год для системы образования в целом и высшего образования в частности во всем мире стал знаковым. Внешние обстоятельства — пандемия коронавируса и меры по предотвращению его распространения — привели к вынужденному переходу на обучение с применением дистанционных образовательных технологий и онлайн-взаимодействие с абитуриентами, студентами, сотрудниками и всеми заинтересованными лицами для обеспечения непрерывности образовательного процесса. Первыми, кто осуществил такой переход, стали вузы Китая. В России этот процесс стал массовым для всех вузов с 23 марта 2020 г. Это обстоятельство обострило ранее поднимавшиеся дискуссии о необходимости расширения образования с применением дистанционных образовательных технологий в вузах РФ.

В центре дискуссий новая информационная среда, в которой преподаватель с помощью технических средств должен создавать образова-

тельную среду как для самостоятельного освоения материала студентами, так и для различных интерактивных и групповых форм взаимодействия [Эшонкулов, 2019]. Дистанционное образование можно рассматривать по-разному. С одной стороны, как вид образования (цифровизация образования, инновационные педагогические технологии и т. д.), формирующий востребованного выпускника с развитыми цифровыми навыками. С другой стороны, как технология образования, то есть классическое традиционное взаимодействие, которое транслируется с помощью определенных технических средств, что позволяет устранить географические и временные барьеры [Грязнова и др., 2018]. В рамках вынужденного перехода на дистанционные формы обучения стали очевидны возможности реализации этих двух подходов: (1) расширился доступ к существующим образовательным онлайн-площадкам («Открытое образование», Coursera, XuetangX, edX), которые стали открывать массовый доступ к курсам на бесплатной основе; (2) преподаватели и студенты смогли продолжить образовательный процесс опосредованно (через Zoom, Google Meet и иные платформы и технологии).

Но помимо массового вынужденного перехода образование с применением дистанционных образовательных технологий важно проанализировать, как этот переход позиционируется вузами, как изменилась и усилилась коммуникация не только со студентами, но и с коллегами через официальные аккаунты в социальных сетях. Электронная информационная среда вуза не только включает в себя корпоративные сервисы для информирования, образования, но и, выполняя задачу продвижения и позиционирования, предполагает активность на внешних площадках (в социальных сетях) для выстраивания коммуникации со студентами, преподавателями, абитуриентами, партнерами и коллегами (благодаря развитым информационным коммуникативным технологиям расширяются возможности для коммуникации и в период самоизоляции).

В рамках данной статьи объектами исследования стали официальные аккаунты шести вузов в социальной сети Facebook (информационные посты за период с 23 марта по 23 мая 2020 г.). Для анализа были взяты три крупных российских вуза, представленных в рейтинге QS BRICS за 2019 г. с указанием численности студентов: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ — 14 796 студентов), Московский государственный институт международных отношений (МГИМО — 7318 студентов), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ — 27 872 студентов). И также три крупных ки-

тайских вуза: Peking University — Университет Пекина (39 575 студентов), Tsinghua University — Университет Цинхуа (36 952 студентов), Zhejiang University — Университет Чжэцзян (32 751 студентов)¹.

Таблица 1. Стратегии сетевой коммуникации в Facebook: онлайн-взаимодействие с разными целевыми группами

Вуз (количество подписчиков аккаунта)	Общее кол-во постов за период	Научные коллеги: конференции, экспертное взаимодействие	Широкий круг лиц: лекции, курсы	Студенты: практика, переход на сервисы	Работодатели, партнеры: совместные проекты	Абитуриенты, школьники — совместные проекты
ДВФУ (7 055)	82	5% (4)	12% (10)	32% (26)	12% (10)	15% (12)
МГИМО (21 180)	294	4% (11)	9% (26)	16% (48)	3% (8)	15% (44)
Урфу (2 991)	142	5% (7)	17% (24)	17% (24)	8% (12)	5% (7)
Университет Пекина (2 383 542)	244	9% (23)	13% (32)	14% (34)	4% (9)	5% (12)
Университет Цинхуа (1 984 894)	234	8% (20)	14% (34)	17% (39)	4% (10)	7% (17)
Университет Чжэцзян (14 538)	76	1% (1)	12% (9)	22% (17)	1% (1)	9% (7)

Предметом исследования стали стратегии сетевой коммуникации как инструмент позиционирования для различных целевых аудиторий. Акцент сделан на анализе не информационных постов (научные открытия, победы в конкурсах, назначения и т. д.), а постов, призывающих к онлайн-активности (присоединиться к вебинару, прослушать онлайн-лекцию, записаться на онлайн-курс и т. д.).

Итак, рассмотрим опыт российских и китайский вузов в условиях невозможности проведения офлайн-встреч с любыми из представителей целевых групп. Можно выделить следующие стратегии вовлечения в онлайн-активность (приглашения на вебинары, призыв к обмену историями, аудио и фотоматериалами, открытие онлайн-курсов и реализация виртуальных экскурсий).

¹ QS. World university rankings. BRICS. 2019 // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/brics-rankings/2019> (дата обращения: 01.06.2020).

Рассмотрим подробнее предлагаемый спектр онлайн-активности для различных целевых аудиторий (см. табл. 1).

1) Коммуникация со студентами (наибольшее количество постов) активизируется благодаря приглашениям на тематические вебинары (о трудоустройстве, конференции), онлайн-курсы, онлайн-исследования, онлайн-конкурсы, онлайн-акселераторы, онлайн-игры (#PKUPuzzle), даже творческие встречи в онлайн-формате (Лига КВН МГИМО на YouTube).

2) Коммуникация с сотрудниками активизируется благодаря сервисам, помогающим освоить технологии для перехода на электронное / онлайн-обучение.

3) Коммуникация с партнерами активизируется при наличии отдельных онлайн-проектов. Например, в МГИМО: MGIMOnline Business и MGIMO Generations, а в Университете Цинхуа — с ЮНЕСКО, ООН, ВОЗ. Активизация коммуникации с потенциальными инвесторами и работодателями проходит через позиционирование университетов как центров научно-технических разработок и открытий, где есть техническая и ресурсная база для проведения исследований международного масштаба.

4) Коммуникация с научным сообществом активизируется через проведение вебинаров на различных площадках (Leader-id.ru, ZOOM, YouTube). Например, организация телемоста Ассоциации ректоров университетов Азиатско-Тихоокеанского региона (ДВФУ), обмен опытом в рамках проекта Healthy Campus (УрФУ), виртуальный круглый стол «Правовые нормы и защита граждан в цифровой экосистеме: вызовы пандемии» (МГИМО). В вузах Китая в этот период были организованы международные онлайн-встречи, посвященные борьбе с коронавирусом и поиском лекарства (под общим хештегом #COVID 19).

Коммуникация с широким кругом заинтересованных лиц активизировалась благодаря целенаправленной работе по созданию проектов в области здорового образа жизни (онлайн-тренировки, «Нейрогимнастика для серебряного возраста» в УрФУ), исторической памяти («Бессмертный полк»), культурного просвещения (Ночь музеев в УрФУ или концерты коллективов МГИМО в онлайн-формате) и иных образовательных продуктов (лекторий «УрФУ на связи»). И очень много активностей связано с празднованием юбилеев вузов (100 УрФУ, #PKU celebrates its 122nd anniversary, Tsinghua's 109th birthday).

5) Коммуникация с абитуриентами активизировалась в том числе через проведение онлайн-занятий по отдельным предметам, организа-

цию онлайн-олимпиад для школьников, онлайн-конференций, онлайн-хакатонов, онлайн-трансляции Дней открытых дверей.

В целом очевидно, что переход в исключительно цифровую коммуникацию состоялся, представленные вузы разработали стратегии сетевой коммуникации с разными целевыми группами: активизация коммуникации осуществляется через онлайн-консультации, онлайн-лектории, музыкальные трансляции и виртуальные туры, приглашения к участию в различных онлайн-мероприятиях: тренингах, курсах, конкурсах. Выработанные стратегии активизации коммуникации с различными целевыми аудиториями на площадках социальных сетей не исчезнут после снятия ограничений. Как минимум, большинство мероприятий отныне будут сопровождаться трансляциями в социальные сети.

Список литературы

1. Грязнова Е. В., Брызгалова Ю. В., Измestьева Н. В., Николаева Л. Ю. К вопросу о природе дистанционного образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 169—172.
2. Эшонкулов Х. И. О преимуществах дистанционного образования // ACADEMY. 2019. № 5 (44). С. 94—96.

М. Н. Яшина, А. А. Бесчасная

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ДИСТАНТ: ШКОЛЬНИКИ И РОДИТЕЛИ О НОВОМ ОПЫТЕ ОБУЧЕНИЯ

ЯШИНА Мария Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: mnya@mail.ru

БЕСЧАСНАЯ Альбина Ахметовна — доктор социологических наук, профессор, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: aabes@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности восприятия дистанционного обучения школьниками и их родителями в период пандемии на примере школы Санкт-Петербурга. Описываются характеристики этой формы обучения, а также трудности ее реализации. Среди наиболее значимых проблем дистанционного обучения школьники назвали сложности освоения нового материала, организации своего времени, мотивации, коммуникации, количество домашних заданий и затруднения, связанные с технической составляющей. Родители назвали увеличившийся объем нагрузки, связанной с дополнительным объяснением учебного материала и обеспечением организации учебного процесса. Другие формы вовлеченности родителей в учебный процесс в ходе дистанционного обучения реализованы не были.

Исследование осуществлено в стиле кейс-стади. Объектом исследования стала общеобразовательная школа, репрезентирующая кластер школ с низкими результатами. В качестве метода исследования использован онлайн-опрос школьников и их родителей.

Ключевые слова: школьники, родители, дистанционное обучение, школа, онлайн-опрос

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-013-00899.

Последняя четверть учебного года 2019/2020 ознаменовалась радикальными событиями, которые по степени влияния на образовательную

систему составили конкуренцию самой пандемии. За короткий промежуток времени дистанционное обучение стало основной формой получения образования. Эта трансформация, хотя и вызванная внешними условиями, способствует переосмыслению сложившихся образовательных практик. Дистанционное обучение обладает характеристиками, которых остро недостает традиционному подходу, массово реализующемуся в общеобразовательных школах. Оно ориентировано на построение индивидуального плана при освоении знаний, перевод обучающегося в субъект-субъектную систему взаимоотношений с институтом образования, значительное повышение роли самообразования. Но ахиллесова пята дистанционного обучения заключается в том, что «в мире нет педагогической или психолого-педагогической теории цифрового обучения, на которую могли бы опираться школьные учителя, преподаватели колледжей и вузов при его проектировании и использовании» [Вербицкий, 2019]. Это отразилось на преимущественно механическом переносе методик традиционного обучения на дистанционное.

Массовизация дистанционного обучения создала условия для новых форм взаимодействия между школой и семьей, когда от родителя потребовалась активная вовлеченность в процесс обучения ребенка, а школа вынужденно открылась перед родителями. Но в одночасье преодолеть сложившийся барьер в отношениях [Власова, 2016] также не получилось в связи с множественностью факторов, определяющих такие взаимодействия.

Для анализа первых впечатлений от произошедших изменений в организации учебного процесса со стороны непосредственных участников (детей и их родителей) проведено исследование на последней неделе учебного года с 18 по 22 мая 2020 г. Его цель состояла в оценке восприятия, а также трансформации повседневных практик жизнедеятельности, сопровождающих новую форму обучения.

С учетом специфики окончания учебного года, когда сроки выхода на каникулы зависели от распоряжений городских властей, позиции школы, настроений родителей, исследование реализовывалось в рамках кейс-стади, ведущим методом в котором стал онлайн-опрос. В качестве кейса выбрана общеобразовательная школа, которая репрезентирует тип ОУ Санкт-Петербурга, относящихся к кластеру школ с низкими результатами. Опрос проводился среди учеников, которые в этом учебном году окончили с 3 по 9 классы включительно, и их родителей. Всего было опрошено 183 школьника и 78 родителей. При формировании выбороч-

ной совокупности школьников был применен метод основного массива. Объем генеральной совокупности детей с 3 по 9 классы составил 380 чел. Доступ к школьникам и их родителям был осуществлен через педагогов школы. Заполнение анкет реализовывалось с помощью Google-формы, доступ к результатам опроса педагоги не имели. Просьбы к педагогам о помощи не вызывали недовольства в связи с постоянной необходимостью взаимодействовать с детьми и родителями через различные средства связи.

В ходе опроса школьников просили указать трудности, которые у них возникли при переходе на дистанционное обучение. Наибольшее затруднение вызывало освоение нового материала в процессе учебы, а также количество домашних заданий. Несмотря на то, что в школе уроки проводилось с применением бесплатного многофункциональный интернет-мессенджера Skype, только 30% школьников указывали, что им было достаточно такой формы объяснения, 52,8% вынуждены были обращаться за помощью к взрослым членам семьи для дополнительных разъяснений. На фоне сложностей дистанционного обучения 58,5% опрошенных отметили, что в школе учиться легче, 83% — что интереснее.

Вторая проблема с дистанционным обучением — это тайм-менеджмент и мотивация. Заставить себя встать с постели в определенное время, сесть за уроки, оставаясь дома, достаточно сложно. И архисложно, когда нет внутренней потребности в деятельности по освоению чего-то нового, но при этом такого, что требует дополнительных усилий. Два месяца дистанционного обучения показали важность формирования внутренней мотивации в процессе учебы, которую не могут заменить никакие технические средства и визуальные эффекты. Основным мотивирующим фактором в дистанционном обучении стала для школьников возможность быть дома и больше спать. Необходимость наладить субъект-субъектные отношения между ребенком и педагогом у опрошенных не возникла в связи с наличием коммуникативных барьеров из-за опосредованного характера связи. Опрошенные указывали, что в школе им легче подойти к учителю для решения возникающих вопросов, нежели позвонить или написать ему.

Технические сложности, связанные непосредственно с доступом в интернет и использованием соответствующей техники, которые на первый взгляд представлялись самыми важными, для респондентов оказались на третьем месте. Но они показали проблемы макроуровня, сопровождающие переход на дистанционное обучение. В Санкт-Петербурге

у 3 % школьников нет дома компьютера и выхода в интернет, об этой ситуации еще 5. Апреля 2020 г. сообщил губернатор города А. Д. Беглов: «В Петербурге насчитывается 507 тысяч школьников, из которых почти 17 тыс. не имеют дома компьютерной техники и выхода в интернет, с помощью которых можно изучать школьную программу, находясь дома»². В исследуемой школе ситуация схожая. Из 546 учащихся с 1 до 11 класс запрос на компьютеры сделали 17 человек. Но важен еще один нюанс: основным инструментом дистанционного обучения для 68,2 % учащихся стал мобильный телефон с возможностью выхода в интернет. Для детей младших классов (3—5 классы) это было устройство, не находящееся в личном пользовании. Подобное положение создает дополнительные риски усугубления социального неравенства, когда из-за недостатка технических средств часть детей из наиболее незащищенных слоев населения будут исключены из процесса получения качественного образования.

Новшества, возникающие в связи с активным внедрением цифровых технологий, также отразились на особенностях вовлеченности родителей в учебный процесс. С одной стороны, школа и учитель перестали быть единственным источником знаний и даже без боя отдали часть своих учебных функций образовательным платформам. При этом, однако, на родителях остался груз ответственности за образование детей. В соответствии с предложенной Д. Эпштейн моделью вовлеченности родителей [Epstein, 1987] дистанционное обучение потребовало от них большего участия в повседневных учебных практиках ребенка, а также способствовало повышению коммуникативной активности между родителями и школой. Но дальнейшего развития степень вовлеченности так и не получила. Родители высказывали пожелания по организации дистанционного обучения, но школой они не были учтены.

Результаты опроса школьников и их родителей показали, что пока дистанционное обучение не получило должной поддержки со стороны этих групп, несмотря на имеющиеся плюсы этой формы учения. Появившаяся в условиях пандемии возможность для сравнения показала значительные плюсы традиционного образования, его незаменимость в плане реализации межличностной коммуникации школьников друг с другом и с педагогами, получения знаний, социального опыта. Родители также отметили позитивную роль школы и сложности в реализации обучения

² Юшков М. Беглов попросил петербуржцев поделиться лишними ноутбуками со школьниками // РБК. 05.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/04/2020/5e89c6559a7947e8484bae4b> (дата обращения: 20.08.2020).

дома. Для более детальной оценки дистанционного обучения необходимо также обратиться к опыту школ, принадлежащих к другим кластерам, чтобы проанализировать роль социально-экономического и культурного факторов.

Список литературы

1. Вербицкий А. А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Homo Cyberus. 2019. № 1 (6). URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 10.05.2020).
2. Власова Т. А., Макарова М. Н. Как родители включены во внутришкольные формы взаимодействия? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2 (85). С. 74—87.
3. Epstein J. L. (1987) Teacher Practices of Parent Involvement: What Research Says to Teachers and Administrators. *Education and Urban Society*. Vol. 19. No. 2. P. 119—136.

П. П. Дерюгин, О. В. Ярмак, Е. В. Страшко

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ МИРОВОГО УРОВНЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ДЕРЮГИН Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ppd1@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5380-8498

ЯРМАК Ольга Валерьевна — кандидат социологических наук, руководитель центра социологических исследований, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-MAIL: olga_yarmak@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5025-9112

СТРАШКО Екатерина Викторовна — кандидат экономических наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-MAIL: katyastrashko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8891-8155

Аннотация. Согласно требованиям времени и решениям государственной политики, университеты должны стать центрами формирования городской среды и притяжения талантов, новых инициатив, инноваций и инвестиций — фактически местом формирования человеческого капитала. Города, в которых расположены ведущие вузы — опорные университеты, становятся драйверами развития своих регионов, что дает возможность формировать центры прорыва в стратегически значимых регионах России. В этой связи создание научно-образовательных центров в рамках нацпроекта «Наука» становится фактором стимулирования региональных экономик, получения результатов мирового уровня для форсированного развития страны. Авторы предлагают к рассмотрению программу социологического исследования научно-образовательных центров российских регионов как фактора формирования человеческого капитала. В рамках исследования будет осуществлен системный анализ человеческого капитала региона с определением его объема, будет получена экспертная оценка требуемого эталона человеческого капитала, а именно необходимой когнитив-

ной карты компетенций носителя человеческого капитала как будущего сотрудника создаваемого научно-образовательного центра, и социологические данные о компетентностных и ценностно-смысловых составляющих регионального студенчества как человеческого капитала региона. Полученные данные позволят обосновать роль научно-образовательных центров в формировании человеческого капитала в России и осуществить прогноз развития человеческого капитала на среднесрочную и дальнюю перспективу. Результаты исследования позволят региональным структурам выстроить успешную траекторию мероприятий по развитию человеческого капитала в российских регионах.

Ключевые слова: научно-образовательные центры, человеческий капитал, сетевой подход

Благодарность. Исследование осуществляется при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента „О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года“».

Обязательным условием функционирования научно-образовательных центров (НОЦ) в рамках нацпроекта «Наука» является создание центров развития компетенций руководителей научных проектов и лабораторий, создаваемых на базе НОЦ. Такие центры должны будут подготовить не менее 4 тысяч управленцев для НОЦ к 2024 г. и закрыть потребности образовательных, научных организаций, промышленных партнеров НОЦ в высококвалифицированных кадрах и управленцах среднего звена. НОЦ, таким образом, должны не только обеспечить рывок региональных экономик и достичь результатов мирового уровня, но и внести определяющий вклад в дело подготовки нового класса управленцев в области науки, образования и инноваций.

Человеческий капитал — это социальный фактор развития общества, неразрывно связанный с человеком как с его носителем, с его интеллектом, ценностно-смысловой и компетентностной системой. Если объективные данные об объеме или потенциале человеческого капитала региона можно получить, то его социальная эффективность измеряется с помощью социологических методик.

В основе предлагаемой нами методики измерения социальной эффективности человеческого капитала лежит, с одной стороны, подход делегирования как системы отбора носителей человеческого капитала в научно-образовательные центры, с другой стороны, подход сетевой диагностики ценностных ориентаций носителей человеческого капитала, их немонетарных характеристик — ценностей, мотиваций, интересов, компетенций. Кроме того, предполагаемый подход позволит оценить монетарные свойства человеческого капитала — здоровья, уровня образования, квалификации и т. д. Социальными институтами, оказывающими влияние на формирование немонетарных свойств человеческого капитала, являются семья и происхождение, социальное окружение индивида и его социальная среда, культура, религиозные и национальные традиции, идеология, образование, финансовое положение, а монетарные характеристики образуют институты производства, предпринимательства, наемного труда, корпоративной культуры, сетевого управления, цифровой экономики.

Проект предполагает проведение комплексного социологического исследования, которое будет построено на триангуляции методов — системном анализе человеческого капитала региона (его объема в данном регионе и внешних притоков из других); экспертных интервью с представителями бизнес-сообщества и вузовского руководства — опорных университетских баз НОЦ и руководства самих НОЦ; интернет-анкетирования студенчества российских регионов, в которых планируется создание НОЦ. Системный анализ позволит определить объем человеческого капитала региона, в котором создается НОЦ. Данный этап анализа также позволит оценить монетарные характеристики человеческого капитала региона (объем нереализованного на рынке труда человеческого капитала, число родившихся в регионе за год, количество студентов и выпускников высших и среднеспециальных учреждений в регионе и объем экономически активного населения). Экспертные интервью позволят получить качественную оценку требуемого эталона человеческого капитала, а именно необходимой когнитивной карты компетенций и образца ценностно-смысловой структуры, которыми должен обладать носитель человеческого капитала как будущий сотрудник создаваемого НОЦ. Интернет-анкетирование вузовского студенчества в регионах с создаваемыми НОЦ определит имеющийся индивидуальный уровень человеческого капитала региона, его компетентностную и ценностно-смысловую составляющие.

Объектом нашего исследования является человеческий капитал российских регионов, в которых планируются к созданию НОЦ, а пред-

метод — его характеристики как социального феномена. Считаем необходимым структурировать уровни анализа человеческого капитала на региональном, организационном и индивидуальном уровнях. В рамках нашего исследования региональный уровень человеческого капитала рассматривается посредством сравнительного анализа количества родившихся в регионе за год, то есть притока резерва человеческого капитала; количества выпускников вузов за год, то есть уровня образованности резерва человеческого капитала; количества студентов вузов, обучающихся по направлениям работы создаваемого НОЦ, то есть уровня компетентности резерва человеческого капитала; количество экономически активного населения в регионе, то есть имеющегося объема человеческого капитала региона. На организационном уровне человеческого капитала возможно определение требуемого эталона когнитивной карты компетенций и ожидаемой ценностно-смысловой структуры будущего сотрудника НОЦ посредством понимания необходимых образовательных, научных и цифровых компетенций, значимости ценности научной солидарности, прагматических, профессиональных и цифровых ценностей, ценностей качества жизни, патриотических установок, ориентации на профессиональный рост и научные возможности мирового уровня. На индивидуальном уровне человеческого капитала будут получены данные о реальных характеристиках человеческого капитала российских регионов.

Экспертные интервью позволят получить информацию о представлении когнитивной карты компетенций ожидаемого специалиста НОЦ, то есть требуемый набор образовательных, научных, цифровых компетенций специалиста НОЦ; его гражданскую позицию (значимость участия в общественной жизни страны и региона, понимание целей создания НОЦ для региона и государства); ценности научной солидарности и партнерства, готовность к научным контактам. Экспертная оценка влияния образовательного процесса поможет понять контуры воздействия преподавателя на процесс формирования компетенций будущего специалиста НОЦ, а оценка фактора социального окружения и семьи — на его ценности.

Интернет-анкетирование вузовского студенчества в регионах, в которых будут работать российские НОЦ, позволит получить региональную палитру социологических данных: о гражданской позиции студента как будущего специалиста НОЦ, о компетентностной структуре, ценностях научной солидарности и установках на научное сотрудничество регионального студенчества, о ценностно-смысловой структуре студенческого

сознания, о факторах, воздействующих на формирование ценностно-смысловой и компетентностной системы студенчества (фактор региона, воздействие образования и профессиональных способностей преподавателя, воздействие социального окружения, происхождения и семьи, фактор экономической и профессиональной мотивации).

Факторная операционализация описанных показателей будет осуществляется в зависимости от ряда характеристик респондентов: демографических (возраст и пол), статусных (уровень образования, место проживания, наличие опыта управленческой работы), приобретенных (ценностный капитал, профессиональные и цифровые компетенции), данных от рождения (происхождение, семья, уровень материального положения).

Таким образом, предполагаем, что данная методика измерения социальной эффективности человеческого капитала в рамках создания российских научно-образовательных центров мирового уровня и предложенная эмпирическая модель социологического исследования позволят оценить как эффективность имеющегося человеческого капитала в регионе (включая его монетарные и немонетарные характеристики), так и проанализировать влияние регионального, образовательного и среднего факторов, понять ценностную иерархию, компетентностную структуру и установки на научную солидарность, ориентированность на сетевое научное сотрудничество и цифровые технологии регионального вузовского студенчества, что позволит описать требуемый эталон специалиста НОЦ и предложить рекомендации для его успешного достижения.

С. Н. Большаков

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: КРИТИКА ТЕОРИЙ И БОГАТСТВО ИЗМЕРЕНИЙ

БОЛЬШАКОВ Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, Москва, Россия; профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Snbolshakov@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на поиске онтологических, эпистемологических, методологических и теоретических основ социологии. Констатируется наличие различной исследовательской оптики гносеологических и онтологических основ социологии. Западные социологи обращаются к функциям, которые берет на себя социология образования. Анализируются поиски эпистемологического контекста исследовательских практик, позитивизма в построении методологии социологии образования. Все большее исследовательское внимание уделяется новым механизмам управления образованием, государственным образовательным услугам, которые рассматривают как новые способы разрешения проблем общественных потребностей и легитимации институтов в условиях вызовов, стоящих перед государством. Результаты социологических исследований демонстрируют негативные общественные оценки стратегии развития системы высшего образования в США, большинство респондентов считают, что «все идет не в ту сторону», причем демократы настроены более скептически, чем республиканцы.

Ключевые слова: социология образования, институты образования, молодежь

Онтологические, эпистемологические, методологические и теоретические основы социологии подвергаются критике. Гносеологические и онтологические основы социологии в условиях кризиса стали во многом спорными. Различия между социальной системой и окружающей средой предоставляют возможность воспринимать человека более сложным и менее ограниченным образом. Современный человек объективно интерпретируется как неотъемлемая часть социального

порядка, потому что является неотъемлемой частью окружающей среды социальной системы.

Западные социологи в своих исследованиях обращаются к функциям, которые берет на себя социология образования. Выделяется акцент на поиск эпистемологического фундамента, который отличается от существующих исследовательских практик, во многом опирающихся на позитивизм в построении методологии социологии образования. Кроме того, социология образования пытается разрешить существующие теоретические трудности в конструировании исследовательских подходов, отличных от социологии в целом [Saha, 2008: 303].

Все больше внимания исследователи уделяют новым механизмам управления образованием, государственным образовательным услугам, которые рассматривают как новые способы разрешения общественных проблем и легитимации институтов в условиях вызовов, стоящих перед государством в ситуации, когда традиционное кейнсианское «государство всеобщего благосостояния» уже нежизнеспособно.

Нынешние изменения в образовательной политике современных демократических государств могут быть связаны с переопределением характера взаимоотношений государства и гражданского общества.

Исследования американских институтов (Гэллапа, Пью, Калифорнийского университета и др.)³ констатируют, что почти две трети респондентов в США участвуют в социальных общественных организациях, состоят в общественных группах, каждый десятый — в четырех или более общественных группах (данные на 2019 г.).

В общенациональном социологическом опросе США, проведенном в декабре 2017 г., респондентов спрашивали, были ли они активны в каких-то конкретных общественных группах: церковные организации, благотворительные или волонтерские организации, профессиональные ассоциации, община/сообщества соседей, группа родителей или молодежная организация, творческие коллективы и ветеранские организации. Исследование показало, что, как правило, респонденты среди взрослых, которые лучше образованы и более обеспечены, с большей вероятностью вовлечены в деятельность общины или социальной группы. Большинство выпускников колледжей сотрудничают по крайней мере в одной общественной группе (70% респондентов), из них 43% религиозны (приверженцы христианской религии, в том числе протестанты, евангелисты и пр.).

³ См. <https://www.gallup.com/home.aspx>, <https://www.pewresearch.org>, <https://www.igs.berkeley.edu/research/berkeley-igs-poll>.

Характеристики данной группы интересны тем, что они достаточно молоды: 46% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет, из них 41% белые, 38% афроамериканцы, 51% респондентов латиноамериканского происхождения. По религиозной принадлежности выделяются протестанты — 61% участвуют по крайней мере в одной общественной группе, а 12% респондентов отмечают, что они участвуют в четырех или более общественных организациях. 72% респондентов еврейского происхождения отмечают, что они участвуют по крайней мере в одной общественной группе, четверть из них (24%) участвуют в четырех или более общественных объединениях.

Роль института высшего образования в американском обществе активно трансформируется, исследования показывают, что только половина взрослых американцев считает, что колледжи и университеты оказывают положительное влияние на состояние дел в стране. Четыре из десяти респондентов (38% в исследованиях 2019 г.) говорят о негативном влиянии институтов образования (по сравнению с 26% респондентов в 2012 г.). Исследования также показывают, что рост негатива в общественных настроениях США доминирует в среде республиканцев и независимых сторонников партий, склоняющихся к позициям республиканцев. В период с 2015 по 2019 гг., по мнению респондентов, доля института образования (колледжей, университетов), негативно влияющих на США, выросла с 37% до 59% среди этой группы. За тот же период взгляды на роль института образования демократов и сторонников демократов, оставались стабильными и положительными.

Партийно-политический двухтактный механизм оказал влияние и на общественную оценку роли института образования в американском обществе. В период с 2015 по 2018 г. доля американцев, заявивших, что они имеют большую уверенность в роли высшего образования, снизилась с 57% до 48%, наибольший спад данной оценки был зафиксирован среди приверженцев республиканской партии (с 56% до 39%), в отличие от менее негативной оценки среди сторонников демократической партии (с 68% до 62%).

Результаты социологических исследований демонстрируют негативные общественные оценки стратегии развития системы высшего образования в США, большинство респондентов (61%) подчеркивают, что «все идет не в ту сторону», причем демократы настроены более скептически, чем республиканцы (73% против 52%).

Большинство сторонников и республиканцев (77%), и демократов (92%) видят основной причиной негативных настроений общества в от-

ношении высшего образования в высокой стоимости обучения, что является ключевой причиной негативной траектории движения и колледжей, и университетов.

Примерно восемь из десяти респондентов сторонников республиканцев (79%) считают негативным фактором то, что профессорский состав университетов привносит свои политические и социальные взгляды в студенческие аудитории, и это является основной причиной, по которой система высшего образования движется в неправильном направлении (демократов, поддерживающих данный фактор, 17%). Три четверти республиканцев (75%) — против 31% демократов — выделяют в качестве негатива слишком «большую заботу» о защите студентов от тех или иных «неправильных» взглядов, которые они могут счесть оскорбительными.

Сторонники республиканской партии больше внимания уделяют политическим и идеологическим факторам: 32% заявили, что колледжи и университеты слишком политичны или слишком либеральны (данный фактор поддержал 1% демократов). Каждый пятый сторонник республиканцев (21%) указал на то, что вузовская среда не позволяет студентам думать самостоятельно, выдвигать и отстаивать свою собственную повестку дня, что, по их мнению, является причиной недоверия к колледжам и университетам.

Таким образом, исследования социологии образования позволяют выявить не только тренды общественных настроений относительно института образования, но и зафиксировать общественные оценки состояния государственной образовательной политики, либеральных, неокейнсианских механизмов ее реализации. Важна оценка роли института образования в формировании гражданского общества, организации взаимодействия государства и образовательных организаций.

Список литературы

Saha L. J. (2008) *Sociology of education 21st century education: A reference handbook*. Sage Publications.

В. Е. Ярмак

СОЗДАНИЕ РОССИЙСКИХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО УРОВНЯ: ИТОГИ 2019 ГОДА

ЯРМАК Вероника Евгеньевна — магистрант кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: veronika_arkhipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3261-0415

Аннотация. Россия обладает практически неограниченными природно-территориальными потенциалами, потенциалами экономического и социального роста, но эти ресурсы остаются во многом нереализованными по причинам отрыва возможностей человеческого капитала россиян от экономического и социального капиталов. Исследовательский проект нацеливается на изучение причин, по которым достаточно высокий уровень интеллектуального потенциала россиян слабо трансформируется в экономический рост, социальное благополучие и развитие общества, а также на поиск моделей преодоления этого разрыва. Уровень научной значимости проекта заключен в формировании концепции активизации человеческого капитала. Замысел проекта выражается в объяснении фундаментального содержания интеграции человеческого капитала россиян с экономическим и социальным капиталами, которая невозможна без создания научно-образовательных центров мирового уровня, формирующихся из состава ведущих научных сотрудников образовательных организаций во взаимодействии с предприятиями реальных секторов экономики.

Ключевые слова: научно-образовательные центры, человеческий капитал, сетевой подход.

Благодарность. Исследование осуществляется при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента „О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года“».

В 2019 г. в России создано семь из 16 научных центров мирового уровня, в том числе четыре математических и три геномных. Уделяется внимание вопросу равномерного распределения их по территории страны с целью поддержки регионов. Что касается региональных НОЦ, то первый — 2019 — год функционирования пилотной волны научно-образовательных центров мирового уровня показал следующие результаты.

Западно-Сибирский НОЦ, Тюмень:

- 1) Осуществлена экспертная работа над программой НОЦ.
- 2) Начал работу Центр комплексного развития компетенций руководителей научных, научно-технических проектов и лабораторий.
- 3) Выделены ресурсы областного бюджета на поддержку создания лабораторного комплекса по биобезопасности, что является ключевым направлением данного НОЦ. Западно-Сибирский межрегиональный НОЦ в приоритетном порядке займется решением проблем биологической безопасности. Результаты научных исследований, которые будут проводиться под эгидой этого НОЦ, вписываются в контекст глобальной повестки.
- 4) Правительством Тюменской области будет запущен открытый конкурс региональных мегагрантов на реализацию проектов ведущих ученых.
- 5) ТюмГУ является базовой площадкой для совместного НОЦ Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В НОЦ вошли десять вузов региона, крупные научно-исследовательские институты и центры, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, а также компании реального сектора экономики: ООО «УГМК-Агро», ООО «Синергия» и ООО «2050. ДИДЖИТАЛ».

НОЦ «Кузбасс», Кемеровская область:

- 1) Осуществлена оценка реализуемых проектов в разрезе федеральной и мировой повестки, обсуждены вопросы сотрудничества Минобрнауки и НОЦ «Кузбасс».
- 2) Открыт Центр развития компетенций НОЦ «Кузбасс».
- 3) Ученые КемГУ презентовали проекты по культивированию лекарственных растений, разработке технологии получения сухого меда, антигололедных реагентов, технологии получения биоразлагаемых упаковочных материалов, реализуемые совместно с промышленными партнерами — компаниями «Артлайф» и «Кузбасский бройлер».

4) Подписано соглашение о сотрудничестве Кузбасса и Японии по вопросам реализации научно-технических и инновационных проектов, направленных на снижение экологической нагрузки при добыче угля и развитие угольной энергетики, в рамках которого прорабатываются перспективы международного сотрудничества по проекту НОЦ «Чистый уголь — зеленый Кузбасс».

Нижегородский НОЦ «ТехНОПлатформа 20.35», Нижегородская область:

1) Проработана система управления и ключевых проектов основных направлений деятельности НОЦ мирового уровня Нижегородской области, а именно: инновационные производства, компоненты и материалы; интеллектуальные транспортные системы; высокотехнологичная персонализированная медицина и медицинское приборостроение; передовые цифровые технологии; экология и ликвидация накопленного экологического ущерба.

2) Достигнуты первые успехи команды Нижегородского НОЦ под руководством губернатора региона Глеба Никитина: открытие завода Оргхим в Малайзии, запуск завода по производству сырья для аддитивных технологий Русполимет, создание математического отделения РФЯЦ-ВНИИЭФ «Саров» в Университете Лобачевского.

НОЦ: «Инновационные решения в АПК», Белгород:

1) НОЦ «Инновационные решения в АПК» — это логическое продолжение последовательной экономической политики Белгородской области по укреплению своих позиций в экономическом и социокультурном пространстве Российской Федерации как территории инноваций и лидера сельскохозяйственного производства страны.

2) Определены направления научных исследований НОЦ: биотехнологии, селекционно-генетические исследования, клеточные технологии и генная инженерия (генетика животных и растений), цифровая трансформация АПК и ресурсосберегающие технологии, технологии продуктов функционального, здорового питания, хранение и переработка сельскохозяйственной продукции.

3) Определены ключевые проекты НОЦ: «Микробиологический синтез линейки незаменимых аминокислот», «Микробиологическая трансформация (ферментация) шротов», «Разработка микробиологических удобрений для управления ростом и развитием растений» («Умные удобрения»), «Отечественные породы свиней», «Отечественные высокопродуктивные мяс-

ные кроссы бройлерного типа», «Белгородская сирень», «Цифровая трансформация АПК Белгородской области и агропромышленный инжиниринг».

НОЦ «Рациональное недропользование», Пермь:

1) Определены направления работы НОЦ: твердые полезные ископаемые, углеводороды, химические технологии, энергетическое машиностроение, новые материалы и вещества, экология и безопасность, цифровизация и роботизация.

2) Определен состав НОЦ: 105 лабораторий и кафедр, более 700 исследователей, свыше 5 тыс. инженеров отраслевых институтов и технологических компаний со всей России.

3) Определены партнеры НОЦ: более 50 крупнейших российских компаний, в том числе пермских (таких как НПО «Аэросфера», «Росгеология», «Пермгеологодобыча», ОАО «Пермгеолнеруд»).

Представители центров первой волны — НОЦ «Инновационные решения в АПК» (Белгород), НОЦ «Кузбасс» (Кемеровская область, базовая площадка — Кемеровский госуниверситет), НОЦ «Техноплатформа 2035» (Нижегородская область, Университет Лобачевского — ННГУ), НОЦ Западно-Сибирский межрегиональный научно-образовательный центр (Тюменский государственный университет), Пермский НОЦ, — сформулировали ключевые положения своей работы в регионах: полнота инновационного цикла, ориентация на молодежь, включение в общероссийские и международные цепочки сотрудничества.

Ожидаемые результаты нашего исследовательского проекта и их значимость определяются целями создаваемых НОЦ — важностью подготовки специалистов, повышения уровня жизни граждан в регионах, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации, в конечном счете — повышения конкурентоспособности России в мире за счет человеческого потенциала и обеспечения на этой основе прорывного научно-технологического и социально-экономического развития РФ. Научная новизна нашего исследования состоит в анализе современного опыта России, свидетельствующего, что объединение науки, образования и производства являются базовой основой концептуальной модели стимулирования потенциалов человеческого капитала россиян и обеспечения конкурентоспособности России в мировом пространстве.

Н. А. Селиверстова, М. Г. Солнышкина

ТРУДНОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

СЕЛИВЕРСТОВА Нина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, Россия

E-MAIL: nseliverstova@mosgu.ru

СОЛНЫШКИНА Марина Георгиевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы Государственного университета «Дубна», Россия, Дубна

E-MAIL: solny2001@mail.ru

Аннотация. На материалах целевых автобиографий и «гайд-интервью» студентов-заочников описаны трудности повседневной жизни студентов-заочников как параметры, определяющие ее стиль. Показано, что у студентов-заочников меняются темпоральные характеристики повседневности, изменяется бюджет времени жизни. Выделена основная проблема — дефицит времени (на подготовку к занятиям, увлечения, встречи с друзьями, сон). Для значительной части студентов проблематично совмещение работы и учебы. Выделена психологическая проблема, осложняющая жизнедеятельность, — отсутствие поддержки близкого человека. В субъективном восприятии заочника его жизнь однообразна и вписывается в схему «дом — работа — дом и периодически учеба». Авторы констатируют устойчивость заочного обучения как образовательного тренда высшей школы, несмотря на сложности интеграции стилей жизни и сохранения жизненной гармонии.

Ключевые слова: высшая школа, студент-заочник, трудности повседневной жизни, целевая автобиография, «гайд-интервью».

Заочное обучение в высшей школе анализируется в сравнении с очной формой, качеством образования [Чередниченко, 2018], социально-демографическими характеристиками студентов, их позициями на рынке труда после окончания вуза и т. д. [Чередниченко, 2019]. За рамками исследований остаются вопросы о том, как заочное обучение меняет повседневную жизнь работающего студента. Некоторое представление об этом

дает исследование «Жизненные траектории студентов-заочников» (декабрь 2019 — март 2020).

Фокус исследования был направлен на студентов направлений «Социальная работа» и «Психолого-педагогическое образование». Методы исследования — целевая автобиография по предложенному шаблону и «интервью-гайд» (темы гайда: отношение к заочному образованию, цель обучения, трудности, возникающие в связи с обучением на заочной форме и др.). Собрано 30 кейсов (автобиографий и материалов интервьюирования) студентов бакалавриата и магистратуры в четырех университетах Москвы и Московской области. Выборочную совокупность представляют 29 женщин в возрасте от 18 до 55 лет и мужчина 54 лет. Абсолютное большинство студенток не замужем, бездетные.

В данной статье приводится анализ материалов интервьюирования о трудностях в семейной, трудовой, образовательной, досуговой сферах, которые выделены как параметры повседневности, формирующие стиль жизни студентов-заочников. Треть информантов отрицают какие-либо трудности в своей повседневной жизни. Среди них и особенный кейс Марии К., 18 лет, имеющей ограниченные возможности здоровья. На субботние занятия ее сопровождают родители. Для нее заочное обучение — один из немногочисленных доступных каналов высшего образования. Ее ответ лаконичен, но очевиден в контексте автобиографии: «Трудностей нет, одни «плюсы»».

Две трети участников признают наличие проблем в их повседневной жизни. Заочная форма обучения привлекательна возможностью совмещения учебы и работы. Однако эта возможность для части студентов не обеспечена. Возникает необходимость меняться сменами для того, чтобы присутствовать на занятиях, или возвращаться во время сессий на работу, чтобы *«выполнять задания и поручения»*, пропускать занятия из-за работы. В случае Ольги Г., 40 л., несколько иная проблема совмещения: *«...тяжело совмещать учебу и личное подсобное хозяйство (мелкий рогатый скот и птица)... очень часто там возникают форс-мажоры разного характера, и я всегда рискую опозданием на учебу и нехваткой времени на выполнение домашних заданий»*.

Основная же трудность — это дефицит времени. Практики, на которые не хватает времени, не только демонстрируют проблемы, но и отчасти свидетельствуют о приоритетах и/или возможностях студентов: *«очень мало времени остается на выполнение домашних заданий»* (Марина А., 55 лет). Временные затраты увеличиваются и на освоение изучаемого

материала: «...Не всегда успеваю усваивать или разобрать новый материал и приходится затрачивать еще некоторое время, чтобы разобраться в каком-либо вопросе... не хватает времени на свое хобби» (Ирина, 23 г.). «Бывает, что недостаточно информации получено по определенным дисциплинам, так как выделено недостаточное количество часов...» (Нонна С., 23 г.). Есть и такая сложность: «...С трудом заставляю ходить себя на предметы, которые вообще не нужны... сложно вставить по субботам» (Ангелина З., 22 г.).

Нехватка времени ведет к неудовлетворенным потребностям: «Не хватает времени на встречи с друзьями» (Вероника, 22 г.); «Досуг, отдых и сон из-за учебы отсутствуют вообще. Так как я являюсь руководителем и в подчинении у меня больше 50 человек, я работу беру на дом и, естественно, на доклады и рефераты просто нет времени. Сон менее 5 часов, а это сказывается на общем самочувствии» (Светлана М., 44 г.); «Нет возможности полноценно работать» (Марк, 54 г.). Валентине Н., 22 года, повседневную жизнь осложняет психологическая проблема: «...Сталкиваюсь с трудностями непонимания молодого человека, зачем мне это образование и с какой целью я трачу на это время?»

Бюджет времени, темпоральные характеристики повседневной жизни студентов-заочников отражают специфику их социального времени. Темпоральный режим жизнедеятельности студентов-заочников можно охарактеризовать как нелинейный, сложный, многофакторный, что рассматривается как конструктивная стратегия жизни [Амбарова, Зборовский, 2015]. В целом повседневная жизнь студента-заочника описана Валерией М., 23 г.: «Катастрофическая нехватка времени на всё. В итоге у тебя остается один выходной в неделю — воскресенье, который ты проводишь за домашними делами (закупка продуктов, уборка, и т. п.) и подготовкой к рабочей неделе. Жизнь становится достаточно однообразной, сил на развлечения и хобби остается мало». Повседневная жизнь студента-заочника укладывается в схему «дом — работа — дом и периодически учеба», практически недостижимо сохранение гармонии между личной жизнью и заочным образованием, что особенно выражено у карьерно-ориентированных студентов, функционирующих в режиме «нелинейного» времени.

Несмотря на то что заочное обучение осложняет повседневную жизнь студентов, оно остается устойчивым трендом высшего образования. Это не только инструмент смены профессии, этап продуманной карьерной стратегии, но для кого-то — гарантия трудовой занятости или способ

легитимации занимаемого профессионального статуса. А кто-то учится впрок, на будущее, не имея конкретных профессиональных целей. Есть и те, кто приходит за дипломом о высшем образовании. По многолетним наблюдениям авторов исследования, среди женщин в возрасте 50+ заочное обучение рассматривается как способ разнообразить свою жизнь.

Абсолютное большинство информантов (28) положительно относятся к заочному обучению. Они отмечают профессионализм преподавателей, их готовность прийти на помощь, ценят возможность консультаций с ними. Авторы согласны с одной из участниц исследования: «заочное образование — образование для взрослых людей». Преподавательский опыт авторов показывает, что в массе своей студенты-заочники обладают более высокой мотивацией по сравнению со студентами очной формы, но часть из них имеет невысокий уровень базовых знаний.

Список литературы

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральная стратегия поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 61—71.
2. Чередниченко Г. А. Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 254—282.
3. Чередниченко Г. А. Заочник высшей школы: учеба и после выпуска // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2 (26). С. 47—62.

Человек и искусственная социальность

Г. О. Сибилев

МОДЕЛИРОВАНИЕ МАШИНОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ПО АНАЛИЗУ СУЖДЕНИЙ БУДУЩИХ РАЗРАБОТЧИКОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

СИБИЛЕВ Григорий Олегович — бакалавр по направлению «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» Международной школы «Медицина будущего» и кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Институт социальных наук Первого МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

E-MAIL: sibilevgrigory@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4570-8956

Аннотация. Одним из серьезных вызовов современности является внедрение искусственного интеллекта в сферу принятия решений. Будут ли алгоритмы участвовать в принятии таких решений, которые касаются права на жизнь? Алгоритмы искусственного интеллекта создаются и обучаются человеком, что ставит во главу угла готовность людей отстаивать в мире машин свои моральные и этические устои в целях самосохранения. Для того чтобы понять, насколько устойчива и глубока гуманистическая позиция среди тех, кто в ближайшем будущем будет разрабатывать и внедрять в жизнь искусственный интеллект, — студентов, было проведено специальное социологическое исследование. Результаты соцопроса подверглись моделированию, которое показало, что искусственный интеллект, имеющий созданную на основе моделирования логическую схему, был бы далек от гуманистической позиции.

Ключевые слова: онлайн-соцопрос, фокус-группа, этика, логика, аборт, эвтаназия, смертная казнь, гуманизм, молодежь

По мере развития научно-технического прогресса социологи описывали возникающие риски для человечества. Макс Вебер отмечал прогрессирование рациональности в обществе [Вебер, 1990], Юрген Хабермас писал, что общество переходит к модели человека произведенного «*homo fabricatus*» [Хабермас, 2007а, 2007б]. Жак Эллюль называл технику сре-

дой обитания человека [Эллюль, 1986], Эрих Фромм сравнивал выбор человека между роботизмом и гуманизмом с библейским выбором между жизнью и смертью [Фромм, 2009]. Появился термин «нечеловеческая социология», введенный в научный дискурс российским социологом А. В. Кулешовой [Гаврилина, Петрова, 2019].

Согласно определению искусственного интеллекта (ИИ), эта технология представляет собой ансамбль закодированных человеком рационально-логических правил [Резаев, Трегубова, 2019]. Проведенный в России социологический опрос чат-ботов¹ выявил способность алгоритмов объяснить человеку «самих себя». Возникает новый вызов современности — могут ли алгоритмы внедриться в сферу принятия решений в отношении права на жизнь? Право человека на жизнь было закреплено во Всеобщей декларации прав человека ООН, принятой Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 г. после Второй мировой войны и преодоления евгенической фашистской идеологии. Алгоритмы создаются и обучаются человеком, что ставит во главу угла готовность самих людей отстаивать в мире машин свои моральные и этические устои в целях самосохранения.

Целью данного исследования, проводимого под эгидой студенческого научного кружка по социологии медицины Института социальных наук Сеченовского Университета, было выявление нарушений логики в последовательных ответах студентов по теме сохранения жизни против выбора смерти, чтобы понять, насколько устойчива и глубока гуманистическая позиция среди тех, кто в ближайшем будущем будет разрабатывать и внедрять в жизнь алгоритмы ИИ.

Методика и результаты. Исследование было выполнено в два этапа: фокус-группа и социологический опрос, созданный на онлайн-платформе «Яндекс. Формы». Участниками стали 26 студентов в возрасте 18—19 лет (65% девушек и 35% юношей). Ответы на вопросы были рассмотрены как система логических алгебраических высказываний и приведены в однозначное значение «да» (жизнь есть) или «нет» (жизни нет). В учении о логике алгебра высказываний относится к алгебре Буля и происходит от логики Аристотеля [Гуц, 2003]. Два высказывания через бинарную логическую связь конъюнкции (союз «и», AND) создают новое целостное суждение [Коэн, Нагель, 2010]. Моделирование показало логику алгоритма ИИ, условно «созданного» опрошенными студентами. Было

¹ Фирсов А. В. О чем говорят роботы? Первый социологический опрос чат-ботов // ЦСП «Платформа». 2019. URL: <http://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty> (дата обращения: 25.08.2020).

сформировано шесть бинарных логических цепей Logic gates (см. табл. 1). На рисунке 1 изображена итоговая логическая схема. Доля бинарных выводов в пользу жизни составила всего 24 %.

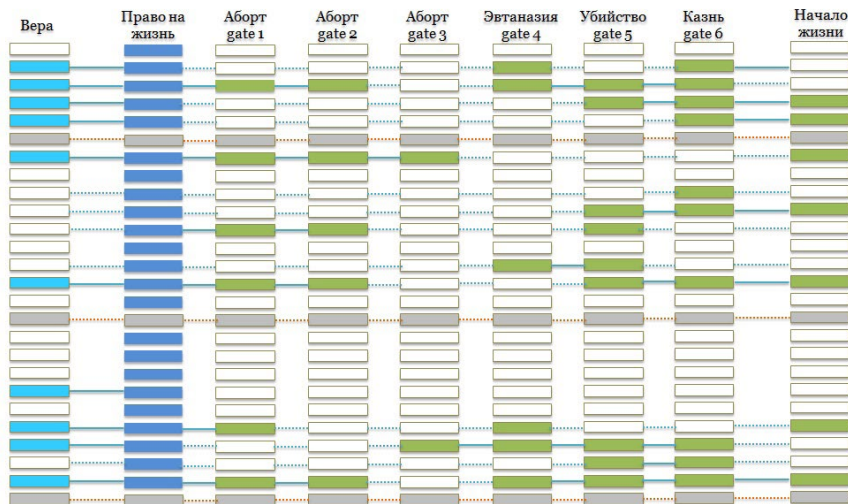

Рисунок 1. Визуализация анализа логической последовательности в ответах 26 респондентов (каждая горизонтальная цепь соответствует одному респонденту)

Обозначения:

Горизонтальные цепи из серых маркеров — три респондента, все ответы которых логически суммировались из конъюнктов в выводы в пользу смерти.

Столбик «Вера»: белый и серый маркеры — указание на атеизм; голубой маркер — указание на религиозные взгляды.

Столбик «Право на жизнь»: синий маркер — ответ «да», каждый человек имеет право на жизнь; серый маркер — ответ «нет».

Столбики gates 1—6 — см. подробно в таблице 1; белый и серый маркеры — вывод «0», в пользу смерти; зеленый маркер — вывод «1», в пользу жизни.

Столбик «Начало жизни» — мнение респондента о том, когда начинается жизнь человека; белый и серый маркеры — с момента рождения; зеленый маркер — с момента зачатия или на раннем этапе эмбрионального развития.

Таблица 1. Таблица истинности для бинарной конъюнкции

Параметр А	Параметр В	$A \wedge B$
Logic gate 1		
Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, жизнь — высшая ценность. Разделяете ли Вы это положение?	Считаете ли Вы, что аборт — это фактическое убийство?	AND gate
0 (нет)	0 (нет)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (да)	1 (жизнь есть)
Logic gate 2		
Считаете ли Вы, что аборт — это фактическое убийство?	Считаете ли Вы, что аборт должен быть запрещен?	AND gate
0 (нет)	0 (нет)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (да)	1 (жизнь есть)
Logic gate 3		
Считаете ли Вы, что наивысшая ценность для врачей и врачебного дела — это сохранение жизни человека?	Как Вы думаете, нужно ли запретить врачам проводить аборт?	AND gate
0 (нет)	0 (нет)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (да)	1 (жизнь есть)
Logic gate 4		
Считаете ли Вы, что наивысшая ценность для врачей и врачебного дела — это сохранение жизни человека?	Как Вы думаете, нужно ли запретить врачам проводить эвтаназию?	AND gate
0 (нет)	0 (нет)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (да)	1 (жизнь есть)

Параметр А	Параметр В	А ^ В
Logic gate 5		
Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, жизнь — высшая ценность. Разделяете ли Вы это положение?	Согласны ли Вы, что любое преднамеренное убийство, совершенное не в целях самообороны, не может быть оправдано и должно преследоваться законом?	AND gate
0 (нет)	0 (нет)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (да)	1 (жизнь есть)
Logic gate 6		
Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, жизнь — высшая ценность. Разделяете ли Вы это положение?	Как Вы думаете, допустима ли смертная казнь как правовая практика?	AND gate
0 (нет)	0 (да)	0 (жизни нет)
0 (нет)	1 (нет)	0 (жизни нет)
1 (да)	0 (да)	0 (жизни нет)
1 (да)	1 (нет)	1 (жизнь есть)

Выводы. Моделирование показало, что если бы такая логическая схема была заложена разработчиками в ИИ, то он был бы далек от гуманистической позиции. Это указывает на крайнюю необходимость углубленного гуманитарного образования студентов, которые в будущем будут создавать и внедрять в социум алгоритмы ИИ. Существенное влияние на полученные результаты оказывает социальная и медицинская культура современного общества, в которой нет консенсуса по всем заявленным тематикам выбора между жизнью и смертью.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
2. Гаврилина Е. А., Петрова И. Э. (Не)человеческая социология и власть искусственной социальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 434—438.
3. Гуц А. К. Математическая логика и теория алгоритмов. Омск: Издательство «Наследие. Диалог-Сибирь», 2003.
4. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / пер. П. С. Куслия. Челябинск: Социум, 2010.

5. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35—47.
6. Фромм Э. Здоровое общество. М.: Хранитель: АСТ, 2009.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007а. Т. I. № 1. С. 229—245.
8. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практикс, 2007б.
9. Эллюль Ж. Другая революция / пер. В. В. Бибихин // Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М., 1986.

Е. Е. Скворцова, О. А. Алексеева

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

СКВОРЦОВА Елена Евгеньевна — научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: skvortsova_e@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Ольга Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономического и информационного развития территорий, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: alekseeva_oa@list.ru

ORCID: 0000-0001-8412-0015

Аннотация. Выделены технологические этапы и направления развития искусственного интеллекта, области его применения. Проведен анализ влияния искусственного интеллекта на социальную жизнь человека. Показана роль искусственного интеллекта в улучшении качества жизни населения, в частности в преодолении катастрофических последствий, связанных с пандемией COVID-19. Представлены гуманитарные выгоды, связанные с функциональным использованием технологий искусственного интеллекта: онлайн-взаимодействия предоставляют новые возможности для общения, эффективной организации жизни, для получения образования, осуществления трудовой деятельности, самовыражения и творчества. Выявлены и систематизированы вызовы и угрозы для человечества в процессе взаимодействия с искусственным интеллектом. Намечены способы, с помощью которых люди во всем мире могли бы объединить усилия в решении угрожающих проблем и поддержания контроля над сложными сетями «человек — цифра».

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, угрозы развития ИИ, занятость населения, цифровые навыки, цифровое неравенство, этические конфликты, COVID-19

Искусственный интеллект (алгоритмы и на их основе технологии, способные анализировать огромные массивы данных и принимать решения) можно условно назвать повсеместной и поступательной автоматизацией,

которая имеет огромное влияние на социально-экономические показатели и качество жизни населения. Выделяют четыре технологических этапа развития ИИ, которые одновременно являются сферами его применения и будущими направлениями развития:

— Использование массивов интернет-данных. Пользователи интернета автоматически помечают данные в процессе их просмотра, такие массивы маркированных данных формируют подробные профили запросов, желаний, привычек пользователей для составления индивидуального контента. На этом основаны алгоритмы машинного обучения. Системы глубокого обучения (различные нейронные сети) лежат в основе сферы услуг, используются в медицине.

— Ведение бизнеса и финансовой деятельности. В целях удержания потребителя алгоритмизируется весь бизнес-функционал, от логистики до управления компанией. Алгоритмы обучаются на частных наборах данных: от покупок клиентов до записей обслуживания машин и сложных бизнес-процессов. Это позволяет управляющей системе совершенствовать процесс принятия решений. Чат-боты и персональные помощники заменяют собой приложения, операционные системы, обслуживающий персонал в компаниях. Искусственные нейросети управляют покупкой и продажей активов в режиме реального времени.

— Обучение искусственного интеллекта человеческому восприятию. Системы ИИ обучаются самостоятельно видеть, слышать, обонять. Множество smart-устройств начинают подключать дома и города к интернету вещей, одежда становится датчиком, компасом, весами. Технологии распознавания образов используются в таких сферах, как безопасность и наблюдение, сканирование и создание изображений, маркетинг и реклама, дополненная реальность и поиск изображений.

— Автономность действий ИИ. Интегрируя в себе предыдущие направления, полностью автономные устройства ИИ смогут видеть окружающий мир (распознавать объекты) и использовать эту информацию для принятия решений. В области робототехники такие алгоритмы ИИ применяются к промышленным приложениям, коммерческим задачам, в конечном счете — к потребителю.

На современном этапе и в условиях пандемии COVID-19 системы искусственного интеллекта обрабатывают и упорядочивают различную идентификационную информацию, например, состояние здоровья или траекторию движения людей. Это один из первых в истории человечества случаев, когда на основе авторизации пользователей объединяются

данные в мировом масштабе с целью преодоления катастрофических последствий пандемии коронавируса.

Системы ИИ, задействованные в противовирусной борьбе:

- биоинформатические: расшифровывают геном, определяют генетические риски и предсказывают, насколько эффективны новые лекарства;
- системы, разрабатывающие методы лечения, прототип вакцины, моделирующие структуру вируса, проводящие анализы с помощью сканеров;
- осуществляющие отбор из тысячи опубликованных научных работ о пандемии наиболее ценных и алгоритмизацию основных выводов и данных;
- рассчитывающие логистику доставки продуктов, медикаментов и медоборудования в эпицентры заражения, управляющие роботами технического обслуживания и доставки;
- отслеживающие прохождение коронавируса по создаваемому им информационному полю;
- обеспечивающие контроль за эпидемиологической обстановкой, прогнозирование вспышек заболеваний, наблюдение за перемещением населения, в том числе в целях ограничения.

С гуманитарной точки зрения развитие ИИ оказывает колоссальное влияние на человека и несет для него как выгоды, так и проблемы. Выгоды связаны с отношением человека к ИИ-технологиям как к средству для достижения чего-либо — онлайн-взаимодействия предоставляют новые возможности для общения и коллективной организации, эффективной организации своей жизни, для получения образования, осуществления трудовой деятельности, самовыражения и творчества. В повседневной жизни примеры использования ИИ многочисленны и разнообразны: виртуальные личные помощники, индивидуальные предложения товаров интернет-магазинами, предупреждения банков об обнаружении мошенничества, онлайн-поддержка клиентов, новостные порталы, умный дом, автономные автомобили и т. д.

Исследование об отношении россиян к технологиям ИИ, проведенное Аналитическим Центром при Правительстве РФ и ВЦИОМ в начале 2020 г.,² показывает, что большинство россиян относятся к ним положительно или нейтрально, половина россиян лично используют технологии на основе ИИ (52 %); 68 % не опасаются замещения технологиями ИИ специалистов в своей профессии. Негативное отношение населения к ИИ

² Искусственный интеллект: угроза или возможность? // ВЦИОМ. 27.01.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10132> (дата обращения: 25.08.2020).

связано с возможностью технических сбоев (31%), угрозой безопасности личных данных (21%), взломом и хищением персональных данных (12%) и нарушением личного пространства (9%).

Вызовы и угрозы для человечества в процессе развития ИИ:

— Потеря человеком контроля над собственной жизнью. Принятие решений по ключевым аспектам цифровой жизни автоматически передается инструментам «черного ящика», управляемого машинным кодом (большинство алгоритмов ИИ не обладают свойством прозрачности). Люди перестают контролировать собственную независимость, приватность и выбор. Ситуация будет усугубляться по мере того, как автоматизированные системы будут становиться все более распространенными и сложными;

— Поглощение рабочих мест ИИ, замещение профессий, изменения в занятости населения. Эффективность и другие преимущества машинного интеллекта будут продолжать разрушать различные аспекты работы. Освобождаются рабочие места из-за автоматизации, прежде всего в банковской и страховой сферах, энергетике, добывающей промышленности, производстве и розничной торговле и пр. В развитых странах появляются «лишние люди» при одновременной нехватке высококвалифицированных кадров, которые все сложнее и дольше обучить.

— Цифровое неравенство. Неравенство между создателями интеллектуальных продуктов и технологий, профессионалами, управленцами и потребителями увеличивается и проявляется в неравномерности обладания специальными знаниями (образованием) и навыками работы с информационно-телекоммуникационными технологиями, в доступности технологий для различных слоев населения. Во время пандемии в силу неравных условий организации рабочего пространства усиливается неравенство между онлайн- и офлайн-работниками.

— Снижение когнитивных, социальных и жизненных навыков людей. Увеличение зависимости от автоматизированных систем подорвет способность думать самостоятельно, принимать решения независимо от них и эффективно взаимодействовать с другими людьми.

— Потенциальные этические конфликты из-за возможного злоупотребления личными данными (борьбы за потребителя). Большинство инструментов ИИ находятся и будут находиться в руках стремящихся к прибыли компаний или стремящихся к власти правительств. Ставится вопрос: как учитываются (и будут ли учитываться) общечеловеческие ценности и этика в цифровых системах, принимающих решения, объединенных сетью и сложно регулируемых?

Для нейтрализации опасных тенденций и поддержания контроля над сложными сетями «человек — цифра» необходимо улучшение сотрудничества через границы и заинтересованные стороны для разработки политики, гарантирующей, что ИИ будет направлен на гуманность и общее благо, для чего потребуются новый уровень нормативного и сертификационного процесса; реорганизация социально-экономических и политических систем в целях расширения возможностей и способностей людей в процессе взаимодействия с ИИ и выработки сопротивляемости тенденциям, ставящими под угрозу «нужность» человека. Люди во всем мире должны прийти к общему пониманию, что цифровое сотрудничество в интересах человечества является высшим приоритетом.

Человек и цифра

А. А. Аргамакова

ВИРТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В САМООРГАНИЗАЦИИ СООБЩЕСТВ

АРГАМАКОВА Александра Александровна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии, Институт философии РАН, Москва, Россия

EMAIL: argamakova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0656-6550

Аннотация. Виртуальные технологии — часть технологической инфраструктуры умного города. Виртуальные технологии повышают интерактивность умных сервисов и платформ. Кроме удобства использования и развлекательной составляющей, виртуальная реальность олицетворяет цифровую альтернативу действительному, материальному миру, поскольку размещает в собственном пространстве события и людей, точнее — их цифровые аватары, цепочки взаимодействий и конstellляции в форме сообществ. Виртуальные технологии находят применение в социальной сфере города путем организации активности внутри сообществ и организации взаимодействий пользователей с умными сервисами. Виртуальные сообщества формируются по территориальному принципу, наличие общего интереса или общей активности. В абсолютно виртуальных городах складываются виртуальные формы социальности, воспроизводящие взаимоотношения реального мира и позволяющие осуществить трансфер отдельных видов деятельности из офлайна в онлайн. Виртуальные технологии служат для проектирования городских пространств, организации умных сервисов, оптимизации бизнес-процессов, в конечном счете — для коммуникации и интеракции сообществ пользователей. Представленное исследование затрагивает отдельные аспекты применения виртуальных технологий в организации социальной сферы города и самоорганизации интернет-сообществ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, виртуальные технологии, виртуальные сообщества, дополненная реальность, электронное управление, умные города, цифровые платформы

Умная среда мегаполисов создается на основе информационных технологий и электронного управления городскими системами. К таким системам принадлежат транспорт, энергетика, здравоохранение, безопасность, государственные услуги, менеджмент бизнес-процессов, мобильные сервисы и платформы, умный дом и интернет вещей. Кроме технологий как инфраструктурного элемента умный город обладает социально-экономическим измерением [Ahvenniemi et al., 2017]. Умный город предустанавливает стандарты благополучия жителей с точки зрения комфорта городской среды и эффективности социальных интеракций.

Технократический образ социальной «мегамашины» [Ahlers, 2016] неотделим от опасений подавления личности технологиями. Информационные технологии стали формой политики и биополитики, продолженной другими средствами. Само их существование сопряжено с асимметрией доступа к информации, проблемами управления городскими данными, рисками для приватности и автономии личности. Блокировка приложений по территориальному принципу демонстрирует, как открытая и общедоступная сеть трансформируется в более сегментированную и регулирующую структуру, как свободные и открытые коммуникации подчиняются внешнему контролю. Кроме фантастических возможностей и бытового удобства технологии преумножают социальные риски и фобии. Параллельно воплощению постиндустриальной утопии обрушению подвергается привычный уклад мира. В глобальном и локальных контекстах сосуществование разнонаправленных тенденций не противоречие, но повседневный факт.

Виртуальная реальность от индустрии развлечений переходит в социальную сферу и находит применение в новых типах коммуникаций. VR/AR технологии используются для проектирования городских пространств (Storyboard VR, OpenSim, SimCity, CityEngine), организации сервисов для активных горожан («Узнай Москву», «Моя Москва», Sities in VR), оптимизации бизнес-процессов (Sketchbox, VR Professionals, разработки Modum Lab), для коммуникации и интеракции сообществ в интернете (Facebook, RecRoom, VRChat и многие др.).

Виртуальные миры замещают часть активности из реального мира. На основе платформ и приложений виртуальной реальности с применением сетевых инструментов управления сообществами формируются виртуальные формы социальности.

Информационные технологии объединяют сообщества по совокупности отличительных признаков, прежде всего по территориальному

признаку и коллективным формам активности, основанным на общих интересах, дополненных виртуальным форматом [Driskell, Lyon, 2002; Memmi, 2006]. Территориальный признак представляет собой реальную пространственную характеристику. Так, сервисы Telegram, «ВКонтакте» или «Яндекс.Район» используют геолокацию для установления контактов и общения.

В абсолютно виртуальных городах, подобных AltSpace, RecRoom, VirBELA, Minecraft или Second Life, созданы виртуальные формы социальности с предустановленными принципами и правилами взаимодействия. В виртуальных городах привычные активности из офлайна перенесены в онлайн. Вместе с тем они предоставляют невероятные инструменты для творчества, достижения «морфологической свободы» посредством изменения аватара или проектирования собственных (личных и публичных) миров. Созданные собственными руками миры можно считать объектами искусства, употреблять как площадки для игры или приспособлять к деловой активности.

Виртуальные города и формы активности занимают время пользователя, вместе с чем замещают реальное, материальное пространство-время виртуальными мирами и событиями. В виртуальных пространствах проводят бизнес-переговоры, изучают иностранные языки, организуют туры и фестивали. Как показывает актуальная практика, потенциал VR-технологий для предпринимательской деятельности чрезвычайно высок. Это касается как виртуальных, так и реальных товаров и услуг, использующих виртуальную реальность в качестве площадки для продвижения.

Виртуальные сообщества не подчиняются территориальному принципу организации или он выражен для них намного слабее. Они в большей степени искусственны, чем естественны, а также менее устойчивы по причине распределенного характера, случайности и множественности взаимодействий.

Как рельефно демонстрирует VR, виртуальные сообщества формируются не только и исключительно на основе общих интересов и частоты интеракций, но по принципу используемых технологий. Если виртуальная (в том числе дополненная) реальность только начала интегрироваться с сервисами умного города, то завтрашний день сулит более фантастические горизонты. Речь не только о Horizon от Facebook или Touchless Screen от Ultraleap в публичных местах, но и о полностью интерактивном городе, игровых принципах взаимодействий, множественных уровнях доступа к виртуальному контенту, принципиально новых формах соци-

альной дифференциации и идентичности, скрытых механиках управления поведением, а также кинематографическом иммерсивном эффекте, достигаемом благодаря качеству визуализаций и переживанию виртуального опыта, как настоящего.

Список литературы

1. Ahlers D., Driscoll P., Löfström E., Krogstie J., Wyckmans A. (2016) Understanding smart cities as social machines. In: *Proceedings of the 25th International Conference Companion on World Wide Web*. April. P. 759—764.
2. Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen M. (2017) What are the differences between sustainable and smart cities? *Cities*. Vol. 60. P. 234—245.
3. Driskell R. B., Lyon L. (2002) Are Virtual Communities True Communities? Examining the Environments and Elements of Community. *City & Community*. Vol. 1. No. 4. P. 373—390.
4. Memmi D. (2006) The Nature of Virtual Communities. *AI & Soc.* Vol. 20. P. 288—300.

А. М. Черданцева

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИИ: АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

*ЧЕРДАНЦЕВА Анжела Магомедовна, кандидат политических наук, научный сотрудник
Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

E-MAIL: cherdantseva.anzhela@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3484-1321

Аннотация. В современном мире цифровые технологии используются для регулирования общественных процессов, в том числе в области миграции. Международная практика применения цифровых технологий и использования больших данных (Big Data) для учета, мониторинга и прогнозирования передвижения людей позволила выделить как неоспоримые преимущества данного ресурса перед традиционными статистическими методами, так и явные недостатки. Достоинства применения цифровых технологий: возможность использования новых источников и методов сбора данных, их постоянная актуализация и своевременный мониторинг общественного мнения. Недостатки использования цифровых технологий: плохая защищенность данных при их обработке, нарушение прав при сборе, хранении и передаче данных мигрантов. Большие объемы постоянно обновляемых данных о миграции создают методологические трудности при их анализе.

Ключевые слова: цифровые технологии, миграция, ЕС, учет, прогнозирование, мониторинг

К важным целям современной миграционной политики европейских стран относятся учет и мониторинг мобильности людей. Постоянное уточнение данных позволяет прогнозировать направления миграционных векторов. Оценка точного количества мигрантов в мире и в каждой стране за определенный год не является абсолютно достоверной. Наравне с количественными показателями, полученными традиционным методом сбора, набирает все большую актуальность внедрение современных технологий в мониторинг миграционных потоков.

Для уточнения и получения актуальных данных международное сообщество, и ЕС в том числе, использует возможности цифровых технологий и Big Data.

1) Использование **набора данных для интеграции** («The Data for Integration») позволяет на основании статистических данных переписи визуализировать карты сообществ мигрантов в Европе в административных единицах различного уровня, демонстрируя пространственную концентрацию, этническое разнообразие и пространственную сегрегацию по месту жительства. Подобное картографирование миграционных сообществ дает властям возможность корректировать и планировать мероприятия в районах максимальной концентрации мигрантов для предупреждения возможных проблем, а также для учета их мнения в общественных дискуссиях и исследованиях.

2) **Миграционные профили** («Migration Profiles») содержат важнейшую информацию о странах с точки зрения миграции за конкретный год, которая собирается из разных источников и различными методологическим подходами, включая около 200 показателей, среди которых демография, финансовые потоки, страновые характеристики, причины миграции, перспективы региона и др. Критерий унификации позволяет проводить сравнительный анализ стран, визуализируя результат в инфографике для быстрой интерпретации.

3) **Атлас миграции** («The Atlas of Migration»). На основании совокупности миграционных профилей генерируется Атлас миграции, включающий обновленные и проверенные данные 28 государств — членов ЕС по 25 показателям (в том числе демография, миграция, ходатайства о предоставлении убежища, результаты их рассмотрения, вид на жительство, шенгенская виза, показатели интеграции и др.) и 170 стран и территорий, не входящих в ЕС, по 36 показателям (в том числе демография, миграция, международные правовые рамки, движущие силы миграции, денежные переводы мигрантов, урбанизация и др.). Интерактивный формат карты конвертирует показатели в графики для удобства анализа.

4) **Социальные сети, мобильные данные и IP-адреса**. Данные социальных сетей LinkedIn [Rango, Vespe, 2017], Twitter [Hawelka et al., 2014], Facebook [Zagheni, Weber, Gummadi, 2017; Spyratos et al., 2018], Google+ [Messias et al., 2016], мобильных телефонов [Mizzi et al., 2018], трафика электронных почт [Weber, Zagheni et al., 2013] используются для анализа глобальной мобильности. Надежность таких цифровых данных может быть поставлена под сомнение, так как в 2019 г. только 38,5 %

населения в мире пользовалось смартфонами, в то время как половина все еще находилась в автономном режиме [White, Pinsky, 2018]. Кроме того, показатели использования социальных сетей варьируются в разных странах в зависимости от возраста и пола [Spyratos et al., 2018].

5) Большие данные. В 2018 г. был запущен международный проект «Big Data for Migration Alliance» (BD4M) для решения проблем, связанных с наличием и использованием миграционных данных, а также для увеличения инвестиций в инновации. Пользователям предоставляются данные о прибытиях, потоках, запасах, социально-экономическом положении, демографии, международном перемещении, детях в миграции и демографических прогнозах. Динамический концентратор данных позволяет пользователям просматривать и визуализировать данные с помощью интерактивного интерфейса на основе карт. BD4M нацелен на решение проблем инноваций в области данных для миграции путем (1) содействия созданию новых форм партнерства между частным и государственным секторами; (2) демонстрации потенциала новых источников данных для удовлетворения конкретных политических потребностей; (3) установления диалога между директивными органами, учеными, поставщиками данных и регулирующими органами для активного решения вопросов доверия, конфиденциальности и этики.

6) «Иммиграционная политика 2.0» (IMP2.0) — это технологический проект ЕС, который решает вопросы социальной интеграции, социальной сплоченности, безопасности, конфиденциальности, анализируя все аспекты (правовые, социальные, политические) сложной проблемы занятости мигрантов (наиболее важной части политики социальной интеграции) и предоставляет электронные услуги, способствующие гармонизации усилий по созданию общей миграционной политики занятости в ЕС. IMP2.0 предоставляет инновационный ИТ-инструмент для связанных с миграцией сообществ (политиков и легальных иммигрантов), используя новые технологии, а также открывает новые области исследований (визуализация, совместное моделирование и графика, правительственные системы управления процессами, совместное принятие решений). IMP2.0 разработала и внедрила целевые услуги электронной миграции, с тем чтобы внести эффективный вклад в усилия по гармонизации миграционной политики ЕС в области занятости [Polemi, Pentafronimos, Ntouskas, 2011].

Выводы. 1. *Преимущества использования новых источников данных:* потенциал восполнения некоторых пробелов в традиционных

источниках данных и методах; изучение закономерностей временной и круговой миграции, доступность цифровых записей дает возможность устранить некоторые пробелы в знаниях, связанные с миграцией и мобильностью, особенно с учетом их своевременности, частоты обновления информации, их широкого охвата (всех пользователей мобильных устройств и интернет-платформ) и уровня детализации, которую они могут обеспечить. Использование Big Data способствует более своевременному мониторингу общественного мнения или дискурса СМИ о миграции. Такие данные создаются без каких-либо дополнительных затрат. Совокупность информации, которая может быть извлечена из традиционных и инновационных источников данных, может служить доказательством тех аспектов миграции, о которых в настоящее время имеются ограниченные знания, таких как перспективы интеграции недавно прибывших мигрантов в страну, текущие формы миграции. Подключение новейших исследований и технологий к сообществу официальной статистики имеет решающее значение для повышения доступности, точности и своевременности статистики миграции с использованием данных, собранных с помощью источников больших данных. Интеграция нескольких источников данных и изучение использования больших данных повышают доступность и своевременность статистики миграции, обеспечивая при этом адекватное рассмотрение вопросов конфиденциальности, этики и прав человека и принимая во внимание качество самих данных.

2. Недостатки использования Big Data: проблемы конфиденциальности, этики использования автоматически генерируемых персональных данных, проблемы гражданских свобод, риски использования таких данных в целях наблюдения. Предвзятость Big Data: пользователи социальных сетей, мобильных телефонов не представляют население в целом; существенны различия в доступе к интернету и использованию мобильных устройств, платформ социальных сетей в зависимости от уровня экономического развития, пола, возраста и городских/сельских районов. Технические, аналитические и правовые проблемы использования цифровых технологий в миграции: трудности доступа к данным, хранящимся частными или государственными субъектами, неадекватной инфраструктурой и/или системами управления данными, проблемами с безопасностью обработки данных, методологическими трудностями извлечения смысла из огромных, сложных и «шумных» объемов данных. Существуют также проблемы непрерывности данных, трудности в получении общей картины

того, какие большие источники данных или инновационные методы могут дать полезную информацию для политики, обусловленные распространением экспериментальных приложений и отсутствием систематических услуг в этой области.

Список литературы

1. Hawelka B., Sitko I., Beinat E., Sobolevsky S., Kazakopoulos P., Ratti C. (2014) Geo-located Twitter as proxy for global mobility patterns. *Cartogr Geogr Inf Sci*. Vol. 41. No. 3. P. 260—271. <https://doi.org/10.1080/15230406.2014.890072>.
2. Messias J., Benevenuto F., Weber I., Zagheni E. (2016) From migration corridors to clusters: the value of google+ data for migration studies. In: *Proceedings of the 2016 IEEE/ACM international conference on advances in social networks analysis and mining*. New York, NY: IEEE Press. P. 421—428. <https://doi.org/10.1109/ASONAM.2016.7752269>.
3. Mizzi C., Fabbri A., Rambaldi S., Bertini F., Curti N., Sinigardi S., Luzi R., Venturi G., Davide M., Muratore G. et al. (2018) Unraveling pedestrian mobility on a road network using icts data during great tourist events. *EPJ Data Sci*. Vol. 7. No. 1. <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-018-0168-2>.
4. Rango M., Vespe M. (2017) Big data and alternative data sources on migration: from case-studies to policy support summary. Report. URL: https://www.researchgate.net/publication/323129786_Big_Data_and_alternative_data_sources_on_migration_from_case-studies_to_policy_support_-_Summary_report (дата обращения 16.07.2020).
5. Polemi N., Pentafronimos G., Ntouskas T. (2011) IMP2.0 Migration Collaborative Platform and e-Services. *IFIP International Federation for Information Processing 2011*. P. 44—57. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-642-27260-8_4.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
6. Spyrtatos S., Vespe M., Natale F., Weber I., Zagheni E., Rango M. (2018) Migration data using social media: a European perspective. <https://doi.org/10.2760/964282>.
7. Weber I., Zagheni E. et al. (2013) Studying inter-national mobility through ip geolocation. In: *Proceedings of the sixth ACM international conference on web search and data mining*. New York, NY: ACM. P. 265—274. URL: <https://ingmarweber.de/wp-content/uploads/2013/07/Studying-inter-national-mobility-through-IP-geolocation.pdf> (дата обращения: 16.07.2020).

8. White E., Pinsky O. Half the World's Population Is Still Offline. Here's Why that Matters. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/05/half-the-world-s-population-is-still-offline-heres-why-that-matters/> (дата обращения: 16.07.2020).

9. Zagheni E., Weber I., Gummadi K. (2017) Leveraging Facebook's advertising platform to monitor stocks of migrants. *Popul Dev Rev*. Vol. 43. No. 4. P. 721—734. <https://doi.org/10.1111/padr.12102>.

Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожева

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПЕРЕГРУЗКИ И ПРАКТИКИ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

МИКИДЕНКО Наталья Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия

E-MAIL: mikidenko@sibgti.ru

ORCID: 0000-0002-2232-8088

СТОРОЖЕВА Светлана Петровна — кандидат культурологии, доцент кафедры социологии, политологии и психологии, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия

E-MAIL: s_storozheva@sibgti.ru

ORCID: 0000-0002-1302-2810

Аннотация. Исследование посвящено выявлению мнений студентов о повседневных практиках «заботы о себе» в цифровом мире. Проанализирован ряд публикаций, посвященных «заботе о себе» как повседневной практике. «Забота о себе» представляется одной из значимых повседневных практик современного человека, которая может быть применена и к использованию информационно-коммуникационных технологий. Исследование мнений об информационных перегрузках проводилось в феврале-марте 2020 г. в форме опроса студентов второго и третьего курсов технических направлений подготовки по вопросам, выявляющим представления о повседневных практиках проявления «заботы о себе», рисках цифровизации для благополучия человека, «аскетических» практиках «отказа» от цифровой среды. Использована микс-стратегия. Выборка исследования доступная, целевая. Для сравнения использован вторичный анализ данных исследования ВЦИОМ «Жизнь в интернете и без него» (2018).

Результаты исследования позволяют выделить основные темы, вокруг которых формируется дискурс «заботы о себе» в цифровой среде и рисках информационных перегрузок для благополучия человека. Описание мнений студентов дает возможность формировать направления в обсуждении социальных и этических последствий цифровизации в аспекте практик «заботы о себе».

Ключевые слова: «забота о себе», информационные перегрузки, цифровая среда, повседневность, повседневные практики, студенты, «отказ» от цифровой среды

Интенсивные изменения, вызванные внедрением цифровых технологий, актуализируют интерес к практикам «заботы о себе». Этот интерес имеет не только и не столько теоретический характер, сколько практикоориентированный как опыт конкретного человека, выраженный в его способности заботливого отношения к самому себе в цифровой среде. Человеческое сообщество только начинает осознавать, как под давлением цифровизации меняются устойчивые модели и практики социальных отношений, какие возникают возможности, ограничения и риски. Существующие представления заботы о себе сталкиваются с очень широкими возможностями цифрового общества, стирающими грани между частным и публичным пространством, личным и деловым общением. Возникает противоречие между возможностями, которые предлагает цифровая среда, и возможностями человека в усвоении информации.

Интерес к практикам «заботы о себе» нашел отражение в ряде научных событий: в 2009 г. издана монография Г. В. Иванченко «Забота о себе. История и современность» [Иванченко, 2009]; в 2015 г. состоялась Международная научная конференция «Забота о себе в педагогике, социологии, психологии: история и современность» (Москва) [Мы все в заботе постоянной..., 2015a, 2015b]; в 2017 г. состоялись Всероссийская научно-практическая конференция «Практики заботы в современном обществе» (Саратов) [Практики заботы в современном обществе..., 2017], «Забота о себе как образовательная практика современного классического университета» (Томск); сформировался пул публикаций в контексте философской, социологической, естественно-научной трактовки проблемы.

Одной из качественных характеристик цифровизации становятся коммуникативные перегрузки. И хотя проблемы коммуникативных перегрузок не новы, новое звучание они получили в связи с эффектами постоянного пребывания онлайн. Коммуникативные перегрузки как новые вызовы человеку определяют необходимость поиска новых стратегий «заботы о себе». В. П. Чумакова отмечает, что информационные перегрузки находятся в фокусе исследований компьютерных наук (количественные измерения), психологии и нейрофизиологии (способности к фильтрации информации и адаптация к перегрузкам), гуманитарных и социальных наук (практики адаптации к перегрузкам, восприятие и репрезентация

информации) [Чумакова, 2016: 145]; а также отмечает, что эмпирических исследований, рассматривающих разные аспекты информационных перегрузок, достаточно мало [Чумакова, 2017: 63].

Авторами проведено исследование практик заботы о себе в контексте информационных перегрузок, дополняющее и расширяющее данные, полученные в более раннем исследовании [Микиденко, Сторожева, 2018].

Студентам было предложено ответить на вопросы, связанные с практиками отключения от сети (хотя бы на несколько часов в день или в неделю): «Существуют ли у Вас какие-то „аскетические“ практики отказа от цифровой среды?», «Какие риски для благополучия человека Вы видите в цифровой среде?» Респондентам предлагалось дать свободный ответ на предложенные вопросы в письменной форме. Выборка исследования целевая, комфортная. Исследование проводилось в форме сплошного опроса в студенческих группах. Было получено 140 ответов. В выборке преимущественно представлены студенты направлений подготовки, специализирующихся в области информационных технологий (программирование, информационная безопасность) второго и третьего курса (юноши 80 %, девушки 20 %). Такой состав участников опроса обуславливает возможное смещение результатов в оценках рисков информационных перегрузок. В то же время, согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ в марте 2018 г., на вопрос «Одни люди считают, что в современном мире нужно периодически „отдыхать“ от интернета и на время ограничивать для себя доступ к нему, другие считают, что в современном мире необходимо всегда оставаться „в сети“». С каким утверждением Вы в большей степени согласны?» значимых различий в ответах юношей и девушек в возрасте 18—23 лет не выявлено¹. Согласно взятому для сравнения исследованию ВЦИОМ, в группе респондентов 18—23 лет, имеющих неполное высшее или высшее образование (34 человека, юноши и девушки по 50 %) 89,9 % разделяют мнение, что «В современном мире нужно периодически „отдыхать“ от интернета, на время ограничивать или полностью блокировать для себя доступ в интернет»². В комментарии к материалам исследования было отмечено, что «сегодня в обществе есть заметный запрос на „информационные каникулы“ и „периоды коммуникационной тишины“»³.

¹ Жизнь в интернете и без него // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780> (дата обращения: 20.08.2020).

² Там же.

³ Родин К. Комментарий к исследованию: Жизнь в интернете и без него // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780> (дата обращения: 20.08.2020).

В исследовании, проведенном авторами, только 20,1% студентов используют различные практики отказа от цифровой среды (на учебных занятиях, во время подготовки к экзаменам, тренировок, прогулок, на активном отдыхе, хобби вне интернета, во время общения с друзьями или близкими; вынужденно оказываясь в сельской местности, где отсутствует интернет). Основные темы, которые отражены в ответах, связанных с «аскетическими» практиками отказа от цифровой среды, студенты называют здоровьем (соматическое (ухудшение зрения, недостаток физической активности) и психическое (внимательность, возникновение зависимости, стресс)), общение, социальные сети. Глубина ответа зависит от способности субъекта рефлексивно описать свои повседневные практики и привычки. Среди приемов, которые используют студенты были названы *«час перед сном без использования телефона, в выходные дни читаю книги»; «четкие границы времени на интернет-серфинг»; «Появилось много свободного времени, ведь я перестал играть в онлайн-игры»; «когда собираемся где-то с друзьями, мы все убираем телефоны — это наше правило»; «на природу без гаджетов»; «в кругу друзей мы убираем телефоны в общую сумку».*

43% ответивших не применяют каких-либо практик ограничения использования интернета. Коммуникации в цифровой среде оцениваются ими положительно: *«без компьютерных технологий не провожу ни дня, не вижу рисков, only progress»; «рисков никаких не вижу, потому что это будущее»; «специально устраивать „цифровой детокс“ не вижу смысла»; «не могу отказаться от цифровой среды, так как это связывает меня с родными; позволяет узнавать новое».*

Использование социальных сетей выделяется в ответах как отдельная тема. Многие студенты связывают «отказ» от интернета именно с ограничением посещения социальных сетей. Оценки использования социальных сетей противоречивы. *«Много общения происходит именно в сети», «социальные сети использую только как средство коммуникации»; «как только закончится учеба, я удалюсь из соцсетей, которые сейчас мне нужны для учебы»; «цифровое общение не общение»; тревожит «зависимость от социальных сетей, когда друзья лишь виртуальные».*

Многие респонденты понимают активную роль субъекта в конструировании практик использования интернета. Оценивая возможные риски использования сети, высказывают суждения, что *«проблемы создают сами люди, а не среда».*

Среди проблем, которые они испытывают, респонденты называли: *«неудовлетворенность от собственной жизни в результате постоянного*

сравнения, вызывает состояние тревожности»; «отдаляет людей друг от друга»; «навязчивое желание проверять входящие сообщения»; «разучились общаться друг с другом без цифровой среды».

Студенты, несмотря на то что многие из них готовятся стать профессионалами в области компьютерных наук, транслируют стереотипные представления о рисках использования цифровой среды. Только отдельные молодые люди сознательно «отказываются» от интернета на непродолжительное время. Тем не менее эти наблюдения за собой могут стать основой формирования осознанной практики «заботы о себе» в эпоху цифровизации.

Список литературы

1. Иванченко Г. В. Забота о себе. История и современность. М.: Смысл, 2009.
2. Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Студенты о «заботе о себе» как образовательной практике (по материалам социологического исследования) // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сборник статей и материалов международной научной конференции / отв. ред. Г. И. Петрова. 2018. С. 207—224. eLIBRARY ID: 35397602.
3. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: матер. междунар. конф. «Забота о себе в педагогике, социо-логии, психологии: история и современность» (НИУ ВШЭ, Москва, 9—11 сентября 2015) / под ред. М. А. Козловой, В. Г. Безрогова. Ч. 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015а.
4. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: матер. междунар. конф. памяти философа, социолога, психолога Г. В. Иванченко (1965—2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9—11 сентября 2015) / под ред. М. А. Козловой, В. Г. Безрогова. Ч. 2: Что-то ведет нас в глубь самих себя. М.: Канон+, 2015b.
5. Практики заботы в современном обществе: матер. всерос. науч.-практ. конф. «Практики заботы в современном обществе». Саратов: Саратовский источник, 2017. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary29806259_91128213.pdf.
6. Чумакова В. П. Проблема информационной перегрузки в культуре: история вопроса и обзор современных направлений исследования // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 136—145. eLIBRARY ID: 28158531.

7. Чумакова В. П. Представления современных российских студентов об информационной перегрузке в социальных медиа // Информационное общество. 2017. № 4—5. С. 63—70. eLIBRARY ID: 32742021.

Н. С. Байша

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ К ЦИФРОВЫМ ПЕРЕМЕНАМ, ВЫЗВАННЫМ ПАНДЕМИЕЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*БАЙША Наталья Сергеевна — студентка 1 курса магистратуры направления подготовки «Социология», Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: baishanatalia@mail.ru*

Аннотация: Последствия пандемии оценить крайне непросто, однако это не исключает необходимости в измерении общественных настроений и исследовании социальных практик в условиях полного (за редким случаем частичного) дистанцирования от прежнего режима повседневной жизни. В качестве примера подобных перемен выступает дистанционное обучение, поддерживающее способность молодого поколения к быстрой адаптации к самоизолированной повседневности. Наряду с этим рассматривается частота использования цифровых технологий представителями предпенсионного и пенсионного возрастов и анализируются возможные причины, по которым данная категория людей не столь активна в приспособлении к цифровой повседневности. В статье представлены результаты авторского социологического исследования, проведенного среди школьников, обучающихся в Волгограде, а также вторичного анализа данных тематического и социально-демографического блоков, взятых из общего массива данных, полученных ВЦИОМ. Автор приходит к выводу, что успешная адаптация к цифровым переменам возможна при условии разделения индивидами ценностей цифрового пространства.

Ключевые слова: старшее поколение, предпенсионеры, современная молодежь, школьники, цифровое общество, ценности цифрового общества, цифровизация повседневности, цифровая социология, интернет-технологии, пандемия коронавируса

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».

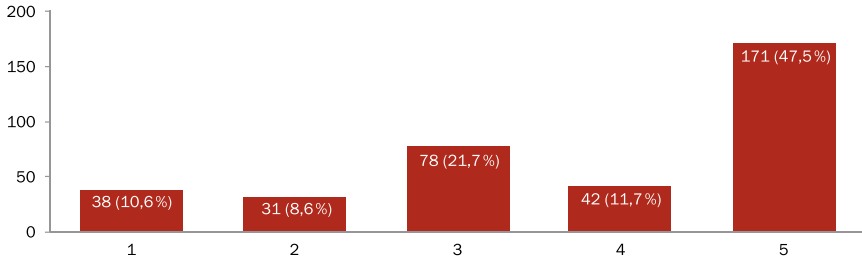
Многokратное упоминание в массмедиа посткарантинного мира и сильнейших последствий самоизолированной повседневности подталкивает автора статьи к размышлению о проблеме готовности представителей различных поколений, отличающихся друг от друга системой ценностей и установок, к принятию нововведений (или цифровых перемен), предлагаемых цифровым обществом. Прежде чем перейти к интерпретации результатов эмпирического исследования, необходимо отметить, что под цифровым обществом в рамках данной работы понимается «технократическое общество, использующее цифровые девайсы для самообслуживания» [Кригер, 2018: 31], которые, в свою очередь, способствуют трансформации сознания и мира повседневности индивидов, а также «встраиваются во внутреннее пространство личности и выступают средствами регуляции поведения и отношений с миром» [Кригер, 2018: 32]. Кроме того, несмотря на важность исследования процесса адаптации к малоизвестным, на первый взгляд, условиям «цифровой» жизни, приспособление к которой является одним из ключевых компонентов «выживания» не только в период самоизолированного жизненного мира, но и в процессе дальнейшего развития межпоколенного взаимодействия, необходимо также подчеркнуть особую актуальность развития цифровых теорий, затрагивающих влияние цифровизации на общество, развитие социальных институтов и различных социальных групп: «искусственный интеллект, использование робототехники в промышленности и бизнесе... — это предвестники нового этапа — зарождения суперинтеллектуального общества, которое неизбежно усилит потребность в цифровой социологии» [Ницевич, 2018: 25].

Основываясь на определении ключевого концепта статьи — цифрового общества — и принимая во внимание вышеотмеченную гипотезу исследования, представляется возможным перейти к интерпретации результатов, полученных из авторского социологического исследования, проведенного в виде онлайн-опроса в мае 2020 г. среди обучающихся в старших классах в средних общеобразовательных учреждениях Волгограда) [Социологическое исследование, 2020], и из вторичного анализа данных, собранных ВЦИОМ в апреле 2020 г. которые были размещены в открытом доступе в качестве общего массива данных)⁴.

В связи с крайней непредсказуемостью и нестабильностью современного мира стало возможным осуществить массовый перенос освоения

⁴ Коронавирус меняет повседневные практики россиян // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (дата обращения: 26.06.2020).

школьной программы в удаленный «цифровой» формат, что, в свою очередь, вполне можно считать неким нововведением цифрового общества. Согласно данным, полученным в ходе онлайн-опроса, проведенного в разгар дистанционного обучения среди наиболее активных участников цифрового пространства — школьников, было выявлено, что около половины респондентов отрицательно относятся к дистанционному формату обучения (см. рис. 1).

Рисунок 1. Ответ на вопрос: «Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия со следующим суждением: „Я хотел(а) бы продолжить обучение в дистанционном режиме в следующем учебном году“, 1 — «абсолютно согласен», 5 — «абсолютно не согласен»

По словам опрошенных, это связано с тем, что такая форма освоения знаний предполагает регулярное использование технологий и потому вызывает усталость (76,1%), может негативным образом отразиться на образовательном, интеллектуальном развитии обучающихся (56,9%) и привести к ослаблению семейных (45%), дружеских (47,2%) связей.

Чуть более трети респондентов полагают, что технологии цифрового общества смогут завоевать доверие юных пользователей и старшее поколение не сможет в дальнейшем оказывать значимое влияние на социализацию школьников и осуществлять контроль за ними (36,7%), поскольку среди представителей предпенсионного и пенсионного возраста лишь четверть активных пользователей интернет-пространства (25,7%), в то время как более половины респондентов (55,2%) не используют интернет-технологии в повседневности, даже при отсутствии прежних форм досуга в связи с вынужденной самоизоляцией (согласно данным, полученным из вторичного анализа результатов исследования ВЦИОМ)⁵.

⁵ Коронавирус меняет повседневные практики россиян // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (дата обращения: 26.06.2020).

Наряду с отмеченным важно обратить внимание на то, что слабая заинтересованность в освоении цифрового пространства среди старшего поколения обусловлена вовсе не материальным положением (ежедневно используют интернет-технологии респонденты, которым хватает денежных средств только на покупку продуктов питания, — 11,1% и респонденты, которые без труда могут себе позволить купить крупную технику для дома, — 6,3%) и вряд ли населенным пунктом (в городе с численностью жителей миллион и более человек ежедневно используют интернет 11,3%, а на селе 5,5% — разница, на наш взгляд, не столь большая), а в большей степени желанием (или, скорее, привычкой) получать необходимую информацию из телепередач (95,2% смотрят телевизор ежедневно).

Таким образом, адаптация рассматриваемых поколений к цифровым переменам и новшествам, скорее, зависит от системы ценностных ориентаций. Исходя из ответов респондентов, можно предположить, что в случае с молодежью мы имеем дело не столько с готовностью принимать новшества цифрового общества, сколько с возможным смещением ценностных ориентиров: если раньше самосовершенствование молодого человека в цифровой среде было превыше всего (поскольку информационное общество вынуждало каждого его представителя владеть информацией для того, чтобы он смог самореализоваться в реальной жизни), то сейчас, по мнению юных респондентов (школьников), возрастает риск переоценки данной ценности и признания ценности виртуального пространства, самореализации в нем и в поиска себя за гранью реального мира. Вместе с тем предположим, что ценность стабильности, проявляющаяся в ответах представителей старшего поколения (желающих ежедневно получать информацию только из телевидения и не столь часто из сети), не может сосуществовать с текучестью и гибридность цифрового общества даже в период самоизоляции и вынужденного поиска новых форм деятельности (к примеру, в виртуальной среде) для сохранения гармоничного взаимодействия с внешним миром. Именно поэтому, на наш взгляд, о полной готовности данной возрастной категории индивидов к принятию цифровых перемен пока говорить не следует.

Список литературы

1. Кригер Е. Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем // Вестник РГГУ. 2018. № 4 (14). С. 29—39. (Серия «Психология. Педагогика. Образование»).

2. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 18—28.
3. Социологическое исследование «О влиянии „умных“ интернет-технологий на формирование социальных установок школьников, обучающихся в старших классах», организованное кафедрой социологии и социальных технологий ВолГУ в мае 2020 г. в восьми средних общеобразовательных учреждениях г. Волгограда и проведенное под руководством д. филос. н., проф. Василенко И. В. Метод — онлайн-опрос; $N = 360$, из них: 103 чел. (9 класс), 150 чел. (10 класс), 107 чел. (11 класс). Тип выборки: серийная, районированная, квотная. Критерии выборки респондентов: пол, учебный класс, образовательное учреждение / Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. Волгоград, 2020.

*Повседневная история***Н. А. Николенко****ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
В ЗЕРКАЛЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

НИКОЛЕНКО Наталья Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-MAIL: nikolenko-kus@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8968-460X

Аннотация: В статье акцентируется внимание на роли исторических памятников в формировании социальной памяти. Рассматривается культурно-историческое пространство города и обосновывается позиция необходимости устранения условий, способствующих ослаблению социальных функций памятников. На основе анализа результатов, полученных в ходе проведения трех социологических исследований, показано, как «война с памятниками» протекает в латентной форме и по сути превращается в «войну с памятью». Анализ первичных данных, полученных автором в процессе проведения двух социологических исследований среди студентов волгоградского вуза, а также опубликованных другими исследователями результатов проведенного ими опроса среди обучающихся школы Ставропольского края, позволил констатировать у молодых людей фрагментарность знаний истории своей страны, невнимательное отношение к объектам культурно-исторического пространства города и отсутствие мотивации получения информации о них. Все отмеченное оказывает влияние на трансформацию социальной памяти и вызывает необходимость пересмотра образовательных программ и активного использования культурно-исторических объектов в процессе формирования духовно-нравственных ценностей у подрастающих поколений.

Ключевые слова: культурно-историческое пространство города, исторические памятники, социальные функции памятников, война с памятниками, война с памятью, социальная память, образование, молодежь

Первая четверть XXI века полна событий, затронувших многие страны мира. Причем причины их возникновения, характер протекания и последствия имеют много общего (пандемия коронавируса, экономический спад и пр.). Из множества примеров приведем один, который оказывает влияние на формирование социальной памяти, национального самосознания и, как следствие, на политику государств. Это «война с памятниками». Отметим, что такие явления в истории человечества часто повторяются. Основания для возникновения «войн с памятниками» следует искать в смене аксиологических факторов в обществе, и поэтому «войны с памятниками» — это, по сути, «войны с памятью». Разрушение памятников уничтожает возможность визуального восприятия объектов, напоминающих об исторических событиях, объективное знание о которых, не найдя отражения в образовательных программах, может привести к тому, что они будут «стерты» из социальной памяти или в угоду политической моде искажены до неузнаваемости.

Однако не только уничтожение памятников может привести к забвению исторических событий и переформатированию социальной памяти. Подобное может произойти и при наличии памятников в ситуации, когда они начинают терять силу эмоционального воздействия на людей и становятся просто атрибутом городского пространства. Приведем два примера. Распад социалистической системы детерминировал процессы «конструирования наций» в Восточной Европе, индикатором которых стал «бум установки памятников героям средневековой истории» на постсоветском пространстве [Филушкин, 2017: 382]. В целях «возрождения» культурных корней и сохранения связи времен в 1990—2000-е годы в России было установлено большое количество новых памятников историческим персонажам, в том числе более десятка *Кириллу и Мефодию* [там же: 387], *Александру Невскому* [там же: 390] и др. Однако факт наличия памятников не гарантирует реализацию тех социальных функций, которые они могут выполнять. Что было подтверждено результатами социологических исследований, проведенных автором статьи.

Студенты слабо осведомлены о роли Кирилла и Мефодия в создании славянской письменности, хотя в интернете, в котором они «пребывают» ежедневно, в свободном доступе имеется вся необходимая информация. Однако на вопросы «Знаете ли Вы, кто такие Кирилл и Мефодий?» и «Чем они знамениты?» одни затруднились ответить: «Не могу ничего сказать» (17%), «Точно сказать не могу, но имена знакомые» (27%); другие вспомнили, что они проповедовали христианство и поэтому «их причислили

к лику святых» (32%). И лишь 24% опрошенных связали их имена с созданием славянской азбуки¹.

Целью другого исследования было выяснить, насколько хорошо студенты ориентируются в культурно-историческом пространстве города и знают историю страны. Опрос был посвящен Александру Невскому, семиметровый памятник которому поставлен в 2007 г. на центральной площади Волгограда². Результаты исследования показали: 78% опрошенных знают, что Александр Невский был полководцем, однако назвать сражения с его участием не смогли; 22% отметили его как русского князя. Несмотря на то, что памятник Александра Невского стоит в центре города, 71% опрошенных не смогли назвать места в Волгограде, связанные с его именем, ссылаясь на то, что они приезжие, редко бывают в городе и др. Одна десятая часть респондентов отметили, что «с именем Александра Невского связан строящийся собор в центре Волгограда», и объяснили это тем, что он является покровителем города. 8% респондентов высказали предположение, что улица Невская как-то связана с именем великого полководца, но в своем утверждении не совсем были уверены. И лишь 11% опрошенных знают, где находится памятник Александру Невскому, но почему его поставили в Волгограде, ответить не смогли и не вспомнили ни одного источника информации, из которого необходимые знания могли быть получены. А ведь Александр Невский четыре раза ездил в Золотую Орду, столица которой Сарай-Берке находилась неподалеку от современного Волгограда, где проявлял заслуживающие уважения дипломатические способности, позволившие уберечь русские города от уничтожения. Однако об этих качествах князя молодые люди слабо осведомлены. Это подтверждают результаты исследования, проведенного среди учащихся 9—11 классов МКОУ СОШ № 7 села Старомарьевка Ставропольского края: лишь 20% респондентов охарактеризовали Александра Невского как видного государственного деятеля (политика и дипломата), в то время как 80% респондентов знают его только как полководца [Акинин, 2017].

Приведенные данные свидетельствуют о плохом знании молодыми людьми истории своей страны, культурно-исторического пространства

¹ Социологический опрос «Кирилл и Мефодий — кто они?» проведен среди волгоградских студентов в сентябре 2019 г. Количество респондентов: 187 чел. Метод: анкетный опрос. Задача репрезентации выборки не ставилась.

² Исследование проведено в ноябре-декабре 2019 г., приняли участие студенты второго курса гуманитарного и естественно-научного профилей обучения одного из вузов города. Количество респондентов: 103 чел., из них: филологи — 29 чел., экологи — 26 чел., социальные работники — 23 чел., юристы — 25 чел. Метод: анкетный опрос. Задача репрезентации выборки не ставилась.

города. Это может привести к личностному манкуртизму, проявляющемуся в утрате интереса к историческому прошлому и низком уровне гражданской ответственности [Тощенко, 2011]. Поэтому стоит задуматься о качестве получаемого молодыми людьми образования и использовать социальные функции культурных памятников (образовательную, воспитательную, гносеологическую и др.) более активно, воспитывать молодежь на положительных примерах выдающихся людей, деятельность которых была направлена на защиту и развитие страны.

Изучение и сохранение памятников имеет большое значение, так как они выступают связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, оказывают влияние на формирование социальной памяти, духовных ценностей. «Война с памятниками» (вернее с памятью) ведется разными способами: через вандализм (уничтожение, осквернение), искажение исторической правды, забвение. Это недопустимо и опасно, так как незнание уроков истории и повторение ее губительных для существования человечества ошибок приводит, как правило, к трагическим последствиям.

Список литературы

1. Акинин М. Д. Сила дипломатии Александра Невского // Юный ученый. 2017. № 2 (11). С. 50—51.
2. Тощенко Ж. Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания (Опыт социологического анализа) // Социология власти. 2010. № 1. С. 6—18.
3. Филюшкин А. И. Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам древней Руси? // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. Выпуск 7. С. 382—397.

Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева

ОБРАЗ СТРАНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ЕВГЕНЬЕВА Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: etv133@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4711-5476

СЕЛЕЗНЕВА Антонина Владимировна — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ntonina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2500-6356

Аннотация. Авторы предлагают концептуальную модель анализа восприятия России в контексте исторической памяти и иллюстрируют возможности ее практического применения результатами эмпирических исследований. В рамках политико-психологического подхода образы прошлого рассматриваются в единстве временного континуума «*пошлое — настоящее — будущее*», определяющего темпоральные аспекты восприятия России. Образ страны в контексте исторической памяти включает в себя мифо-символические представления о России как Родине и Отечестве, образы исторических эпох, образы власти в разные исторические периоды, образы исторических деятелей, образы исторических событий. Авторы обозначают, что в настоящее время в сознании граждан актуализированы образы советского прошлого, которые и выступают призмой восприятия России в настоящем и будущем.

Ключевые слова: политическая психология, образ страны, историческая память, исторические эпохи, исторические события, образ власти, исторические деятели

Благодарность. Тезисы доклада представляют материалы исследования, выполненного на кафедре социологии и психологии политики факульте-

та политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в Российском обществе: политико-психологический анализ».

Объектами восприятия в контексте исторической памяти выступают исторические периоды (эпохи), события и личности, имеющие определенную позитивную или негативную значимость для отдельного человека или социальной группы. В рамках политико-психологического подхода основное внимание сфокусировано на представлениях о прошлом в сознании людей, механизмах их формирования, трансформации и актуализации в разные исторические периоды. Здесь мы опираемся главным образом на психологические подходы к анализу коллективной памяти [Емельянова, 2019]. В контексте анализа проблемы восприятия страны представляется целесообразным использовать термин «историческая память», который позволяет разграничить присутствующие в современном разные модальности «исторического»: историческое сознание и историческую память, дискурс исторической науки и дискурс исторической памяти [Завершинский, 2012: 150].

В процессе эмпирического изучения образов прошлого внимание уделяется в первую очередь следующим составляющим.

Во-первых, это образ страны как Родины и Отечества в единстве темпоральной и мифо-символической модальностей. Как отмечает А. И. Щербинин, естественное (территория) и политическое (страна) скрепляются духовным (Родина): «нормальное территориально-политическое образование может существовать только в триединстве души, естественного и политического тела» [Щербинин, 2015: 36].

Во-вторых, это исторические эпохи — отдельные периоды истории страны, отношение к которым у граждан определяет общую рамку исторической памяти. Восприятие исторических эпох в сознании граждан зачастую редуцируется до оценок власти в эти периоды. Наши исследования показывают, что образы власти в ретроспективе носят ярко выраженный и устойчиво сохраняющийся эмоциональный характер: на протяжении последнего десятилетия сохраняется нейтрально-положительное отношение россиян к власти в советский период, резко отрицательное — к ельцинской власти и нейтрально-негативное к современной российской власти [Шестопал и др., 2014]. Образы власти разных эпох характеризуются когнитивной простотой, нечеткостью и абстрактностью. Здесь проявляется традиционно свойственная нашей политической культуре

отчужденность власти от народа, что делает ее, независимо от эпохи, всегда далекой и непонятной людям [Власть и лидеры..., 2019: 615].

В-третьих, *исторические события*, вызывающие у людей чувство гордости или сожаления, как индикатор символического определения людьми общих побед и поражений, косвенно влияющий на определение ими «чужих» и «врагов». Исторические события, отражающиеся в сознании людей, могут быть маркированы по-разному: как роковые события — «поворотные пункты истории» [Расторгуев, 2014], как «избранные травмы» и «общая слава» [Волкан, Оболенский, 1992]. Наиболее значимы в исторической памяти военные события, имеющие героический и/или трагический характер. В исторической памяти и исторической политике нашей страны таковым событием является Великая Отечественная война, которая приобрела в исторической памяти статус «сакральной истории» [Глебова, 2017: 140].

Наши исследования показывают, что наиболее важные события «героического» прошлого России, по мнению опрошенных, относятся к советскому периоду и имеют символический смысл — победа в Великой Отечественной войне, полет Ю. Гагарина в космос, различные спортивные и культурные события.

В-четвертых, *исторические деятели прошлого*, которые оказали наибольшее влияние на развитие нашей страны и могут быть названы политическими лидерами, что отражает, с одной стороны, персонификацию власти как особую черту ее восприятия в нашей стране, а с другой — определяет символы-персоны как основы для формирования политической идентичности. Причем важно не только то, кто из исторических деятелей прошлого сохраняется в памяти народа, но и какими видят их люди, как меняется отношение к ним. Среди политических деятелей прошлого, имеющих для граждан символический смысл, значимыми и неоднозначными являются советские политики В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Таким образом, историко-культурная компонента в образе стран представлена представлениями граждан о стране, власти, лидерах, эпохах и событиях, имеющими темпоральную проекцию (преимущественно в прошлое) и культурную обусловленность.

Список литературы

1. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993—2018) / отв. ред. книги Е. Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019.

2. Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 41—42.
3. Глебова И. И. О Великой войне, национальной мифологии и современном российском обществе // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2017. № 1. С. 136—146.
4. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019.
5. Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // *Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; отв. ред.: Малинова О. Ю.* Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 149—163.
6. Расторгуев В. Н. Уроки истории: войны прошлого и синхронизм информационных событий // *Пространство и Время*. 2014. Т. 6. Вып. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t6v1/2227-9490e-aprovr_e-ast6-1.2014.42.php.
7. Шестопал Е. Б., Ахматнурова С., Богдан И., Давыдов С., Марков В., Музыка Е., Нестерова С., Рамалданов Г., Смутькина Н., Трущева А., Черданцева А. Исторические особенности восприятия российской власти // *Историческая психология государственного управления*. 2014. № 1. С. 41—57.
8. Щербинин А. И. Образ родины или призрак империи? // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2015. № 1 (3). С. 36—42.

Человек и власть**Е. А. Васильева, М. В. Рубцова****МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ: ОПЫТ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)**

ВАСИЛЬЕВА Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vasilieva@bk.ru

РУБЦОВА Мария Владимировна — доктор социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: FLP2008@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время формируется общественный запрос на обеспечение взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества, участия граждан в принятии общественно важных общественных решений. Для разработки мероприятий по совершенствованию государственного управления необходимо оценить готовность чиновников трансформировать свои социальные практики с учетом этого запроса. Целью исследования было сравнительное исследование мотивационных ценностных установок государственных служащих и молодежи Республики Саха (Якутия), в том числе мотивации к взаимодействию с общественностью. Исследование проводилось методом опроса. В результате было установлено, что, по мнению обеих групп респондентов, институты гражданского общества не могут непосредственно принимать участие в деятельности органов государственной власти. Они рассматриваются не как полноценные субъекты государственного управления, а только как субъекты контроля, причем чиновники готовы взаимодействовать только с легитимизированными, то есть признанными государством общественными организациями, не признавая самоорганизующиеся объединения. Таким образом, республиканские государственные служащие не мотивированы на более активное взаимодействие с общественностью, за исключением организаций, инкорпорированных в государственные структуры. Это стремление чиновников сохранить закрытость государ-

ственного управления коррелирует с неготовностью общества принять на себя ответственность за принятие общественно значимых решений.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, мотивация, ценности, гражданское общество, властные полномочия, социальный статус

В последнее время существенно возрос общественный запрос на транспарентность государственного управления, что подразумевает готовность органов власти публично обсуждать общественно важные решения, предоставлять информацию о своей деятельности и обеспечивать учет общественного мнения. Многие авторы (см., например, [Шваб, 2016; Lane, 2018; Дмитриева, Стырин, 2014]) подчеркивают, что в условиях глобализованного технологически ориентированного государственного управления особое значение приобретают коммуникативные компетенции чиновников, их ориентация на согласование интересов различных социальных групп. Концептуальные документы и научная литература предлагают ряд мероприятий по совершенствованию этих компетенций, а также методики по оценке их эффективности [Ninad Shankar Nag, 2018; Rhodes, 1996]. Для обеспечения качества и эффективности государственного управления критически важной становится мотивация служащих на учет мнения населения при принятии государственно важных решений, а также готовность общественности принять на себя ответственность за исполнение государственных задач [Сонина, 2018: 41—42]. В то же время другие авторы подчеркивают, что предлагаемые методики не могут быть адекватно использованы за пределами западноевропейской модели государства, так как не учитывают исторически сложившиеся особенности этого института в рамках иных культурных матриц [Братченко, 2019: 66]. Таким образом, приобретает актуальность необходимость оценки мотивации государственных служащих к обеспечению взаимодействия с институтами гражданского общества, и готовности общества к участию в таком взаимодействии.

В 2018 г. в рамках реализации научного проекта № 18-411-14001 «Трансформация социальных практик взаимодействия гражданской службы и населения в условиях Арктики», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и Республики Саха (Якутия), было проведено сравнительное исследование мотивационных ценностных установок государственных служащих и молодежи Республики Саха (Якутия). В качестве исследовательского вопроса было выдвинуто предположение, что государственные служащие поддерживают закрытость государственного

управления, в то время как студенты более мотивированы к взаимодействию между органами государственной власти и институтами гражданского общества. Были опрошены 130 государственных гражданских служащих Республики Саха (Якутия) и 200 студентов Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ответ на вопрос «Кто должен осуществлять контроль над деятельностью государственного служащего?» позволил выявить декларируемые представления о субъекте управления внутри системы государственной службы. Ответы на вопросы о сущности понятия «гражданское общество» и о роли гражданского общества в системе государственного управления позволили прояснить отношение респондентов к этому социальному институту как субъекту взаимодействия.

Определяя субъект контроля над деятельностью государственной службы, большинство респондентов ожидаемо отметили руководителя органа исполнительной власти (29,5 % ответов) и органы правопорядка (28 %). Общественные организации в качестве контролирующего субъекта назвали только 15,4 % студентов, в то время как для государственных служащих этот вариант является вторым по значимости (32,3 % служащих). Возможность контроля со стороны неинституционализированных граждан допускают 19,4 % опрошенных студентов и только 10 % государственных служащих. Таким образом, государственные служащие более склонны к внутреннему контролю, а студенты — к внешнему.

Определяя гражданское общество, респонденты показали отсутствие единства. Наиболее популярными среди студентов были варианты: «общественные организации» (55,7 %), «органы общественного самоуправления» (48,8 %) и «любые объединения граждан» (49,3 %). Для государственных служащих на втором месте находится вариант «добровольческие организации» (53,1 %), который студенты ставят на четвертое место, что объясняется тем интересом, который проявило государство в год опроса к этой форме общественной самоорганизации. Таким образом, к институтам гражданского общества в представлении государственных служащих Республики Саха (Якутия) относятся только легитимизированные, то есть признанные государством общественные объединения, в то время как студенты принимают расширенное толкование.

Отвечая на вопрос, относятся ли институты гражданского общества к субъектам государственного управления, большинство респондентов полагают, что они являются полноценными участниками государственного управления, включая политические процессы (34,3 % студентов

и 43,8% служащих). Вторым по популярности среди государственных служащих является вариант «Субъекты гражданского общества должны контролировать выполнение функций государства, но сами их не выполняют» (30,5% служащих), а среди студентов — «Субъекты гражданского общества должны выполнять те функции, которые им передает государство» (21,9% студентов). Таким образом, большинство респондентов, как студентов, так и чиновников, отметили, что институты гражданского общества могут и должны участвовать в политическом процессе, а также вправе контролировать выполнение функций государства, но непосредственно принимать участие в деятельности органов исполнительной власти они не вправе.

В отношении определения возможных методов, посредством которых общественные организации могут оказывать влияние на государственное управление, респонденты разошлись во мнении. Государственные служащие в качестве основного метода воздействия признают выдвижение общественных инициатив, а студенты — участие в выборах. Обращение с жалобами в правоохранительные органы государственные служащие признают вторым по эффективности, а студенты ставят этот метод на третье место, что может объясняться общим низким уровнем доверия к деятельности правоохранительных органов. В отношении возможности общественных объединений самостоятельно решать вопросы местного значения студенты демонстрируют большой оптимизм, хотя в целом этот вариант не популярен.

Итак, в якутском обществе широко распространено мнение, что институты гражданского общества не являются полноценными субъектами государственного управления, по общему убеждению, влиять на решение общественно важных вопросов можно только инкорпорировавшись в государственные структуры. Возможно, именно этим в том числе объясняется наблюдаемая популярность государственной службы как перспективного места работы. Республиканские государственные служащие не мотивированы к активному взаимодействию с институтами гражданского общества, и эта неготовность коррелирует с неготовностью общества обеспечить результативный общественный контроль.

Список литературы

1. Братченко С. А. К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 57—72;

2. Дмитриева Н. Е., Стырин Е. М. Открытое государственное управление: задачи и перспективы в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 129
3. Сониная Е. О. Проблема концептуализации подходов к реформированию системы государственного управления на современном этапе // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 38—45.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
5. Lane J. E. (2018) A Theory of Good Governance or Good Government. *Social Sciences Research Journal*. Vol. 5. No. 8. P. 384—417.
6. Ninad Shankar Nag. (2018) Government, Governance and Good Governance. *The Indian journal of public administration*. Vol. 64. No. 1. P. 122—130. <https://www.doi.org/10.1177/0019556117735448>.
7. Rhodes R. A. W. (1996) The New Governance: Governing Without Government. *Political Studies*. Vol. 44. No. 4. P. 652—667. <https://www.doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x>.

Н. П. Щукина, Н. Н. Ламскова

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ

ЩУКИНА Нина Петровна — доктор социологических наук, профессор, Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

E-MAIL: nina_shukina@mail.ru

ЛАМСКОВА Наталья Николаевна — выпускница аспирантуры Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

E-MAIL: verhovceva-natal@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению диалога власти и общественности на поле публичных слушаний одного из регионов страны. Рассмотрен процесс конструирования коммуникации участниками публичных слушаний, проблематизируется диалоговый характер данной коммуникации с акцентом на характере участия общественности в данном процессе и на процедурных вопросах исследуемой коммуникации.

Ключевые слова: публичные слушания, диалог, власть, общественность

Тема диалога власти и гражданского общества регулярно озвучивается в официальном административном и неофициальном дискурсах, включая выступления политических деятелей, ежегодные доклады Общественной палаты Российской Федерации. Подчеркивается, что отсутствие диалога — *прямой путь к росту социального напряжения*¹, что миссия Общественной палаты — «способствовать конструктивному диалогу власти с обществом»², что созданы площадки «для общественно-государственного диалога»³.

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. С. 39. URL: <https://report2017.oprf.ru/data/pdf/OPRF.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2018. С. 19. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_OPRF_2018.pdf (дата обращения: 05.07.2020)

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2019. С. 13. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (дата обращения: 05.07.2020).

Цель данных тезисов — в проблематизации процесса конструирования взаимодействия власти и общественности как носящего диалоговый характер. В ходе нашего исследования, проведенного в период 2014—2018 гг. с помощью методов включенного наблюдения, экспертного опроса и анкетирования участников публичных слушаний (далее — ПС) по региональному бюджету⁴, предприняты усилия для ответа на следующие вопросы: существует ли этот диалог власти и общественности? Если да, то какой характер он носит: декларируемый или реальный? Как и кем конструируется этот диалог? Какова его направленность, усиливается он или ослабевает?

Сфокусируем внимание на организации ПС. Прежде всего — на площадках, на которых проходят эти слушания. Лишь итоговые ПС проходят на «нейтральной» территории: в зданиях областной библиотеки и одного из музеев, ПС по бюджетам региональных министерств проходят в актовых и конференц-залах этих министерств, с пропускной системой. Наблюдались случаи, когда даже по паспорту на ПС не могли пройти (сразу) как преподаватели вузов, так и студенты. Возможно, с этим связан и тот факт, что и на итоговых ПС людей «с улицы» — единицы. Что касается других участников ПС от общественности, то это эксперты и представители общественных организаций, как правило, получающих бюджетное финансирование на реализуемые ими мероприятия (ветеранские организации, а также организации людей с инвалидностью). На ПС, проходящих в таких министерствах, как министерства здравоохранения, науки и образования, нередко количественно доминируют представители власти, а не общественности. Ведут ПС — за исключением итоговых — представители власти, хотя первый этап этих ПС называется общественными обсуждениями. Регламент ПС, создаваемый представителями власти, предполагает проведение ПС, как правило, в течение 1—1,5 часов, с отведением нередко большего времени на выступления представителей власти, а не общественных экспертов, тем более других представителей общественности (исключение — итоговые ПС). Время проведения ПС планируется с учетом ресурсов власти, а не общественности: это рабочее время (начало ПС варьируется в интервале от 10.00 до 15.00 часов). Предполагается тем самым, что общественность — это

⁴ В качестве кейса выбрана Самарская область, неоднократно выступавшая пилотной площадкой по реализации разного рода инновационных проектов и социальных инициатив, а также находящаяся в числе лидеров рейтинга регионов по сумме выигранных президентских грантов в 2019 г.: четвертое место в стране, первое — по Приволжскому федеральному округу.

люди на пенсии, не работающие? Но на самом деле подавляющее большинство этой общественности — люди работающие.

Что касается содержательной стороны ПС, то обращает на себя внимание ряд моментов: от некорректности в использовании представителями власти множества терминов, неточного использования текстов нормативных актов представителями общественности (согласно наблюдениям за выступлениями общественных экспертов и представителей министерств на ПС) до обозначения опрошенными экспертами того факта, что ПС проходят тогда, когда региональный бюджет уже утвержден. Не напоминают ли эти слушания работу в стол? Причем речь идет о таких серьезных дискуссиях, наблюдаемых нами на площадках ПС, как результативность повышения в 2018 г. зарплаты работников социальной сферы, выполнения госпрограммы «Доступная среда», реализуемых НКО программ дополнительного образования для школьников; как эффективность бюджетного финансирования ряда НКО и нормативный контекст такого финансирования; подготовка и проведение в регионе «мусорной реформы».

Несмотря на сказанное выше, все же наблюдается позитивная динамика во взаимодействии власти и общественности, о чем говорят 76,8% опрошенных в ходе анкетирования участников ПС⁵. Такая точка зрения поддерживается и опрошенными экспертами, и результатами наблюдения:

Мне нравится это общение, потому что без мнения общественности мы бы, наверное, замкнулись в себе, многих вещей не заметили вокруг. Это позволяет на сегодняшний день видеть проблемы. (Из инт. от 01.03.2017)

Три года назад, на мой взгляд, мало слышали [друг друга], сейчас больше; наверное, потому что мы начали работать со СМИ еще... Когда люди эмоционалируют, диалога никогда не получается. (Из наблюдений ПС в минздраве от 27.04.2017)

У нас публичные слушания все лучше и лучше организываются. (Из наблюдений ПС в минздраве от 27.04.2017)

Уважаемые участники публичных слушаний, позвольте, прежде всего, поблагодарить министерство финансов Самарской области за ставшее хорошей

⁵ Сплошной опрос, проведен в ноябре 2018 г., опрошено 167 участников публичных слушаний. В ходе экспертного опроса опрошено 11 человек.

традицией внимание к той работе, которую проводим мы — общественные эксперты, гражданские активисты, взаимодействуя на поле бюджетного процесса, социальной политики региона в целом, выстраивая диалоговое взаимодействие. (Из наблюдений на итоговых ПС от 31.05.2016 г.)

Подчеркнем, что в 2014—2015 гг. наблюдались конкурирующие дискурсы власти и общественности на ПС: стороны оппонировали, порой уличали друг друга, например, в нестыковке целеполагания и ожидаемых результатов в реализуемых в регионе социальных программах; в невыполнении отдельных мероприятий этих программ; в выступлениях общественных экспертов на ПС не по теме; в использовании трибуны ПС для саморекламы (согласно нашим наблюдениям и экспертному опросу). В 2016—2018 гг. была заметна позитивная динамика во взаимодействии власти и общественности на ПС: дискуссии стали более предметными и конструктивными, им нередко предшествовали круглые столы по наиболее сложным вопросам социальной политики, например, об эффективности и результативности реализуемых в регионе социальных программ, проводились консультации на площадках министерств, обучающие семинары для общественных экспертов-стажеров силами самих НКО. Тем не менее и сегодня итоговые ПС проходят тогда, когда региональный бюджет уже утвержден. Наблюдается — хотя и противоречиво — тенденция готовности власти считаться с мнением общественности по целому ряду вопросов, хотя многие из них — организационного уровня.

Что касается реального влияния общественности на планирование регионального бюджета, то оно весьма проблемно. С одной стороны, представители общественности регулярно на площадках ПС инициируют целый ряд дискуссий по существенным вопросам региональной социальной политики. С другой стороны, весьма пестр состав общественных экспертов, в 2018 г. произошла смена региональной власти, а значит и состав участников ПС от власти. При этом неизменным остается факт проведения итоговых ПС после утверждения регионального бюджета. Но в таком случае трудно что-то менять в этом бюджете в принципе, тем более по инициативе общественности.

Резюмируя сказанное касательно конструирования диалога власти и общественности в пространстве ПС, подчеркнем, что изученные практики организации ПС способствуют утверждению скорее декларируемого характера этого диалога, нежели реального. Тематика диалога так или иначе вытесняется представителями власти, доминирующими на ПС, что

находит отражение в оформлении данного процесса, в организации его пространственно-временных границ, в регламенте, устанавливаемом организаторами ПС от министерств, в ограничении допуска на эти слушания тех, кто не попал в заранее составленные списки участников ПС (исключение — итоговые ПС).

В итоге взаимодействие власти и общественности в изучаемом пространстве напоминает своего рода перформанс — скажем так, несколько перефразируя И. Гофмана [Гофман, 2003: 186], превращающий участников ПС в сценических исполнителей, являющихся объектом наблюдения со стороны аудитории. Эти исполнители регулярно — дважды в год — проигрывают свои роли, вдоль и поперек разглядываются без какого-либо риска обиды, поскольку сами их действия предназначены для разглядывания. В таком случае какова реальная потребность власти и общественности в реальном диалоге в изучаемом пространстве? И возможен ли этот диалог в принципе, несмотря на все более широкое использование терминов «диалог», «реальный диалог», «мы не оппоненты» участниками изучаемого процесса?

Список литературы

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Ю. В. Соболевская

ОТНОШЕНИЕ К КОНСТИТУЦИОННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КАК КРИТЕРИЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

СОБОЛЕВСКАЯ Юлия Владимировна — кандидат юридических наук, заведующая отделом социолого-правовых исследований, Московский институт социологических исследований (АНО МИСИ), Москва, Россия

E-MAIL: misi2015@bk.ru

Аннотация. Раскрываются итоги пилотажного исследования «Общественные ожидания и конституционные изменения», формулируются проблемы и рекомендации. В исследовании использовался метод полуструктурированного интервью. Проведен опрос представителей разных образовательных, социально-профессиональных и возрастных групп. На основе логических и эмпирических критериев вычленено шесть политико-правовых типов респондентов («критики», «индифферентные», «скептики», «интересующиеся», «потенциально активные», «технократы-рационалисты»).

Ключевые слова: конституция, конституционные изменения, пилотажное исследование, общественное мнение, поведение, сознание

Конституционные изменения в контексте общественного мнения — предмет пристального внимания политиков и исследователей разных стран [Kuo, 2019; Blake, Levinson, 2016, Хвыля-Олинтер, 2016]. Особую актуальность этой теме придает внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Восприятию разными категориями граждан роли Конституции, потребности конституционных изменений и других аспектов уделено много внимания в исследованиях и публикациях ВЦИОМ⁶, Института социологии РАН [Двадцать пять лет..., 2018: 49] и других социологических центров.

Тем не менее за рамками исследований находится ряд вопросов, включая типологию политико-правового сознания и поведения. Попытка углубленного анализа отношения россиян к Конституции была предпри-

⁶ Голосование по поправкам в Конституцию: прогноз ВЦИОМ. Аналитический обзор № 42679 // ВЦИОМ. 19.06.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10340> (дата обращения 20.08.2020).

нята в рамках пилотажного исследования на тему «Общественные ожидания и конституционные изменения», проведенного в феврале — марте 2020 г. на базе отдела социолого-правовых исследований Московского института социологических исследований (АНО МИСИ).

Удалось выявить ряд проблем, наметить типологизацию респондентов на основе специфики их политико-правового сознания и поведения, выделить характерные тенденции. На этой основе с учетом палитры мнений респондентов зафиксируем главное — выявилась связь между критическим восприятием конституционных изменений и неучтенным общественным потенциалом решения политико-правовых проблем: примерно половина опрошенных считают себя потенциально активными, при определенных условиях склонными активно участвовать в обсуждении конституционных инициатив, в их поддержке.

Конкретизируя, отметим: все респонденты высоко оценивают как такую роль Основного закона в качестве политического и правового документа. В то же время действующая Конституция удостоилась противоречивых оценок: треть интервьюируемых считает, что России нужна новая Конституция, еще треть — что необходимы некоторые поправки в действующую, наконец, оставшаяся треть не считает целесообразным изменения Основного закона.

Внесенные поправки в действующую Конституцию практически все интервьюируемые оценивают критически. Среди поводов для неудовольствия:

Поправки принимаются в интересах отдельных социальных слоев или группы лиц, а не в интересах всего народа (хотя это небесспорно).

Ряд поправок является малозначительным и недостойным содержания Основного закона.

Поспешный характер внесения поправок.

Половина респондентов заявили, что ход поправок освещался недостаточно и что они хотели бы получать более полную информацию, причем из официальных источников.

Две трети респондентов считали бы полезными обсуждение поправок к Конституции на разных площадках (в трудовых коллективах и т. д.), значительная часть из них приняли бы в таком обсуждении активное участие.

Дифференциация оценок и мнений, выявленных в ходе интервьюирования, позволяет с определенной долей условности выделить шесть групп респондентов: «критики», «индифферентные», «скептики», «интересующиеся», «потенциально активные», «технократы-рационалисты».

Критиков отличает резкое недовольство сложившейся в стране социальной ситуацией (с возложением вины как на властные структуры, так и на общество в целом) при персонально низком уровне гражданской ответственности и выраженных патерналистских настроениях.

Отсутствует готовность даже «раздельно» собирать мусор, полагая мусорную проблему целиком задачей и обязанностью государства. За этим, казалось бы, малозначительным нюансом просматривается в целом общественная незрелость, хотя высокие ожидания в отношении права в целом и Основного закона в частности сохраняются.

Индифферентные, так же как и критики, демонстрируют низкий уровень гражданской активности и ответственности при столь же высокой требовательности к государству и собственным потребительским запросам, но более терпимо, «без надрыва» переживая проблемы российской действительности.

Скептики воспринимают несовершенства социального бытия как данность и почти закономерность, полагая бессмысленными попытки его улучшения с помощью политико-правовых решений и необходимой общественной активности⁷ (хотя и признают гипотетически высокую роль Конституции). В то же время скептикам не чуждо чувство личной ответственности: они не предъявляют завышенных требований к государству, не считают его обязанным обеспечивать их комфорт, уходя от взаимности.

Интересующиеся — в отличие от предыдущих трех групп, полагают целесообразной личную и общественную причастность к делам государства и общества, включая изменение Основного закона страны, но в ограниченных пределах — «правильного» голосования на основе хорошего информирования.

Потенциально активные — видят смысл в общественной деятельности и верят в необходимость активности «снизу», при этом трезво оценивая ситуацию (зачастую не в меньшей мере, нежели скептики) и несколько не обольщаясь насчет уровня правосознания сограждан.

Тем не менее считают своей обязанностью в случае, если власть сочтет нужным услышать общественное мнение (в том числе по поводу содер-

⁷ «Вспомним Салтыкова-Щедрина, чтобы исключить иллюзии в отношении любых конституционных поправок. С тех времен ничего не изменилось», — напомнил с долей иронии один респондент.

жания Конституции России), самым активным образом содействовать его формированию и донесению⁸.

Технократы-рационалисты — «пожимали плечами» на все вопросы интервью, не только не артикулируя собственную позицию, но затрудняясь даже выбрать ответ из числа предлагаемых. Высокий уровень образования не позволяет предполагать отсутствие у этих респондентов собственного мнения, в том числе по политическим вопросам. Из чего можно предположить, что политика и право ими недооцениваются, не отвечая каким-то рационально-прагматическим или эгоцентрическим представлениям.

В качестве предварительных результатов отметим, что из 31 интервьюируемого значительная часть показала себя как потенциально активные (почти 50%), а 20% — как проявляющие интерес к конституционно-правовой проблематике. Представители иных политико-правовых типов оказались лишь обозначенными на примере отдельных респондентов.

При репрезентативной выборке допускаем увеличение доли индифферентных, скептиков и технократов-рационалистов, так как эти категории с трудом удалось склонить к участию в исследовании.

Пока непросто обсуждать и проявившиеся особенности выделенных типажей, так как в одну и ту же группу попали респонденты, обладающие различным социальным статусом и, напротив, в разные группы — одинаковым⁹.

Однако правомерно зафиксировать, что в самую многочисленную группу потенциально активных вошли респонденты самого разного социального статуса: с доходами как выше, так и ниже среднего; с уровнем образования — от высшего до докторской степени; представители как гуманитарных, так и технических профессий; работники органов государственной власти, организаторы малого и среднего бизнеса, творческая интеллигенция — *что указывает на потенциальные возможности консолидации российского общества при продуманной и выстроенной политике формирования общественного мнения.*

⁸ Проявляли живой интерес к теме исследования, а по окончании интервью выражали надежду на то, что их позиция вкупе с позицией остальных сыграет позитивную роль в направлении социальных процессов в нужное русло и в развитии науки.

⁹ Так, из двух респондентов, занимающих одну и ту же должность руководителей среднего звена в федеральном органе государственной власти, работающих в одном структурном подразделении, имеющих одинаковый возраст, один по всем признакам относится к «интересующимся», другой — к «потенциально активным».

Несмотря на ограниченное количество опрошенных (представляющих, тем не менее, значимые группы российского общества¹⁰), удалось понять и оценить специфику правового сознания и поведения, что является сравнительно интересным исследовательским результатом. Содержательные выводы таковы: поправки к Конституции РФ недостаточно учитывали общественные потребности, сформировавшиеся в последние два десятилетия общественные настроения. Притом что эти явления неоднократно артикулировались на авторитетных научно-практических конференциях и в авторских публикациях, вскрывая масштабные проблемы в политико-правовой сфере и прогнозируя опасные тенденции [Марченко, 2013]¹¹. Однако экспертное мнение в отношении путей решения политико-правовых проблем современной России оказалось не сформировано, из-за чего стала возможна поверхностная и частичная конституционная реформа.

Внесение поправок по широкому спектру назревших вопросов, их широкое обсуждение могло бы интегрировать оценки и мнения в юридическом сообществе и в российском обществе, но было отдано предпочтение бюрократически осторожному пути, что и вызвало общественную неудовлетворенность. Таков принципиальный вывод.

Что же касается методических аспектов, то проведение пилотажного социолого-правового исследования себя также оправдало. Была отработана концепция, апробирован инструментарий, получены оригинальные эмпирические данные, отражающие важные тенденции. На этой основе появляются возможности для научных поисков и реализации новой исследовательской программы, базирующейся на междисциплинарном фундаменте юридической, социологической и политической наук, о чем уже доводилось писать [Соболевская, 2019].

Список литературы

1. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа // М. К. Горшков и др. / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

¹⁰ Государственные служащие, научные работники, предприниматели, домохозяйки, пенсионеры. Все респонденты — обладатели одного или нескольких дипломов о высшем гуманитарном или техническом образовании. Занимают должности квалифицированных специалистов или руководителей среднего звена в органах государственной власти, государственных и частных компаниях, являются организаторами малого или среднего бизнеса, представителями научного сообщества и творческой интеллигенции. У отдельных респондентов — ученая степень. Возраст опрошенных — от 35 до 55 лет, трое — старше 60. 20 москвичей, 6 проживают в Московской области, еще 5 — в административных центрах субъектов РФ.

¹¹ См. также: Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 09.10.2018. № 226 (7689).

2. Марченко М. Н. Конституция постсоветской России: проблемы теории и методологии познания // Государство и право. 2013. № 12. С. 26—33.
3. Соболевская Ю. В. «Право против хаоса» о роли В. Д. Зорькина в перспективных исследованиях новой роли права в XXI веке // Государство и право. 2019а. № 1. С. 190—194.
4. Соболевская Ю. В. Социологические исследования — инструмент выявления общественного мнения по вопросам права // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир». М. : ВЦИОМ. 2019б. С. 166—171.
5. Хвыля-Олинтер Н. А. Общественное мнение и конституционные ценности в России // Вестник Московского университета. 2016. № 1. С. 99—110. (Серия 11: Право).
6. Kuo M-S. (2019) Against instantaneous democracy. *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 17. No. 2. P. 554—575.
7. Blake W. D., Levinson S. V. (2016) The Limits of Veneration: Public Support for a New Constitutional Convention. *Constitutional Studies*. Vol. 1. No. 2. P. 1—22.

Д. А. Губанов, И. В. Козицин, А. Г. Чхартишвили

О ВЫЯВЛЕНИИ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ОНЛАЙНОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

ГУБАНОВ Дмитрий Алексеевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dmitry.a.g@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0099-3386

КОЗИЦИН Иван Владимирович — младший научный сотрудник, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Россия

E-MAIL: kozitsin.ivan@mail.com

ORCID: 0000-0002-2638-0131

ЧХАРТИШВИЛИ Александр Гедеванович — доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией «Сложных сетей», Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Россия

E-MAIL: sandro_ch@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2970-1244

Аннотация. Задача определения предпочтений индивидов является важной для многих научных и практических целей. В данном докладе представлена модель, позволяющая рассматривать идейно-политические предпочтения граждан РФ в трехмерном базисе «державник — либерал — социалист» (ДЛС-модель), а также ряд методов и технологий, позволяющих определять предпочтения пользователей онлайн-социальной сети «ВКонтакте». В качестве признаков, определяющих предпочтения индивидов, используются их подписки на паблики, группы, страницы событий и блогеров, а также указанные политические взгляды. Признаки были формализованы при помощи one-hot кодирования. Для формирования базы данных использовались подписчики аккаунтов, характеризующихся четко выраженной идейно-политической позицией (в работе такие аккаунты названы маркерными). При помощи одного из методов машинного обучения с учителем (логистической регрессии) был получен алгоритм, позволяющий оценивать ДЛС-вектор пользователя сети «ВКонтакте». Приведены примеры применения данного алгорит-

ма для выявления идейно-политических предпочтений пользователей городских сообществ.

Ключевые слова: онлайн-социальные сети, городские сообщества, стохастическая модель предпочтений, ДЛС-модель

Благодарность. Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ (проект 18-29-22042).

Классификация граждан по идейно-политическим предпочтениям давно представляет собой актуальную задачу социологических и политологических исследований (см. [Блинов, 2010; Бызов, 2019; Inglehart, 1977; Rokeach, 1973] и др.). В данной работе будет использована модель из статьи [Бызов и др., 2020], где идейно-политические взгляды современных россиян предлагается рассматривать как смесь трех ярко выраженных базисных установок: «державник — либерал — социалист». Компонента «Державник» описывает, насколько индивид привержен идее о едином, сильном и независимом государстве. Компонента «Либерал» выражает важность для индивида уважения со стороны государства его (индивида) личных прав и свобод. Компонента «Социалист» отвечает за стремление индивида к социально-экономической справедливости.

Таким образом, в рамках предлагаемой модели (которую будем далее называть ДЛС-моделью) существует три чистых типа взглядов. Взгляды каждого индивида представим в виде ДЛС-вектора — строки из трех неотрицательных компонент, в сумме равных единице (например, индивид, описываемый ДЛС-вектором $(1, 0, 0)$, является чистым державником).

В 2018 г. Институт социологии РАН провел опрос¹², предлагая респондентам определить ценности, на которых должно строиться будущее России. Наибольшей поддержкой пользуются «Социальная справедливость» (59%), «Права человека демократия, свобода самовыражения личности» (37%), «Россия должна стать великой державой» (32%). Нетрудно видеть, что эти ценности хорошо соответствуют трем базисным установкам: социалист, либерал и державник соответственно.

Отправной точкой для выявления предпочтений пользователей онлайн-социальной сети «ВКонтакте» служит экспертное определение маркерных аккаунтов (учетных записей) — тех аккаунтов сети «ВКонтакте»,

¹² См. Благополучие дороже величия // Коммерсантъ. 06.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3792003> (дата обращения: 15.06.2020).

контент которых может быть однозначно отнесен ровно к одному из трех идеологических направлений. Количество маркерных аккаунтов составляет 9, 12 и 13 соответственно.

После определения перечня маркерных аккаунтов было сформировано множество I пользователей, являющихся их друзьями (в случае, если маркерный аккаунт относится к типу «пользователь») или подписчиками, удовлетворяющее следующим критериям: пользователь не удален и не заблокирован, посещал социальную сеть «ВКонтакте» хотя бы раз за последний месяц, аккаунт не скрыт настройками приватности. Таких пользователей оказалось 194 674, были выгружены данные их аккаунтов.

Далее задача оценивания ДЛС-вектора была сведена к задаче трех-классовой классификации. Рассматривались следующие классы: державники (класс D), либералы (класс L) и социалисты (класс S). Из множества I были исключены пользователи, которые были подписаны на маркерные аккаунты различных идеологических направлений. Количество элементов в оставшемся множестве $I_* \subset I$ оказалось равным 177 704. Каждый пользователь из множества I_* может быть однозначно отнесен к одному из трех классов, при этом численность классов D , L и S оказалась 64 139, 59 951 и 53 614 соответственно.

Помимо подписок на маркерные аккаунты для анализа были взяты следующие параметры пользователей (общее количество параметров — 4 917 363): подписки на паблики, группы, страницы событий и блогеров, а также указание политических предпочтений. При помощи одного из методов машинного обучения (логистической регрессии) был получен алгоритм, позволяющий оценивать ДЛС-вектор пользователя сети «ВКонтакте». Для оценивания качества классификации был использован показатель средняя полнота. (Напомним, что полнота класса — это доля верно классифицированных представителей этого класса, средняя полнота — это значение показателя полноты класса, усредненное по всем классам.) В результате средняя полнота классификации оказалась равной 0,674, что более чем в два раза превышает точность при случайной классификации.

Приведем примеры визуализации идейно-политических взглядов в виде тепловой карты логарифма частот для нескольких аналогичных пабликов «Подслушано в ...» в различных российских городах: Москве, Екатеринбурге, Севастополе. На рисунках 1—3 обозначена также «идеальная» идейно-политическая позиция — точка, минимизирующая суммарное расстояние до позиций пользователей:

- в паблике «Подслушано Москва» — (0,42; 0,29; 0,29),
- в паблике «Подслушано в Екатеринбурге» — (0,37; 0,32; 0,31),
- в паблике «Подслушано Севастополь» — (0,51; 0,22; 0,27).

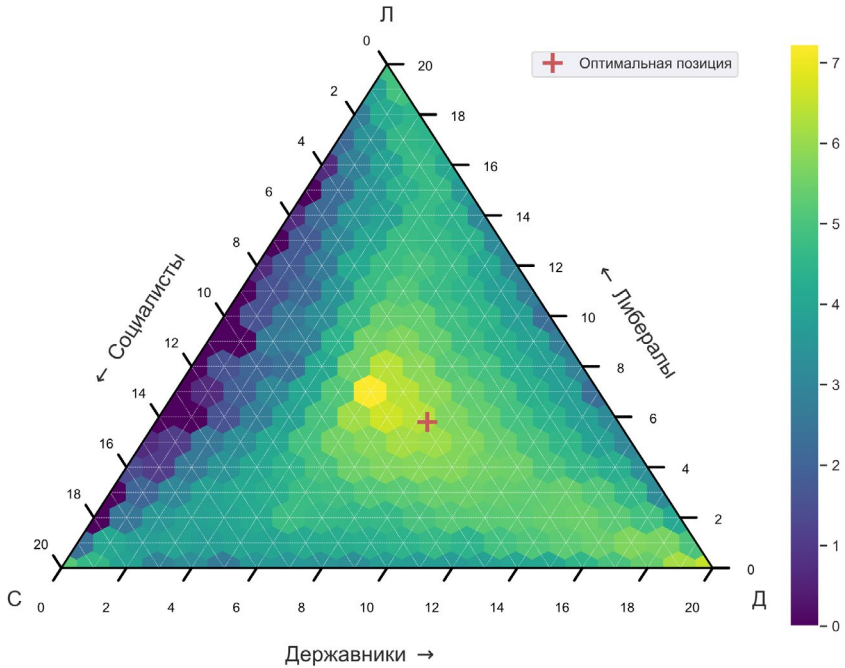

Рисунок 1. Тепловая карта предпочтений подписчиков «Подслушано Москва» (логарифм частот)

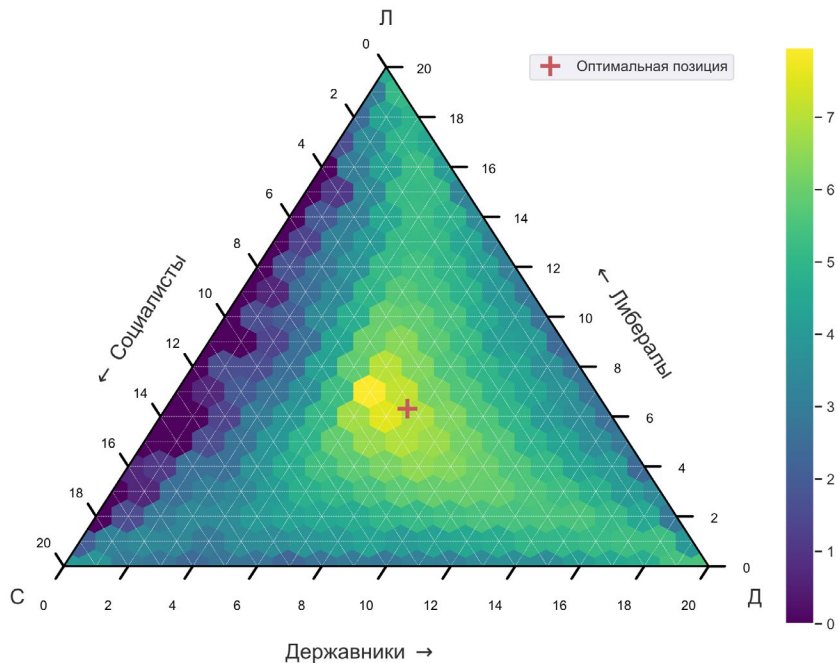

Рисунок 2. Тепловая карта предпочтений подписчиков «Подслушано в Екатеринбурге» (логарифм частот)

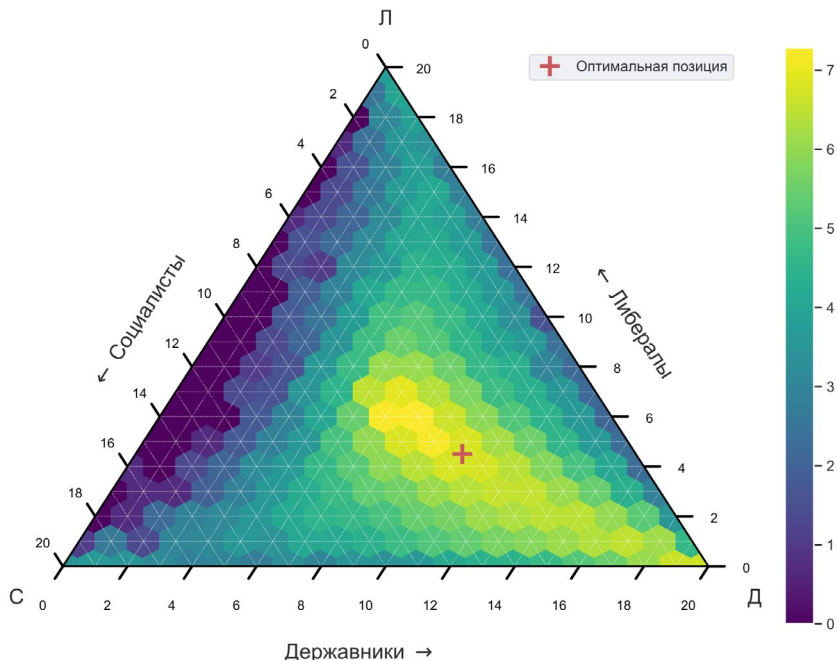

Рисунок 3. Тепловая карта предпочтений подписчиков «Подслушано Севастополь» (логарифм частот)

В заключение отметим, что конкретный набор базисных взглядов, актуальный для нынешнего российского идейно-политического ландшафта, со временем может потребовать корректировки. Однако предлагаемые методы достаточно универсальны в том смысле, что их можно применить и по отношению к другому базисному набору, в том числе с другим количеством базисных идейно-политических направлений.

Список литературы

1. Блинов В. В. Типы идеологических сторонников в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100).
2. Бызов Л. Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 2. С. 6—21.

3. Бызов Л. Г., Губанов Д. А., Козицин И. В., Чхартишвили А. Г. Идеальный политик для социальной сети: подход к анализу идеологических предпочтений пользователей // Проблемы управления. 2020. № 4. С. 15—26.
4. Inglehart R. (1977) The silent revolution. Princeton: Princeton University Press.
5. Rokeach M. (1973) The nature of human values. New York, NY: Free Press.

**X международная социологическая
Грушинская конференция**

**«Жить в России. Жить в мире.
Социология повседневности»**

20 мая—14 ноября 2020 г.

Материалы конференции

Редактор

А. Н. Кокарева

Дизайн и верстка

А. О. Соляев

105064, Москва, Пречистенка, 38.
Тел.: +7 495 748-08-07 www.wciom.ru

При перепечатке материалов ссылка обязательна